

*Посвящается моим критикам-оппонентам,
которые своей многолетней и плодотворной работой
способствовали появлению данного текста и
без язвительного скепсиса которых,
он так и остался бы мечтаниями молодого ученого*

О.К. Шевченко

ТРИУМФ ВЛАСТИ

**(советская историософия
Ялтинской конференции)**

Монография

Брянск
БРОО «ЦИОГНИС»
2018

УДК [1:930.1](0.064)
ББК 63.3(2)622, 13:60.03
ШЗ7

Рекомендовано к печати Учёным советом
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
(протокол № 6 от 28 июня 2018 г.)

Рецензенты:

Савчук В.В. – доктор философских наук, профессор СПбГУ
(Санкт-Петербург).
Орехов А.М. – доктор философских наук, доцент РУДН (Москва).
Королев А.Д. – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник ИФ РАН (Москва).

Шевченко О.К..

Триумф власти (советская историософия Ялтинской конференции): монография / О.К. Шевченко. – Брянск: БРОО «ЦИОГНИС», 2018. – 238 с.

ISBN 978-5-7164-0750-3

Монография посвящена освоению универсалии власти «Ялтинская конференция-1945» в Советской цивилизации. Кроме этого, текст включает в себя исследование отдельных элементов как англо-американского подхода к трактовке Ялтинской конференции, так и подходов современных экспертов из России и Украины. Автор анализирует процесс инкорпорации исторического события «Ялтинская конференция» в историософские структуры цивилизационного пространства СССР при помощи создания субуниверсалий власти, объединенных под аббревиатурой «Ялта-45», как своеобразного симулякра власти XX века. Книга базируется на тщательном и детальном анализе архивных данных, *библиографических редкостей* и иных документов советской эпохи.

Предназначена для философов, историков, политологов и всех тех, кто интересуется становлением и развитием технологий власти в XX веке.

УДК [1:930.1](0.064)
ББК 63.3(2)622, 13:60.03

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Анатомический театр власти (пролегомены к историософии Ялтинской конференции)	16
Глава 2. «Секретный фарватер» Ялтинских текстов (история осмысления советских дискурсов о «Ялте-45»)	42
Глава 3. Геополитический барометр (основные черты советской историософии Крымской (Ялтинской) конференции 1945 г.)	57
Глава 4. Власть кроется в мелочах... (документальная база советских исследователей Ялтинской конференции)	94
Глава 5. Запрет на ложь, но вето на правду (принципы историософской трактовки Ялтинской конференции советскими экспертами)	118
Глава 6. Маленькие слова о Большой Власти (феномен Крымской публицистики 1945-1991 гг.)	133
Глава 7. На плечах великих (Российская и Украинская тенденции историософии Ялтинской конференции в 1991-2013 гг.)	154
Заключение	169
Приложения	180
Литература	194
Summary	223

ВВЕДЕНИЕ

Триумф – блестящий успех, торжество...
Сергей Ожегов

Ялтинская конференция 1945 г.¹ это последний международный форум с участием ведущих держав Объединенных Наций в доядерную эпоху. С ее окончанием завершился не просто очередной раунд дипломатических отношений между странами Антигитлеровской коалиции, но полностью исчерпал себя запас дипломатии Старого мира. Того самого мира, который ковался в Вестфалии в 1648 г., ярко проявлял себя в Париже в 1814-ом, 1856-ом и 1919-ом годах. Ялтинская конференция 1945 года ознаменовала окончание тотальной европейской гегемонии и поставила ребром вопрос об объединении разнообразных стран на разных континентах в единую организацию. Организацию, сочетающую в себе решение экономических, политических, социальных и военно-полицейских проблем. Аккуратный зондаж этого вопроса на предыдущих встречах, как глав Большой Тройки, так и их полномочных представителей, завершился в Ялте проработкой конкретных документов, обеспечивающих технические детали осуществления этой идеи. Речь шла уже не о декларациях, хоть и стратегического

¹ В научной литературе существует несколько названий данного научного форума: «Крымская (Ялтинская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4-11 февраля 1945 г.)», «Ялтинская конференция 1945», «Крымская конференция 1945», «Ялта-45» и т.п. и т.д. Все эти обозначения являются синонимами, идентичными по своему смыслу. В настоящей монографии помимо указанных обозначений будет использоваться в стилистических целях сокращение «ЯК».

характера, но совершенно необязательных к выполнению, а о практических нюансах работы создающейся Организации Объединенных Наций. Именно Ялта-45 стала осью, вокруг которой завертелся послевоенный мир. Именно в Ялте-45 были заложены многочисленные минные поля для будущих политических игроков на планете Земля: право вето членом Совета Безопасности ООН, новые границы между Польшей и Германией, территориальные приращения СССР на Дальнем Востоке за счет Японии, принципы политического обустройства послевоенной Восточной Европы, введение в ООН, как теоретически самостоятельных игроков, УССР и БССР. Перечень можно было продолжать на многих страницах. Ясно одно, в Ялте были сформированы основы нового миропорядка. Причем на самом кануне появления ядерного фактора в мировой политике. Потсдам-45 лишь подтвердил ялтинские договоренности и жестко обозначил те минные поля, которые в феврале 1945 года смотрелись скорее как задумка лидеров Большой тройки, а летом того же года они стали фактором, с которым уже приходилось работать дипломатам разного уровня. И ядерная «дубинка для русских парней» никоим образом не изменила вектора движения геополитического экспресса, пущенного в феврале 1945 года еще в безъядерную эпоху на излете Вестфальско-Версальской системы мироустройства.

Обозначу² те факторы бытия геополитического универсума, которые стали с 1945 года определять новые нормы для мирового сообщества.

2 Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что в ныне существующей сфере неписаного этикета российской науки (а может уже и строго регламентированного отдельным распоряжением ВАК) местоимение «Я» звучит вызывающе и некорректно. Однако уверен, что слащаво-лицемерное «Мы» приводит к обезличиванию текста. К тому самому обезличиванию, которое, и я в этом убежден, является современной болезнью роста российской философии. Эта болезнь заключается в ложной скромности, или, говоря словами литературного героя

Во-первых, это фактор времени. Творцы «Ялтинской системы координат» неоднократно подчеркивали, что создают временную структуру, целью которой являлась бы ликвидация возможности войны в Европе хотя бы на 50 лет. Об этом, пожалуй, одним из первых заявил, американский президент – Ф. Рузвельт – 6 февраля 1945 г. в Большом парадном зале Ливадийского дворца во время пленарного заседания, посвященного вопросам будущей ООН [Ялта-45, 2010, с. 108]. Чуть позже глава СССР И. Сталин, вступив в жесткую полемику с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем, привел как аргумент в пользу своей точки зрения, фразу Рузвельта о 50 годах мира и безопасности, дав понять, что полностью разделяет его, американского президента, видение проблемы [Ялта-45, 2010, с. 115]. Черчилль промолчал, что, признаться, делал он крайне неохотно и редко. А спустя два дня 8 февраля 1945 года на дипломатическом обеде в Юсуповском дворце (поселок Кореиз) он в присутствии ему экспрессивной модели поведения заявил свою точку зрения в форме застольного тоста: «Я должен сказать, что еще ни разу за всю войну, даже в самые мрачные периоды, я не ощущал на себе такой большой ответственности, как сейчас на этой конференции. Теперь, по причинам, на которые указал маршал, мы понимаем, что достигли вершины холма и перед нами простирается открытая местность. Не будем преуменьшать трудности. В прошлом народы, товарищи по оружию, лет через 5–10 после войны расходились в разные стороны. Миллионы тружеников двигались, таким образом, по замкнутому кругу, падая в пропасть и затем снова поднимаясь лишь благодаря своим собственным жертвам. Теперь

Ф.М. Достоевского: «...стыд собственного мнения... ни одной-то собственной идеи не осталось ни у кого в голове! За стыд почитают» [Достоевский, 1957, с. 404]. Отсюда желание спрятаться за чужую цитату, либо за максимально обобщественную, уникальную коллективную массу «Мы». В этом смысле небольшая фронда в формате «Я» будет вполне уместна и приемлема.

мы имеем возможность избежать ошибок прежних поколений и обеспечить прочный мир. Люди жаждут мира и радости. Соединятся ли вновь семьи? Вернется ли воин домой? Будут ли восстановлены разрушенные жилища? Увидит ли труженик свой дом? Защита своей страны – доблестное дело, но перед нами еще большие задачи. Нам предстоит преобразить в жизнь мечту бедняков, чтобы они могли жить в мире, охраняемые нашей непобедимой мощью от агрессии и зла. Я возлагаю свои надежды на замечательного президента Соединенных Штатов и на маршала Сталина, в которых мы найдем поборников мира и которые, разбив наголову противника, поведут нас на борьбу против нищеты, беспорядков, хаоса, гнета. Я возлагаю на это надежды и от имени Англии заявляю, что мы не отстанем в наших усилиях. Мы неослабно будем поддерживать ваши усилия. Маршал говорил о будущем. Это самое главное. В противном случае океаны крови окажутся напрасными и поруганными. Я провозглашаю тост за яркий, солнечный свет победившего мира» [Черчилль, 1997, с. 521]. Во всей этой яркой речи, философски и литературно одаренный британский джентльмен обозначил обычный предел мирных усилий после больших войн – 5-10 лет. Он однозначно желал и активно предпринимал усилия в Ялте, чтобы этот рубеж был преодолен, но как опытный интриган и коварный представитель парламентской демократии Британии отказывался говорить о верхней рамке мира. Впрочем, вся его речь была завязана как на поколение, прошедшем войну, так и на том, которое родилось непосредственно во время этой войны или сразу же после нее. Тем самым У. Черчилль дал понять, что рассчитывает на одно-два поколения мира, что вполне соответствует лапидарной точности прогноза Ф. Рузвельта и И. Сталина. О вечности или столетиях не грезил никто.

Во-вторых, это фактор Объединенных Наций. Ялтинская конференция прошла под знаком объединения свободных

наций (в том числе и СССР!) на единой игровой площадке. На разных этапах переговорного процесса эта площадка называлась по-разному: и Объединенные Нации и Организация Международной Безопасности – не суть важно. Речь шла о глобальном представительстве наций в создаваемом всемирном политическом клубе. Впервые в истории мира ключевыми игроками общепланетарной организации должны были стать страны Востока и Латинской Америки. Более того, в «Высшую лигу» с правом вето впервые приглашались Китай и СССР. Через три месяца после старта проекта «ООН» в г. Ялта на другом континенте в г. Сан-Франциско была созвана Конференция Объединенных Наций по созданию международной организации с участием представителей 50 государств, представлявших 80 процентов жителей планеты Земля. Никто и никогда не забывал, что без Ялтинской встречи Большой Тройки и без согласованных усилий по созданию столь сложной организации, идея Объединенных Наций получила бы карликовое воплощение в формате настоящего дипломатического «недоразумения», подобного печально известной Лиге Наций (1919-1946 гг.), которая не столько способствовала миру, сколько его подтачивала, не столько объединяла нации, сколько обостряла противоречия между ними.

В-третьих, фактор границ. В Ялте были установлены новые границы в Европе и Азии. Границы, которые и по сей день остаются актуальными как для стран сохранивших свою государственность, так и для правопреемниц уже не существующих держав. Сменялись политические режимы, изменялся социальный строй, отдельные регионы объединялись и распадались, менялись внутренние кордоны, но внешние границы остались и остаются незыблемыми с 1945 г. Это касается таких стран как: СССР (в настоящий момент «Ялтинские границы» являются внешними границами Украины, Белоруссии и Российской Федерации), Польша,

Федеративная Республика Германия, Япония. Помимо этого на конференции отрабатывались нюансы о территориальных проблемах на Югославско-Австрийской и Югославско-Итальянской границах. Уточнялись вопросы о статусе Ирана и Монголии.

По итогам Ялтинской встречи границы в Европе и Азии существенно трансформировались, а с изменением государственной принадлежности территорий более 5 миллионов человек эмигрировали со своей Малой Родины на Родину Большую. Не меньше людей сменили гражданство, а их дети и внуки поменяли язык, культуру, вступили в межэтнические браки и растворились в новой национальной среде, куда были включены их территории (наиболее яркий пример этому – ситуация с включением в состав Польши значительных частей «немецкой» Силезии) [Шевченко, 2010].

В-четвертых, была закреплена идея доминирования отдельных мировоззренческих, социально-экономических и политических систем на определённых территориях. То есть, были сформированы четкие сферы влияния в Европе и Азии (Африка, Латинская Америка, Ближний и Средний Восток за исключением отдельных четко локализованных пространств были оставлены без жесткой привязки к той или иной системе). Именно распространения влияния СССР посредством коммунистической парадигмы от Австрии до Монголии (включая поддержку ряда мощных антиправительственных организаций на Ближнем и Среднем Востоке, активное участие, практически доминирование в китайском вопросе) явилось наиболее дискуссионной частью результатов Ялтинского мира в Западном истеблишменте. Именно создание Советским Союзом пояса безопасности из дружественных и лояльных к нему стран до сих пор вызывает основную критику, как наших отечественных ультралибералов, так и большинства Западных политиков, от Правых до Левых включительно.

Представленные четыре фактора явились глобальными китами, на которых держался Ялтинский мир. В 1991 году один из творцов этого мира – СССР – прекратил свое существование. Символично, что произошло это спустя 46 лет после Ялтинских встреч. Одновременно рухнула его сфера влияния – четвертый столп Ялтинской мировой сетки координат.

Распад Чехословакии и объединение Германии нанесли удар по духу Ялтинских договоренностей³ (закрепленных серьезным международным Хельсинским договором о нерушимости границ в Европе). Третий столп был основательно раскочан и нравственно дискредитирован.

Серия Югославских войн 1991-1999 гг. поставила под сомнение уже второй столп – международную систему безопасности. Агрессивная, захватническая война сил НАТО в нарушение устава ООН (Ирак – 2003-2011), а также масштабные искажения принятой резолюции ООН, превратившие гражданскую войну в интервенцию сил НАТО против суверенной державы (Ливия – 2011) окончательно дискредитировали смысл бытия Международной организации по обеспечению безопасности. Второй столп еще не разбит, но уже повален.

Спустя 50 лет после Ялтинских встреч построенный дипломатическим гением Большой Тройки мир рухнул. Фактически от него остались отдельные обломки, которые в

³ Именно «духу», ибо с точки зрения строгого юридического позитивизма, интеграция и дезинтеграция государств Западной, Восточной, Северной и Южной Европы, в принципе, не противоречат буквам, подписанным в Ялте. Иное дело смысловые интерпретации как самого текста того или иного «ялтинского» документа, так и презентация значимости *типа* этого документа. Например, уже в Потсдаме-45 И. Сталин оперировал в своей речи как важным *аргументом* текстом «Протокола работы Крымской конференции», а Г. Трумен видел в «Протоколе...» лишь *запись частных мнений* участников делегаций, но, не как юридический документ, к чему-либо обязывающий США.

силу своей величины и красоты создают имитацию жизни, но сколь-нибудь серьезной роли не играют. Ныне формируется новый мировой порядок, который создается динамичными региональными суперструктурами: НАТО, ЕС, ШОС, БРИКС, ЕАЭС. Это уже новый мир с другими правилами игры. Тем необычней и пикантней было наблюдать в канун 70-летия Ялтинской конференции массовые заявления о необходимости создания «Ялты-2». Рассуждения о важности и необходимости проведения авторитетного международного форума по созданию новых правил игры в изменившемся геополитическом континууме. Ажиотаж был крайне высок как со стороны публицистов, так и со стороны политиков.... Вот только сколь-нибудь серьезных исторических или политологических работ, посвященных анализу того, что же все-таки всех восхищает или, наоборот, угнетает в прежнем «Ялтинском мире», так и не было. С начала двухтысячных годов, по крайней мере, в русскоязычном пространстве так и не было опубликовано ни одной солидной монографии или толкового научно-популярного издания, посвященного Крымской (Ялтинской) конференции 1945 года. В большинстве (абсолютном большинстве!) вышедших в канун юбилея научных статей эксплуатировались образы, созданные в эпоху Советского Союза. Основные ссылки делались на документы, опубликованные опять-таки в Советском Союзе, ссылались на теоретические работы либо опубликованные в Советском же Союзе, либо на те тексты, которые всего лишь пересказывали разработки, опубликованные в том же Советском Союзе. И это притом, что полноценного анализа, созданного советскими экспертами образа Ялтинской конференции, так никто и не проводил... кроме самих же советских экспертов и опубликованных же в Советском Союзе, да и то в очень и очень скромном объеме. Материалы советского периода осмысления ЯК использовались, факты учитывались, теории брались на во-

ружение всеми от блогеров до министров, от студентов до академиков, а понимания того, что берется, для чего и как оно было создано – не было, и нет. По крайней мере, мне не известно в этом плане ни одного специализированного труда больше кратких тезисов, оригинальней заунывно-парадной статьи к очередному юбилею или набора штампов в разделе многотомного издания.

Учитывая роль советской, даже не историографии, а комплекса исторических, философских и политологических (с серьезными элементами политтехнологии и дипломатического шантажа) разработок в области Ялтинской конференции, понимая и осознавая то влияние, которые они оказывают не просто на кабинетных ученых, но и на действующих политиков, *считаю актуальным и необходимым – подвергнуть системному анализу историю советского освоения исторического события Ялта-45.*

В приведенных ниже главах речь пойдет не столько о самой Ялтинской конференции как историческом событии, сколько о системе использования СССР остатков этого события (фотографий, документов, воспоминаний и прочего) в серьезной конкурентной борьбе за геополитическое доминирование в годы Холодной войны. Система включала в себя формирование устойчивых структур (в терминологии автора *субуниверсалий власти*), сотворения единого и многогранного образа Ялтинских событий (*тело универсалии власти «Ялта-45»*). Данный процесс шел в рамках усилий власти по формированию определенных стратегий понимания исторического события, а, следовательно, речь идет именно об универсалиях и субуниверсалиях власти. По большому счету создавался своеобразный симулякр, призванный заменить реальность, которая исчезла из предметного мира, став прошлым и трансформировавшись в память о прошлом. Надо отметить и даже настойчиво подчеркнуть, что этот процесс шел параллельно с такими же

усилиями англо-американских интеллектуалов по использованию Ялты-45 в своих не менее корыстных властных играх. Иногда эти процессы, пересекались, и тогда началось их взаимное осуждение и дискредитация, причем, насколько можно судить, советские эксперты знали работы своих визави по другую сторону Железного занавеса куда как лучше, чем англо-американские профессора труды советских специалистов. Но это тема отдельного блока монографии, который позже, если позволят обстоятельства, будет развернут в самостоятельное сочинение.

Настоящая книга состоит из семи глав. *Первая глава* – сугубо методологическая. Ее цель ввести читателя в авторский замысел, ознакомить с его, автора, гипотезами, постулатами и аксиомами; дать возможность освоиться читателю с авторской лексикой и ракурсом зрения на заявленные проблемы. Во *второй главе* будут пунктирно очерчены ключевые для советского дискурса «Ялта-45» подходы к самоосмыслению собственных текстов. Это, конечно же, не чистая историография, ибо идеи, концепции и приемы, которые создавались в этих целях, всегда появлялись в рамках конкретного проекта, связанного с международной деятельностью, или с корректировкой собственной идеологии, и несли на себе печать не столько исторической науки, сколько политологии, философии и публицистики. «Чистой историографии», как раздела исторической науки в рамках советских, российских или украинских штудий, Ялтинская конференция не знала и не знает поныне. В *третьей главе* будет прослежено влияние геополитического фактора на становление историософии Ялтинской конференции. В *четвертой главе* будет детально проработана источниковедческая база советских экспертов по Ялте-45, уточнены этапы ее формирования и специфика публикации. В *пятой главе* подробно и тщательно будет вскрыта технология создания нужного власти Ялтинского образа. *Шестая*

глава посвящена большой роли Крымской публицистики в изучении «Ялтинского мира». В 1945 году крымская публицистика играла серьезную роль в дипломатических играх, в 70-ые она, зачастую, публиковала знаковые «Ялтинские тексты» до их появления в Больших Книгах. Многочисленные участники Ялтинской конференции в 80-ые годы с охотой давали свои воспоминания. А учитывая, что в то же время в Крым прибывало до 10-11 миллионов туристов (в том числе и иностранных) в год, то влияние Крымской прессы на создание имиджа Ялты-45 – переоценить трудно. В *седьмой главе* будет схематично прослежено влияние историософских концепций советских ученых на конкретные работы Российских и Украинских специалистов в 1991-2013 годах.

Я в полной мере осознаю слабые стороны своего текста, но, тем не менее, считаю возможным опубликовать его в данном несовершенном виде. Нельзя объять необъятное, как невозможно избежать некоторых естественных болезней роста. Данная книга представляет собой первую попытку монографического исследования феномена «советского текста о Крымской конференции 1945 г.». При этом речь идет не о локальном историографическом или библиографическом исследовании (которых, кстати говоря, до сих пор не существует ни в виде брошюр, ни в форме монографий), а об исследовании в формате историософском. Очевидно, что не все источники будут в должной мере отражены в тексте (ведь они впервые комплексно собираются в рамках одного издания), как и не все гипотезы получают фундаментальное теоретическое обоснование (ведь первая монография, открывающая научную дискуссию, не может быть одновременно окончательным и последним словом этой самой дискуссии). Во многих случаях возможно, будет говорить лишь языком постулатов и авторского видения

проблемы. В силу этого я использую следующий метод изложения материала. В начале главы я излагаю свои постулаты и гипотезы, формируя поле возможного. В рамках второго этапа на конкретных фактах отрабатывается сформированное информационное поле и предлагается теоретическая схема. Отдельные элементы этой схемы могут так и остаться постулатами, или получить косвенное подтверждение, переходя в формат гипотезы, а некоторые элементы будут образовывать железобетонные блоки истины, скрепленные как обилием фактического материала, так и выводами иных исследователей этих элементов системы.

Я выражаю признательность заведующей сектором краеведческих изданий и библиографии отдела краеведения Крымской республиканской универсальной научной библиотеки **Надежде Яковлевне Максимушкиной** за помощь в работе с краеведческими изданиями, а также советнику таможенной службы I ранга **Боровикову Глебу Валентиновичу** за помощь в поиске редких изданий, посвященных Ялтинской конференции. Также благодарю многолетнего заведующего отделом «Крымская конференция 1945 г.» Ливадийского дворца-музея **Шамрина Олега Александровича** за предоставленный им ряд печатных материалов, носящих характер библиографических редкостей, и выражаю признательность доктору политических наук, профессору, в настоящий момент проректору по международной деятельности и информационной политики Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского **Сергею Васильевичу Юрченко** за предоставленные им библиографические списки.

Ялта – 2009–2010;

Ялта, Симферополь, Евпатория – 2010–2017.

Глава 1. АНАТОМИЧЕСКИЙ ТЕАТР ВЛАСТИ (пролегомены к историософии ялтинской конференции)

Шум дерева создают не плоды, а листва
Андрей Годына

Пожалуй, нет ни одного человека, который хотя бы раз в своей жизни не произнес слово «Власть»¹. Как нет, наверное, ни одного ученого из сферы социально-гуманитарного знания, который бы ни разу не употребил это слово в своей лекции, монографии или статье. Гораздо меньше тех, кто задумывался над понятием «Власть» и практически нет тех, кто, используя стройную концепцию «власти», плодотворно занимался бы ее историей. Удивительный факт! Во всем многообразии книг, статей, тезисов, интервью, посвященных власти, отсутствует качественный блок истории власти. История политики – есть, история государства – есть, история права – есть... существует даже история биополитики [Фуко, 2010, с. 38-39]... а вот истории власти – нет. Можно, конечно сослаться на того же М. Фуко, как творца пусть и не истории власти, но уж биовласти – точно. Однако французский мыслитель создавал не столько историю власти или биовласти, сколько историю того: «каким образом

¹ Данная глава носит сугубо методологический характер. Она служит постулированию тех ключевых идей, которые являются становым хребтом всей книги. В узком смысле заявленные в ней тезисы это своеобразные методологические вексели, которые будут оплачены многоаспектным эмпирическим материалом в последующих частях монографии.

социум... стал принимать в расчет данный фундаментальный биологический факт: человеческий род есть человеческий вид животного царства» [Фуко, 2011, с. 13]. А власть в более широком смысле это некий, симбионт государства, экономики, сексуальных отношений. Это «совокупность механизмов и процедур» [Фуко, 2011, 2011, с. 14]. А, значит, история власти может рассматриваться исключительно контекстуально, например, в рамках истории экономических преобразований, при этом власть может выступать как следствием, так и причиной изучаемых процессов [Фуко, 2011, с. 15]. Учитывая приведенные точки мысли М. Фуко стоит отметить, что ни сам М. Фуко, ни его последователи отнюдь не склонны были, создавать какие бы то ни было конструкции *истории власти*, как самодостаточной бытийствующей реальности.

Еще раз обозначу и подчеркну ключевой момент изложенной мысли – **нет истории власти и только власти, базирующейся на развернутой и строгой теории власти, построенной по четким правилам научной или философской методологии**².

² Пожалуй, единственное исключение представляет собой солидный трактат, опять таки, французского философа «Власть: Естественная история ее возрастания» (в русском переводе – более 34 а.п.л.!). Но автор создавал скорее философский набросок расширения ареала власти в пространстве и времени, прописывал механизмы диффузии власти в социум и антропологические измерения (если не сказать в предметную телесность Человека разумного) [Жувенель, 2010]. Поэтому назвать это серьезное исследование именно «Историей власти» было бы ошибкой. Отдельные попытки отечественных исследователей проследить историю власти были предприняты в книге «Politika hermetica: скрытые аспекты власти» [Исаев, 2002], но автор не сформулировав базисную дифиницию власти не смог выполнить в полной мере этот проект. Также весьма энергично к проблеме истории власти подошел автор монографии: «Власть: прошлое и будущее» [Сапронов, 2008], но излишняя политологизация исследовательской цели, постоянный методологический крен от философии власти к истории полити-

В рамках интернет-дискуссии, которая развернулась на одном из интернет-ресурсов по поводу моей статьи, некто под псевдонимом «Скарамуш» так прокомментировал отсутствие истории власти: «А смысл? Власть – это абстракция. Объективно власть не существует. Объективно существуют властные отношения, властные институты, носители власти, учения о власти, и т. д. Плюс виртуальная дефиниция и субъективное ощущение, связывающее все эти разноплановые явления. Выделить все это в тему для исторических изысканий, конечно, можно, но это не интересно и не актуально. Получится что-то вроде «Истории изменения человеческих представлений о власти и ее природе». А это не интересно без прилагающейся исторической фактуры. А если мы берем фактуру, то придется помахать ручкой кросстемпоральным методам из-за возрастания объемов работы в геометрической прогрессии» [Шевченко, 2016].

Коллега точно и ярко обрисовал суть проблемы. Более того, представляется, что на основе изданных в России исторических работ, посвященных власти [Фадеева, 2001; Цатурова, 2002; Священное тело короля, 2006; Искусство власти, 2007; Хачатурян, 2008; Астапова, 2017], историки оценивают власть именно как абстракцию, не существующую в объективной форме³. Для них это либо удобное и броское слово, либо конкретные властные отношения, носители власти и т.д. При этом возникает вопрос. Если существуют носители власти, то с необходимостью, должно же объективно существовать и то, что носят, чем владеют, что используют? Если есть властные отношения, то обязательно существует и то, что обеспечивает эти отношения. Иначе, следуя логике коллеги – существуют производственные от-

ческих институций привело к подмене понятий и обесценило книгу в историософских смыслах.

³ Похожая ситуация складывается и у западных историков [Уортман, 2002; Jones, 2008; Uribe, 2017].

ношения, а само производство это абстракция – не существующая в реальности. Последнее утверждение более чем абсурдно. Впрочем, тут я вторгаюсь в старый спор относительно того, имеет ли власть субстанциональный характер или нет [Новиков, Новикова, 2011, с. 41; Желтов, 2013, с. 27-39]. Является ли власть только способностью, отношением или чем-то более материальным и наукометричным? История этих столкновений прекрасно описана в соответствующей литературе [Ледяев, 2001, с. 25-59]. Но для меня и для тебя, читателя, важно другое. При помощи чего мы можем изучать власть? То, что имеются некие властные воздействия – очевидно. Также очевидно, что мы их ощущаем, воспринимаем и даже используем. Но, что позволяет нам анализировать власть, экспериментально проверять наши теории, соотносить наши концепции с реальностью? При этом не путать управление, политику и волю с собственно властью? В текущей жизни – это не возможно, о чем и говорит известная «размытость» смысловой сферы бытового, так сказать, стихийного употребления слова «Власть».

Наша повседневная реальность представляет собой туго переплетенный канат всех указанных форм/способов бытия власти. И расщепить мы ее можем только тогда, когда выйдем из этой повседневности в иное измерение. Когда поместим обрубки каната в иную реальность, где спокойно и неторопливо сможем распутать так тесно переплетенные между собой нити политического влияния и волевого акта личности, политической интриги и сценариев власти.

Это пространство должно позволять нам проводить эксперименты, предоставлять возможности снова и снова, пусть и в ходе мысленного эксперимента, вязать узлы смыслов, осуществлять новое переплетение нитей, раз за разом нащупывая верное решение, которое коллеги (и это очень важно!) могут неоднократно повторять, следуя нашим инструкциям, подтверждая, тем самым, верность нашей тео-

рии, постулата или просто частного мнения. Изменчивый хаос настоящего такой возможности предоставить не может. Но может предоставить прошлое, ведь оно – великолепная лаборатория для специалистов в социально-гуманитарных науках⁴.

Показательно, что не существует такой подготовленной площадки для познания властной специфики в историческом плане. Для познания государства или тирании есть необходимая отточенная процедура и готовые комплекты фактов, а вот для власти нет. Но, ведь если что-то существует, то оно существует не только как-то и где-то, но и когда-то. Поэтому на фоне тотального отсутствия истории власти нам под видом властной реальности предлагают изучать «*нечто*» вечное, «*нечто*» с вариациями в формате «*как-то*», которые, в свою очередь, зависят от формата «*где-то*», но обязательно, при неизменном – «*что-то*». Данный подход хорош для изучения действительно вечного, например, проблемы Бога в догматическом богословии, но отнюдь не реальности вещной и мирской. Ведь без истории *чего-то* (трансформации «*что-то*» в разнообразные форматы) нет мирской реальности, а существует только надмирная, горняя, истинно вечная и совершенная⁵.

⁴ С моей точки зрения, познавательная мощь истории в поиске истины состоит не столько в подборке фактов или их осмысления, сколько в предоставлении площадки для экспериментов с самыми разнообразными объектами или предметами социально-гуманитарного знания.

⁵ Крайне любопытен в этом отношении опыт понимания власти в рамках богословия и церковной истории, дающий нам исключительный опыт сопряжения сакрального и профанного, метафизического и локально-наблюдаемого предметного [Булгаков, 2017, с. 621-638; Иоанн (Смычев), 1995, с. 8-33, 89-140; Симеон (Мазаев), 2017, с. 93-94, 123-127; Величко, 2016, с. 26-44; Захаров, 2016, с. 4-13]. В указанных книгах рассматриваются разнообразные богословские доктрины, презентуются разнообразные авторские прочтения термина «Власть» и достаточно вольно трактуются догматы православной церкви. Но неизменно присутствует мысль об онтологии власти, об ее надмирном источнике

Когда я говорю об истории власти – имеется в виду не *история представлений о власти*, а история самой, что ни на есть власти. История, как изменения власти в разнообразных условиях под воздействием разнообразных факторов. История не дефиниций власти, а реальности-власти, которую эта дефиниция власти пытается «ухватить». Речь идет не об истории лексического термина, а о реальности-власти, которую термин-власть пытается зафиксировать. И в данном случае неважно: рассуждается только об отношениях или о чем-то более предметном и материально измеряемом. Тут ключевая мысль – отсутствие в наших научных и философских традициях истории *бытия власти*

и универсальной схеме эмпирического воплощения. Причем, таком воплощении, которое проходит по реестру должного. В данном смысле история власти в человеческом мире это не более чем история искажений должествования, искажений, которые ведут к катастрофе в силу самовольного нарушения онтологии власти, которая под своими обломками хоронит «нахальных» реформаторов. Истинная же власть, в силу своего абсолютного совершенства не имеет истории, как не имеет истории янтарное царство, а присутствует лишь история фантазий смотрящего в янтарные миры. Наиболее логично эта мысль проходит в средневековых трактатах, вершиной которых можно считать книжицу «Монархия» [Данте, 1999, с. 19-139]. Но то, что допустимо и естественно в мире богословия, излишне в мире профанном. Я, как православный христианин, не ставлю под сомнение характер истинной, божественной власти в мире горнем и ее права в мире дольном, но считаю возможным усомниться в приемлемости перенесения принципов познания совершенства на познание искаженного (иногда вполне намеренно искаженного) отблеска этого совершенства в мирах земных. Доляняя локация мира упрямо творит историю власти, которая лишь термином схожа с властью божественной, но, по своему существу, уже весьма далека от идеала. В этом смысле, вероятно, речь идет уже об искаженном отражении искаженного отражения совершенства. Другими словами, есть музыка, а есть звуки... а есть и музыкальный инструмент, издающий звуки. И, очевидно, методы постижения симфонии великого композитора будут отличаться от методов постижения распространения звука или аспекта ремесла, создающего лак для скрипки.

(не государства, не политики, управления, не права, а именно *власти*).

В чем здесь дело? Отчего так произошло? Быть может, речь идет об искусственном искажении, целенаправленном заговоре историков? Отнюдь. Факт отсутствия истории власти представляется вполне естественным и обыденным. *Ибо прошлое – это основное пространство бытия власти.* Звучит несколько запутанно, но, тем не менее, менять формулировку не собираюсь. Лучше укажу на свои соображения по данному поводу.

Власть как реальность никогда не существует в настоящем, она располагается либо в будущем, либо в прошлом. Человек, социум, государство, Генеральный секретарь ООН, сантехник с улицы Мате Залки г. Симферополя – все они попадают в поле власти только с того момента, когда осознают себя включенными в процесс власти, когда вступают в игру «Господин и Раб», либо в более мягкой форме в отношении «Господства и Подчинения». Но процесс власти не может начаться спонтанно с неуловимого мгновения настоящего, он всегда начинается *когда-то* (прошлое) и завершается *когда-то* (будущее). Будущее при этом всегда крайне смутно, но вот прошлое, как источник власти, всегда открыто участнику власти. Другое дело, как фиксируется это *когда-то* (прошлое). Тут может иметь место понимание, сформированное участником власти самостоятельно, а может иметь место и понимание, навязанное извне (достаточно вспомнить политические карьеры таких «удачливых» властелинов, как Б. Муссолини и А. Гитлер, которые во многом обрели власть благодаря навязыванию массам своего понимания прошлого).

XX век продемонстрировал небывалый триумф технологий, усиливающих контроль над фиксацией прошлого ради текущих политических задач. Прошлое стало ареной ожесточенных войн, и победитель получал возможность ма-

нипулировать массами участников властного процесса, не воздействуя на предметные материальные интересы участников напрямую, а работая с прошлым, как пространством бытия власти, и в результате получая нужный материальный эффект в настоящем. Речь идет не просто об идеологии или политической манипуляции, а о системной работе по трансформированию и созданию новых реальностей бытия власти, их столкновений по всей линейке информационных позиций от телевидения и кинематографа до научных статей и сборников документов.

В этом смысле власть это всегда мертвое прошлое. Она не имеет жизненных сил и не может проходить по реестру живого, динамичного, открытого. Власть и бытие власти это мертвое прошлое, которое получает *псевдожизнь*⁶ во властном процессе настоящего. Она получает иллюзорную жизнь лишь в нашем ситуационном понимании, что есть власть и где Я есть в этой власти. Это мертвые клетки, которые Человек с усилием забрасывает в будущее. И когда такое будущее приходит, то процесс нашего осмысления, понимания, восприятия власти становится прошлым, мертвым прошлым власти.

Процесс власти превращается в мертвую статику истинного бытия власти, которую в следующее мгновение мы гальванизируем ради сиюминутных интересов⁷.

⁶ В тексте также будет использоваться термин «квазижизнь», который является синонимом «псевдожизни».

⁷ У Жана Бодрийера данный процесс представлен следующим образом: «теперь невозможно отделить и процесс реального, или доказать реальность реального... Сама власть в конце концов дезорганизовывается в этом пространстве, превращаясь в симуляцию власти (утрачивая связь со своими целями и задачами и обрекая себя на производство лишь эффектов власти и массовой симуляции)» [Бодрийер, 2017, с. 44-45]. Но если французский мыслитель фиксировал этот процесс как феномен современного мира, то я усматриваю его как естественный процесс творения власти в континууме человеческого бытия. Иной во-

Этот постулат, с моей точки зрения характерен для всех участников властного процесса. Другое дело, что понятия «прошлого» и «настоящего» для сантехника с улицы Мате Залки г. Симферополя и государства – СССР – будет разным. И вот тут-то возникает возможность изучить указанный постулат при помощи эмпирических наблюдений. Подтвердить его или опровергнуть. То есть – искусственно создать «анатомический театр власти», проследить, как сменяется псевдоживое (процесс власти) на мертвое (бытие власти). Но для начала нам нужно изучить именно уже прекратившийся процесс. Уже ставшим бытием власти. Ведь, чтобы понять псевдоживое, надо изучить мертвое, чтобы понять движение нужно увидеть статику. Для этого и была выбрана Ялтинская конференция 1945 года и все те элементы власти, которые с ней связаны⁸. И первым теоретическим инструментом в этом анатомировании послужит *тело универсалии власти «Ялтинская конференция»*.

Ялтинской конференции 1945 года, по моим подсчетам, только на русском и украинском языке посвящено более 500 исследований. Однако в абсолютно подавляющем своем количестве (свыше 90%) это тексты, которые имеют исторический и публицистическо-политологический дискурс.

прос, что наиболее выпукло и ясно процесс творения власти был явлен в веке XX, как в силу беспрецедентного развития наук о власти, так и в силу беспрецедентного же ускорения творения власти, увеличения частотности смены властных декораций. Последнее помогло человечеству «увидеть» власть, как движение предметов привлекает многих насекомых, и свидетельствует для них, насекомых, что предмет представляет собой реальность, на которую следует, так или иначе, отреагировать.

⁸ ЯК может предложить фактаж для большого спектра философских методик. В моей монографии упор был сделан на традиции французского способа осования власти. Но это не единственный вариант анализ. Так в одной из моих статей базируясь на концепции И.И. Кального, удалось формализовать «точки» власти в рамках «Японского» и «Польского» дискурсов, что позволило придать теоретическим изысканиям И.И. Кального предметную насыщенность [Шевченко, 2016-А].

До сих не было попыток применить к анализу Ялты-45 методики антропологического постижения истории или же оценить дискурсивные возможности Ялты-45 как феномена власти, и уж тем более не шла речь об ее инкорпорации в пространство истории власти. В этом смысле исследования относительно универсалий в лингвистике крайне полезно использовать в анализе исторического События «Ялта-45». Речь идет о том, что многочисленные специалисты, посвятившие свои работы ялтинским переговорам, постоянно обращали внимание на тот факт, что достигнутые на них договоренности стали основанием, фундаментом Нового мира. «Ялтинская система координат», по мнению разных специалистов, просуществовала до 70-х – 90-х годов XX века [Юрченко, 2005-А: 9]. А, следовательно, «Ялта-45» не может не являться значительной универсалией, то есть ключом к типовым аспектам власти, который проявляет специфику властных отношений во всех известных кратологических⁹ событиях XX века. В противном случае все рассуждения о «Ялтинском мире», «Эпохе Ялты», «Ялтинского синдрома» не стоят и медного гроша.

Что же такое Универсалия в классическом, философско-смысловом варианте этого слова? Напомню, что универсалия это общее понятие. Но в ее понимании есть две антагонистические трактовки. Одна из них говорит, что общее понятие существует в действительности, более того, общее понятие это единственная возможная реальность. К таковой точке зрения склонялись Реалисты. Их противники Номиналисты утверждали, что общее понятие лишь слово, которое обозначает многие вещи [Новая философская энциклопедия, 2010: 136-142]. На первый взгляд (да и на второй тоже) заявленные параметры слишком уж философичны и далеки от Ялтинской конференции. Но это далеко не так.

⁹ Термин Кратология впервые был введен В.Ф. Халиповым для обозначения новой научной дисциплины «Наука о власти» [Халипов, 2002].

Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года, это событие, которое существует в реальности? Или всего лишь имя для некоторой общей совокупности фактов? Вопрос банален, но от этого не становится менее острым. От ответа на него должна зависеть вся стратегия исследователя или программа-максимум для носителя той или иной универсалии в своем ментальном мире¹⁰.

Ответ, что «Ялта-45» это реальность, наталкивается на каскад дополнительных вопросов. Начиная от детского: «Дай посмотреть», до вполне респектабельного: «Как может быть то, что уже стало прошлым?». И действительно, как может быть реальностью аббревиатура? Или вопрос не в сочетании гласных и согласных букв? Быть может, вопрос в образе? В символе? Учитывая, что Ялтинская конференция чему-то учит, на что-то заставляет надеяться, кому-то мстит, кому-то противостоит, служит чему-то – однозначно следует сделать вывод о реальности такой универсалии. Более того, универсалии очень активной, живущей напряженной жизнью, являющейся неотъемлемым атрибутом дня сегодняшнего.

Номиналисты говорят лишь о слове, объединяющем некоторые предметы. В таком смысле, Ялтинская конференция это: Ливадийский дворец, кресло-каталка Ф. Рузвельта,

¹⁰ Перед публикацией книги в мои руки попала монография крымского логика и семиотика «Валюативные модели социального: герои и ценности» [Коротченко, 2018]. На мой взгляд «валюатив» вполне возможно рассматривать в рамках старого спора об универсалиях, а особенно в контексте поднимаемых автором социально-философских и философско-политических проблем. В этом смысле, идеи сотворения героя, на беглый взгляд, во многом схожи с механикой воспроизводства власти. Достаточно отойти от проблемы интерпретации философского текста или интерпретационной активности коллективного сознания [Коротченко, 2018, с. 3-4] и погрузить проблему в гущу исторической эмпирики, а не просто в трафаретное «социальное», как это делает автор монографии [Коротченко, 2018, с. 4-6].

любимые папиросы И. Сталина, протоколы стенограмм заседаний. Но какова познавательная ценность таковой реальности? Ведь это комплекс предметов, которые некогда были, но от которых теперь остались лишь слова. Остался, правда, Ливадийский дворец, но он уже далеко не резиденция делегации США, а российский музей. Для чего нужна такая реальность? Разве она интересна сотням ученых, исследователям ЯК и миллионам туристам – посетителям Ливадии? Весь наш здравый смысл говорит: то, что бессмысленно – то не реально. Как тут быть?

Попытка игнорировать дилемму между реализмом и номинализмом ведет к хаосу в исследованиях. И вот одни авторы излагают факты как реалисты, чтобы создавать доказательную базу в стиле номинализма. Быть последовательными номиналистами в подборке фактажа и оглашать результаты труда в стилистике реализма [Мартынов, 2015]. Но полбеда, когда ошибаются ученые, хуже, когда в речах политиков, в публицистике, в массовом сознании вырастают химеры познавательных практик. Так есть старый ялтинский мир и новый, формируемый В. Путиным. Появился даже вполне устойчивый термин «Ялта-2», основанный на гремучей и противоестественной смеси номинализма и реализма, при этом данной стилистикой пользуются как противники политики В. Путина [Ялта-2], так и его умеренные апологеты [Миру необходима Ялта-2].

Прежде всего, следует определить, что событие прошлого, потому и прошлое, что его нет, оно – исчезло. В физическом пространстве как активная реальность оно не существует, творцы этой некогда реальности как физические тела вне сомнения не функционируют, а возглавляемые ими политические институты кардинально трансформировались в иное качество. Единственное, что существует в дне сегодняшнем из практик прошлого, это руины понятий, концептов, смыслов, которые мы можем раскапывать

подобно археологам, извлекающим из-под тонн земли отдельные артефакты, и *конструируя* на их основе модели прошлой реальности. Другими словами, М. Фуко был, безусловно, прав, призывая изучать гуманитарное прошлое в формате «археология знания» [Фуко, 2004, с. 35-36]. Следуя логике М. Фуко, вольно его интерпретируя и *выстраивая личную, авторскую дискурсивную формацию в своеобразной констелляции Ялтинской конференции*, возможно выделить перечень дискурсивных закономерностей Ялтинской конструкции универсалии власти [Фуко, 2004, с. 61-58].

1. Единство дискурса. В этом смысле уместно определить, как единство ментальности трех тел, авторов: И. Сталина, У. Черчилля и Ф. Рузвельта. Единство не столько личностей, или детей определенной культуры (тут они полные противоположности с границами собственных сфер концептов), сколько единство профессиональных политиков, людей, которые несколько десятилетий находились на вершинах властных пирамид, в этой должности вступили в Великую Войну и вынесли бремя ее тяжелых лет, *единолично* проводя свою волю и свое видение будущего в подчиненных им политических анклавах. При этом единство дискурса трех тел, которые в себе опредмечивали единство объединенных наций в образной верхушке пирамиды: «Большая Тройка».
2. *Дискурсивные формации*. Практически каждый, поднятый на конференции вопрос рассматривался, или в терминологии М. Фуко артикулировался [Фуко, 2004, с. 88-89], весьма самобытно и очень лично. Безразличия, использования шаблонных сухих фраз – не было. Более того, три группировки, три формации дискурсов очень причудливо переплетались в речах В.М. Молотова¹¹,

¹¹ На момент ЯК занимал должность Народного комиссара иностранных дел СССР.

Э. Стеттиниуса¹², А. Идена¹³. Присущее их шефам понимание понятий, весьма своеобразно преломлялось во властном дискурсе вторых лиц делегаций. И в этом смысле, Ялтинская конференция дает очень четкие и скульптурно (читай телесно) видимые примеры диффузий дискурсивных формаций советского, британского и американского типа, века 19-го и века 20-го.

3. *Формирование объектов*. Ялта-45 предлагает возможность увидеть процесс наполнения таких объектов как «свобода», «этнос», «честь», «союзник» новыми смыслами и семантическими конструкциями. Новыми в том смысле, что три Великих Гроссмейстера Власти в феврале 1945 года в Ялте не сумели найти точки компромисса, работая со старыми смыслами указанных им объектов срочно, на протяжении всего нескольких дней. Зачастую, им приходилось экспромтом «в черновую» наполнять ключевые объекты диалога содержанием, причем, содержанием предметным и, вполне верифицируемым. В многочасовых схватках за столом переговоров, в рамках личных бесед на банкетах, во время прогулок или поздравлений по случаю дня рождения (сохранились стенограммы тостов, мемуары невольных свидетелей диалогов). Изумительно то, что многие смыслы и многие видения властных объектов, созданных в Ялте «на скорую руку» стали на десятилетия образцом для последующих конструкций геополитического масштаба.
4. *Формирование модальностей высказывания*. Кто говорит, почему именно он, «Каков статус индивидов, которые имеют, причем, только они одни, регламен-

¹² На момент ЯК занимал должность Государственного секретаря США.

¹³ На момент ЯК занимал должность Министра иностранных дел Великобритании.

тированное или традиционное, юридически определенное или спонтанно допускаемое право на подобный дискурс?» [Фуко, 2004, с. 112-113]; каково местоположение, откуда ведется речь, каковы позиции субъекта, что он может занимать благодаря образованию или физическому нахождению в физическом пространстве [Фуко, 2004, с. 116-117].

5. *Формирование понятий.* Под этим обозначением понимаются разные формы последовательностей рядов высказывания, разные риторические схемы, благодаря чему мы можем до сих пор комбинировать группы высказываний (и благодаря чему Ялта-45 до сих пор не исчерпала своего полемического задора между идеологическими и политическими партнерами). Что позволяет упорядочивать дискурс? Какая реальность приводит разнообразные фразы, смыслы и концепты к системе, демонстрируя эффект поля присутствия? Что позволяло говорить участникам Ялты-45 так, а не иначе, понимать так, а не иначе? Что позволило оформить невероятное по своей неограниченности поле сосуществования смыслов Ялты-45 (разнообразные стили, типы, логики, конструкты дискурсов, существующих в одной фразе, в одной юридической формуле, очевидно, противоречивые, но воспринимающиеся как эталон дипломатической логики) [Фуко, 2004, с. 122-125]. И наконец, процедуры вмешательства, своеобразная властная транскрипция, изменяющая форму решения, но сохраняющая суть. Перенесение определения из одного поля в другое и т.п. [Фуко, 2004, с. 127-128].

Эти пять пунктов позволят реконструировать, *полноценно* реконструировать дискурс Ялта-45 в феврале 1945 года. Но что дальше? Ведь дискурс продолжает жить и событие, происшедшее в феврале 1945 г., вновь и вновь возрождается в трудах политиков и трудах ученых, в трудах худож-

ников и трудах публицистов. Оно живет в международных политических дискурсах ООН, в общественном сознании, школьном воображении, а значит Ялта-45, как универсалия Власти, может и должна служить эталоном для построения историософии власти¹⁴ XX века и также значит, что она не может ограничиться выделенными 5 пунктами?

Вне всякого сомнения, для понимания дискурсивных практик *после 1945 г., а значит и для данной монографии,* особое значение представляет заключительный пункт из системы археологии М. Фуко.

6. *Формирование стратегий.* То есть, определение этапности и процессуальности формирования стратегий понимания происшедшего, их осмысление и освоение. Важное значение имеет выявление *точек дифракции:* в формате точек несовместимости (два понятия одного дискурса не могут войти в один ряд в силу их несовместимости), затем эквивалентности (тип «или», «или» – несовместимые элементы, появившиеся в одной формации, сформированные одним способом, но вместе не могущие сосуществовать). И, наконец, в формате *точек сцепления*¹⁵ определенной систематизации (на лицо – псевдореальность, когда сцепление несовместимых и противоречивых точек дает пред-

¹⁴ Историософия рассматривается в данной книге как: «исследование и осмысление исторического процесса как некоей бытийной сферы, объективной данности, одного из важнейших компонентов существования человека... Объектом философского рассмотрения становится... определенный аспект исторической жизни человечества или же всемирная история в целом» [Зайцева, 2012, с. 165]. В отличие от философии истории, историософия онтологизирует историческую реальность, выводит ее изучение на метафизический уровень. Более подробно данная идея изложена в книге: «Философия истории: взаимосвязь онтологических и гносеологических аспектов» [Зайцева, 2013, с. 14-100].

¹⁵ В моем тексте точки сцепления находятся за пределами точек дифракции, или, по крайней мере, удалены от них настолько, что уместно выделять точки сцепления в особый разряд.

ставление об их решающем значении, об их изначальном псевдоединстве и будто бы то, что они являются первичным изначальным материалом; на самом деле это поле *возможных* предпочтений и материал для различных и несовместимых реконструкций той, неведомой нам первоальтернативы) [Фуко, 2004, с. 138-139].

Именно шестой пункт является той осью, вокруг которой движется наш анализ формирования особых ялтинских смыслов в формате историософии, что и явилось триумфом Советской власти. Актуализация именно шестого пункта в заявленной нами схеме не случайна. Начиная с 2015 г., года 70-летнего юбилея Ялтинской конференции, развернулись нешуточные словесные баталии вокруг Крымской конференции. Удары по ключевым игрокам Власти наносятся не напрямую, а посредством дискредитации, или, наоборот, всяческой пролонгации Ялтинских соглашений, Ялтинского мира, Ялтинской логики власти. Учтем, что прагматичные акторы власти никогда не идут на отчаянные и неэффективные шаги. А теперь зададимся вопросом: «почему их удару (начиная с 50-ых годов) подвергается именно Ялта [Сосинский, 1970, с. 4-24; Бережков, 1975, с. 21]»? Видимо потому, что слом и трансформация этой *универсалии* неизбежно приведет к трансформации устоявшихся дискурсов власти: слабые станут еще слабее, а сильные еще сильнее. Риторика о пересмотре границ в Европе, игнорирование роли ООН, демагогия вокруг понятия «агрессор» – это не полный перечень точек сцепления ялтинского дискурса, которые сейчас активно пытаются видоизменить. Этап создания иллюзий, миражей; гальванизация престарелой феи Морганы идет полным ходом. Парадоксальный факт! Специалистов-историков, профессионально изучающих Крымскую конференцию нет. Есть политологи, философы и журналисты, а историков нет. На постсоветском пространстве нет ни одной защищённой

диссертации, полностью посвященной Ялтинской конференции. Количество научных исторических монографий не превышает 5-ти единиц. За последние 25 лет вышло только два сборника документов¹⁶ [Крымская конференция, 2016; Ялта-45, 2016]. (Имеются в виду издания с научной атрибуцией источников, выполненных профессиональными коллективами, на основании разнообразного архивного материала; интернет-публикации отдельных документов или их комплексов без существенной научной экспертизы в расчет не принимаются; статистика последних подробно изложена в моей статье [Шевченко, 2015-А]). При этом публицистики, особенно интернет-статей, уже несколько сотен (подробнее о жанре «интернет-публицистики» по теме ЯК смотри мою статью [Шевченко, 2012-Б]). Попытки «спрятать» истинный дискурс Ялты, апеллирование к Ялте во время политических игр, а также стойкий интерес широкой публики к ее микроистории (большинство публикаций посвящено бытовым мелочам Крымской конференции) говорит о том, что Ялтинская конференция, как универсалия, выступает весьма важной структурной единицей *современного* пространства власти, а не бытийствует как исчезнувший культурный слой в раскопках археологии знания. Власти, которая является, по определению, лукавой, скрытной и обладает абсолютными способностями к маскировке самой себя (о чем с таким жаром и напористостью писал М. Фуко в своих трудах и озвучивал в ярких интервью [Фуко, 2002, с. 72]). В современных условиях археология гуманитарного знания отказывается работать, ибо она сама стала отдельным пространством, породившим субреальность, или в нашей терминологии универсалию, как то пространство современного дискурса власти, которое ещё не готово оставить после себя гуманитарные слои исключительно для археологического изучения.

¹⁶ ????

В процессе создания образа Ялты (или ее дискредитации) экспертами активно использовались приемы по апологетике или дискредитации не столько исторических фактов, сколько характерных черт Ялты-45, образовавших *тело*¹⁷ *универсалии* – властной реальности в историософии власти рубежа веков. В моей терминологии эти элементы логично обозначить как *субуниверсалии*¹⁸. То есть, необходимо определить в каких форматах, на каких уровнях властного бытия «прописались» отдельные субуниверсалии Крымской конференции, как в истории власти Советского Союза, так и отчасти, в истории власти его визави. Работа с субуниверсалиями позволит в дальнейшем (при развертывании анализа от историософии к непосредственно историческому событию)¹⁹ получить инструмент отделения факта реальности от факта-миража, искусно созданной иллюзии XX века. Века, который великолепно научился строить доминирование на основе иллюзорных дискурсивных практик, а также безупречно изменять фундаментальные основы реальности

¹⁷ Довольно любопытно, но проблема тела власти крайне популярна у философов власти. При этом происходит определенная биологизация смыслов власти, создание некоей фактурной телесности термина. Один из самых последних экспериментов в этом смысле был осуществлен итальянским философом в 1995 г. И усовершенствован им в 2005-ом [Агамбен, 2011].

¹⁸ Субуниверсалии дискурса власти это «атомы» власти, то, благодаря чему власть получает квазижизнь. Если субуниверсалии исчезают – исчезает и наше восприятие власти. Также как исчезает наше знание о времени прошлом, без памятных знаков, маркеров самого общего характера. ЯК, попав в поле власти, стала подчиняться логике власти, то есть, логике мертвой реальности. Эта мертвая реальность получает в настоящем квази/псевдо жизнь при помощи субуниверсалий и имеет возможность забросить свое тело в будущее, «прописываясь» в фантазиях и мечтах.

¹⁹ Что будет являться целью второй монографии под рабочим названием: «РАХ YALTA: 1945-2015 (пролегомены археологии Власти в русском тексте)»

в сознании масс на удобные ей шаблоны посредством набора отточенных лингвистических и семантических методик [Ван Дейк, 2015, с. 36-35, 35-40, 284-293].

Мне могут возразить: «Но ведь остаются учреждения, которые по своему статусу не могут извращать память, они призваны ее хранить в объективном виде!». Однако критикам стоит учесть, что современное развитие информационных технологий в музейном деле весьма высоко [Сомов, 2010], и при их помощи возможно любое консервативное и твердое пространство (даже музейною экспозицию) превратить в весьма пластичный объект для реконструкции НУЖНОГО смысла, которому люди поверят тем охотнее, что он соткан из телесной оболочки музея²⁰. Работа с субуниверсалиями Ялты-45 позволит также заякорить феномен власти, тот самый изменчивый феномен, который, как это прекрасно показал М. Фуко, удастся определить исключительно на конкретных, ярких примерах, и к которым Археология знания может служить лишь введением, точно также как археология может служить лишь введением к этногенезу славян, но сам этногенез далеко не останавливается на кисточке археолога внутри его археологического раскопа.

Однако если М. Фуко анатомировал власть в области безумия (взяв за предметное пространство психиатрические лечебницы), секса и тюрьмы (конкретное пространство тюрьмы и ее физических аспектов в форме казни, пыток и т.д.) как рудиментов Нового времени, то с моей точки зрения вторая половина века XX-го прошла под символом *игровой власти*, который очень образно запечатлён в блестящем слогане «Ялтинский покер». Другими словами Власть века

²⁰ Так ни в одной музейной экспозиции (не говоря уже о монографических трактатах) не встретишь дискурса о том, что малые народы Европы стали разменной картой для создания ООН, так как это произошло, например, с Русинами, Силезцами, Кашубами и пр. [Шевченко, 2010, Шевченко, 2015-Б; Шевченко, 2015-В].

XXI-го, рожденная в пучинах катаклизмов Второй Мировой Войны, несет в себе иные телесные проявления, нежели западноевропейская вариация власти 16-19 вв., в которой М. Фуко видел универсальный дискурс Власти.

По сути, есть два способа, вернее, два подхода к фиксации субуниверсалий.

Вольно следуя за Джорджем Питером Мердоком, можно выявить типологию субуниверсалий. Это, например, активно применяемые методы «личной дипломатии», оперативность в решении ключевых проблем, многоаспектность и насыщенность переговоров, концентрация глав делегаций на важнейших проблемах и их концептуальных решений (в рамках личных договоренностей). При необходимости, вполне возможно определить наиболее характерные поведенческие категории в точном следовании за концепцией г-на Мердока. Можно определить и те культурные универсалии, которые сформировали Ялтинский мир: имущество, гостеприимство, подарки, политическое поведение²¹. То есть, речь идет о тех, на первый взгляд, мелких нюансах, которые позволят выделить связи той матрицы власти, которая и стала полем для всей истории властных отношений в конце XX века. Иными словами, *тела универсалии власти «ЯК»*, в котором атомы власти-субуниверсалии связаны не логикой «больших» событий в формате геополитических решений, а мелочами, из которых и формируется целое. Кстати, методика создания субуниверсалий и их дискредитации очень активно использовались творцами советской

²¹ Но если профессор Мердок создавал типологию культурных универсалий в целях антропологических и этнографических в рамках методики «Кросскультурная сводка» [Мердок, 2003, с. 7], то мне предстоит задача составить субуниверсалии власти. Понятно, что это задача не одного года и не одного исследования. Поэтому в настоящей книге я попробую обозначить те субуниверсалии, которые послужили неким цементом, связывающим нашу картину ЯК, и скрепляющие тело универсалии власти в единый квазиживой организм.

историософии власти и их оппонентами с Запада. Творя субуниверсалии и внедряя их в дискурс, преследовалась цель оживить власть и придать ей нужный идеологический окрас. К сожалению, субуниверсалии не служили инструментом для объективного изучения самой реальности, а лишь для ее искусного создания в формате *псевдожизни власти* (см. выше). Но что же это за упомянутые мною *субуниверсалии-атомы* власти, из которых и строится тело власти?

Здесь уместно вспомнить разработки в области лингвистики. Так, специалисты выявили два уровня универсалий в языке: *абсолютные* и *имплицативные* универсалии (в нашей терминологии субуниверсалии-атомы как составные компоненты реальности Ялтинской универсалии власти) [Николаева, 1990]. Применительно к нашей проблеме абсолютные субуниверсалии – это лингвистические обороты, смыслы, которые встречаются во всех властных отношениях XX века²². Например: вне личных контактов тет-а-тет, без посредников, решение в системе властной реальности Ялты-45 не принимается. Тогда как еще несколькими десятилетиями ранее, принятие решений власти посредством послов, исходя из данных дипломатического корпуса, было вполне приемлемой нормой. Апогеем данной субуниверсалии игровой власти нашего времени является система прямых телефонов между крупнейшими лидерами мира. Абсолютные субуниверсалии, в свою очередь, имеют чистую форму (встречаются всегда и везде) и относительную. Есть, также, статические субуниверсалии. Это такие явления языка власти, которые проявляются в том случае, если явление характерно всегда и везде, но иногда оно отсутствует и заменяется явлением, которое стремится к абсолютно-

²² Те универсалии, на которые, в основном, и направлена археология М. Фуко. А в данной монографии будет проведена реконструкция субуниверсалий власти, презентующих событие и творящих тело универсалии власти «ЯК».

му эталону. Пример: если посол что-либо утверждает, то это не его личное мнение, а конкретная директива руководителя государства. Иногда посол позволяет окрасить директиву Центра личными оборотами или смягчающими формулировками, но только такими, которые не противоречат полученным указаниям. *Фреквенталии* – явление встречается настолько часто, что исключает возможность случайности. Пример: декларации подписываются для внешнего престижа, с точным пониманием того, что они не будут воплощены в реальные конкретные шаги.

Импликативные субуниверсалии это такие явления, которые имеют безусловную связь между собой, и одно зависит от другого. Например, если есть личное обещание, то оно неизбежно будет оформлено в реальное решение²³.

В нашем случае мы имеем большой материал эксплуатации советской властью этих субуниверсалий для воссоздания тела универсалии власти формата «Ялта-45», причем материала необычайно активного и разностороннего.

Выполнение заявленного комплекса работ позволит выявить наиболее существенные черты «Ялтинского дискурса», в части, касающихся построения историософии Ялты в пространстве власти.

Можно ли сказать, что ничего в этом плане не было сделано? Конечно, нет. Имеется достаточно обширный перечень работ, опубликованных, правда, небольшими тиражами в малозначительных региональных изданиях и посвященных проработке отдельных элементов заявленных аспектов. Наибольшую разработку получила взаимосвязь микро и макро истории Крымской конференции. Обоснование и

²³ В дальнейшем субуниверсалии власти, служащие цементирующим звеном, мы обозначим, как субуниверсалии в формате «Мердок», а субуниверсалии-атомы будем называть: субуниверсалии в формате «Гринберг», в честь выдающегося филолога, эксперта в области языковых универсалий Джозефа Гринберга.

выявление степеней влияния события, казалось бы, частного характера (состав охраны Крымской конференции, количество выкуренных папирос на заседаниях и т.д.), на большую геополитическую стратегию, широко представлено в работах профессора С.В. Юрченко [Юрченко, 1999; Юрченко, 2000; Юрченко, 2003; Юрченко, 2005-А; Юрченко, 2010; Юрченко, 2016]. Создан также цикл работ, посвященных анализу истории формирования ключевых концептов Ялтинского дискурса власти в рамках историографических и публицистических работ советских, российских и украинских исследований [Шамрин, 2005-А; Шамрин, 2010; Шевченко, 2012; Шевченко, 2012-А; Шевченко, 2012-Б; Шевченко, 2013; Шевченко, 2013-Д]. Разработан также механизм наукометрического анализа исторических (клиометрия) и историографических (скрибометрия) текстов, посвященных Ялтинскому дискурсу власти [Шевченко, 2014-А; Шевченко, 2015]. Намеченные отдельные перспективы освоения ЯК при помощи философской методологии [Синица, 1996; Юрченко, 2005; Shevchenko, 2013; Исаков, 2013; Шевченко, 2013-Е; Михайленко, 2016]. Иными словами существует определенный практический задел, но отсутствует концептуальное обобщение ялтинского властного дискурса, его фундаментальная реконструкция в рамках разнообразных дискурсивных познавательных практик. В этом смысле положение о субуниверсалиях универсалии Ялты-45 имеет потенциал стать посредником при скачке от предметных, эмпирических научных постижений ялтинского образца дискурса власти к его серьезному теоретическому осмыслению на уровне понятий, концептов и категорий.

Очевидно, что разработка, как системы археологии власти, так и субуниверсалий Ялты имеет важнейшее значение в рамках *социально-философского дискурса*. Она позволяет конституировать властную реальность и оценить ее качество для решения геополитических вопросов современно-

сти. Причем как с позиций анализа исторического события, так и с позиций воссоздания этого события в формате историософии. Последнее актуально тем, что дискурс 1945 года, имея локальное окончание в феврале 1945 года, отнюдь не окончился в структурах понимания происшедшего события²⁴. Начиная с 1945 года и вплоть до сегодняшнего дня продолжается реконструкция дискурса и вживления его во властные реалии того или иного автора. В процессе работы над книгой мне удалось выделить пять ключевых волн интерпретации и моделирования ялтинского дискурса 1945 года. Волн, которые очень существенно трансформируют как понимание дискурса, так и его акцентуацию на разнообразных субуниверсалиях. По сути дела идет речь о пяти Ялтинских конференциях в русском тексте.

Первая волна – рождение представления о Ялте. Это волна образов, смыслов и прочтения. Это год 1945-ый.

Вторая волна – процесс воспитания властных образов Ялты. Это время тех, кто трансформировал документы и творил простые рефлекторные ответы на очень сложные мировоззренческие вопросы, поставленные в феврале 1945 года. Это те, кто обеспечивал возрастание *Pax Yalta* из события локально-исторического в некий формат *мировой всесистемы*, кульминацией которой стали Хельсинские соглашения 1975 года. Это кормильцы власти, питавшие ее своим творчеством, интеллектом и усердием. Это те, кто создавал стратегии и тактики понимания. Это годы 1946-1989-ые.

Третья волна во многом – волна некрофильная. Происходит забвение Ялты. Происходит лишение ее всякой онтологии, фундаментальности, серьезности. Ялтинский мир превращается в бесплодную пустыню, а затем и в исторический мираж. Это время обнуления текста и скрытия дискурса на дне мировой исторической мысли. Это годы 1990-1991-ые.

²⁴ Я это утверждал и ранее, но считаю возможным в разных аспектах вновь и вновь подчеркивать эту мысль.

Четвертая волна – удивительное время бытия мертвых текстов. Онтологии Ялты – нет, исчезли ее перспективы и историческая воплощенность, остались лишь анекдоты, микрофизические акты отдельных ее участников. Дискурса нет, есть его фрагменты и локальные, малопонятные читателю цепочки связей между понятиями. В отдельных уголках русской цивилизации раздаются отдельные голоса об отдельных фрагментах Ялты. Это сродни движению трупа, когда он под разрядами электрического тока дергается, создавая ложное ощущение жизни. Это годы 1992-2014-ые.

Пятая волна. Время возвращенных идей. В пустыню, заполненную миражами и чахлыми деревцами отдельных статей, возвращается реальность *всемирности* Ялты. Укореняется мысль о Ялте-2, Ялте-3, как «Маяке» для Человечества. Обретают весомость образы прошлых волн, упорно переплетающиеся с геополитикой дня сегодняшнего. Русский дискурс власти обретает силу и устойчивый вектор, вбирая в себя отдельные элементы предыдущих волн. При этом он теряет свою микрофизичность и предметную наполненность. Исключения составляют разовые информационные вбросы «бытовых сенсаций». Это время парадных идей и паркетных версий. Это год 2015-ый, который отчасти подобен 1945-ому и знаменует собой начало новых трансформаций феномена Власти в русском историческом тексте.

В моем текущем исследовании получают предметное и развернутое изучение первая и вторая волна. Частично будет осуществлен набросок идей из волны четвертой и пятой. В уже анонсированной монографии²⁵, чья публикация ожидается в начале 2019 года, планируется детально представить анализ волн третьей, четвертой, пятой, а также самой основы этих волн, непосредственно исторического события «Ялтинская конференция» по приведенной выше схеме.

²⁵ PAX YALTA: 1945-2015 (пролегомены археологии Власти в русском тексте)

Глава 2.
**«СЕКРЕТНЫЙ ФАРВАТЕР»
ЯЛТИНСКИХ ТЕКСТОВ**
(история осмысления
советских дискурсов о «Ялте-45»)

Но единственной мыслью, которую привносит с собой философия, является та простая мысль разума, что разум господствует в мире, так что, следовательно, и всемирно-исторический процесс совершался разумно

Г.Ф.-В. Гегель

ЯК всегда вызывала большой интерес у читающей и пишущей публики. Однако сама эта пишущая публика не всегда, или даже, как правило, не являлась профессиональными учеными или опытными краеведами-любителями. Поэтому в великом хаосе газетных заметок, журнальных идеологических «уток» действительно серьезные, вдумчивые статьи попросту терялись, а монографий было слишком мало, чтобы они могли служить пищей для качественного историографического осмысления. В связи с этим, авторы, обращавшиеся к «ялтинской» проблематике, не считали возможным предупредить свои тексты развернутым анализом текстов своих предшественников, а попросту использовали в своих конструкциях отдельные публикации отдельных авторов, посвященных отдельным вопросам¹. К настоящему, 2018 году сложилась удивительная и парадоксальная ситуа-

¹ Англо-американским коллегам в этом смысле повезло больше, на английском языке имеется довольно любопытная статья посвященная историографии ЯК [Solga, 2009]

ция. Библиография по Ялтинской конференции (на русском и украинском языках) насчитывает более 500 серьезных монографий, академических статей, вдумчивых тезисов с международных конференций, крепких краеведческих очерков, публикаций разнообразных мемуаров и стенограмм заседаний профессиональных историков. Однако нет профессионально отработанной линейки *историографических* публикаций. Другими словами, мы не имеем в нашем распоряжении сколь-нибудь серьезных обобщающих работ о становлении, развитии осмысления Ялтинской конференции в работах советских и российских специалистов: от историков до политологов. Более того, до сих пор не разработаны даже библиографические справочники², словари персоналий участников конференции, сборники биографий ученых-исследователей и иные «технические» издания, посвященные Ялтинской конференции.

По большому счету исторические, философские и политологические тексты ЯК представляют собой настоящие интеллектуальные шхеры, в которых каждый исследователь ориентируется по своему собственному секретному фарватеру, малопонятному читателю. Единой справочной системы, ясной и очевидной лоции в этом массиве подводных камней, одиноких скал, отмелей, бухточек, островков смыслов и идей – попросту не существует. Я говорю именно о систематической и последовательной работе в этом направлении, а не об отдельных попытках прояснить отдельные элементы проблемы.

² Несколько попыток создать библиографические обзоры можно признать лишь частично удачными. Ибо их авторы оперировали лишь теми источниками, которые находятся в их организации, либо намеренно зауживали тему одним или двумя аспектами ЯК. Очень отчетливо указанная ситуация проявляется себя в библиографическом списке составленном сотрудником Центральной городской библиотеки им. Л.Н.Толстого (г. Севастополь): «Ялта – колыбель ООН» [Павлова, 2010]

Одним из первых, кто решил набросать историографический очерк и выявить, «кто?», «что?» и, главное, «с какими целями?», писал о Ялтинской конференции, был С.Б. Сосинский. Сергей Брониславович проделал серьезный труд. Он сумел выявить основные направления развития мыслей историков о ЯК, связал их с политической конъюнктурой, определил ключевые идеологемы и мифологемы, артикулировал базовые идеи и наиглавнейшие понятия, их фиксирующие. С тщательной скрупулезностью совесткий специалист буквально «просеял» сквозь принципы исторической объективности и, принимая в расчет беспристрастную научность, значительный массив источников. Но... все это было сделано на материале американских источников и с конкретной целью: дать полномасштабный анализ становления и развития американского видения Крымской конференции [Сосинский, 1969, с. 3-25]. Подобный же подход, но в иных стилистических обрамлениях, был продемонстрирован в одной из самых известных в Советском Союзе книжек, посвященной Ялтинской конференции, правда, степень научности и проработанности американских публикаций была существенно снижена в силу научно-популярного стиля издания, но основная канва: наличие истории осмысления ЯК только в англо-американском историческом сообществе была выдержана безукоризненно [Ситолс, Чельшев, 1984, с. 73-77]. Любопытно, но упор делался на то, что основу искажений создают не профессиональные историки, которые вроде бы как есть, но о которых авторы умалчивают, а, непременно, реакционные публицисты и политологи. При этом, в отличие от С.Б. Сосинского, авторы 1984 года включают в свой анализ публикации Великобритании, Франции и ФРГ, правда, с минимальными ссылками, но очень развернутыми комментариями по поднятому «реакционными публицистами» шуму в печати.

Подобная картина сохраняется и в изданиях, где Ялтинская конференция выступает, хоть и не основной темой текста, но являет собой важную смысловую составляющую. Например, в значительной мере, хотя и с большой идеологической риторикой американская историография была вскрыта в довольно обширной монографии «Правда и вымысел о Второй мировой войне», где на нескольких страницах была приведена довольно развернутая критика американской трактовки Ялтинской конференции с обилием сносок и указанием конкретных текстов американских «коллег» [Реутов, 1970, с. 232-234]. Или же в тексте интересной монографии «От Перл-Харбора до Потсдама», где «Ялте» и ее преддверию «Мальте» были отведены десятки страниц [Кузнец, 1970, с. 204-228], однако «чистой» историографии там нет вовсе. Вернее, есть только американская историография и советские историографы, ее детально анализирующие [Кузнец, 1970, с. 228]. Несколько иной манеры придерживался автор работы «СССР и США: союзники в годы войны (1941-1945)», где в разделе о Ялте он упомянул о неких убедительных работах советских историков (без имен и ссылок на их работы) и тенденциозном западном стремлении исказить историческую истину (с указанием и комментированием одной американской монографии) [Борисов, 1983, с. 201].

В более позднем советском тексте, посвященном Ялте-45 [Белецкий, 1987, с. 9-19], приводятся сообщения о многих буржуазных историках, пытающихся извратить решения Крымской конференции, но ссылок на их работы и даже простого перечисления имен – нет. Параллельно читателю предлагают развернутое изложение монографии Дианы Клеменс «Ялта» [Clemans, 1970], как представителя нового поколения историков, в чьей книге «... убедительно показано, что на конференции Советский Союз всемерно стремился к достижению договоренности по всем вопросам и проя-

вил в связи с этим необходимое понимание и готовность к компромиссам, что принятые решения были закономерными и справедливыми и представляли собой взвешенный баланс интересов сторон» [Белецкий, 1987, с. 19].

При анализе статейного фонда советских историков картина принципиально не меняется. У авторов присутствуют отдельные соображения об истории осмысления той или иной проблемы Крымской конференции в трудах западных историков, или историков из социалистических стран Восточной Европы, но практически нет анализа отечественной им советской исторической школы [Гибанский, 1981, с. 18; Гибанский, 1981-А, с. 15]. Встречаются работы, где довольно помпезно указывается о большой работе советских историков, приводится перечень этих самых работ, однако именно анализа развертывания полемики в исторических трудах, проблемы становления советской исторической школы, изучающей Ялту-45 или, например, такого ключевого для Ялтинской конференции вопроса как «Польская проблема» – нет [Сиполс, 1986, с. 21].

Из всего массива советских работ, посвященных Ялтинской конференции, есть лишь два текста, которые полностью посвящены историографии... при этом историографии исключительно американской. Причем один текст – в форме тезисов [Егорова, 1985], а другой хоть и имеет вид статьи, но нацелен на анализ современной идейно-политической борьбы, мощным оружием которого и выступает историография [Ржешевский, 1985]. Перу последнего автора принадлежит и наиболее информативный текст, созданный в стиле классической советской историографии о ЯК, довольно близкий по своим высоким научным качествам к базовому историографическому труду С.Б. Сосинского, хотя он и является лишь небольшой частью книги, посвященной американской историографии Второй мировой войны [Ржешевский, 1984, с. 151-158].

Создается впечатление, что для советских авторов, советская же историография отсутствовала как факт. Присутствовали книги, статьи, тезисы, а вот историографии – не было. Ибо историография это всегда борьба мнений, столкновения разнообразных смыслов. Это история возникновения идей, это смена трактовок и модернизация подходов. Для советских же авторов Ялтинская конференция была застывшей в янтаре царевной. Вечно юная и молодая. Из книги в книгу проходила мысль, абсолютная универсалия, чистая и статичная, по сути даже фреквенталия о вечности ялтинских соглашений, об их *вневременности* (классические субуниверсалии, которые формировали устойчивый симулякр прошлого, как постоянно обновляемого настоящего). Достаточно посмотреть на оглавления ряда публикаций: «Незыблемые договоренности» [Борисов, 1985-А], «Соглашения непреходящего значения» [Ахтамзян, 1985] и т.п. При этом неоднократно подчеркивалось, что советское понимание Ялтинской конференции тождественно ее пониманию советской делегации и избранным местам из позитивных откликов современников. Здесь уже фиксируется определенная имплицативность субуниверсалий посредством тесно связанных между собой смыслов. В таком ключе никакого развития и уж, тем более, изменения взглядов на Ялтинскую конференцию и быть не могло. Незыблемо значит незыблемо. Абсолютно. Статично. Строго имплицативно. И точка. Псевдожизнь власти состоялась. Застывшая и нерушимая, как колонны Белой парадной Залы, где проходили пленарные заседания «Большой Тройки».

С развалом Советского Союза появилась возможность оценить путь отечественных творцов тела универсалии власти «Ялта-45», появилась возможность выявить его достоинства и недостатки. С открытием ранее секретных документов появилась также возможность провести пол-

номасштабную ревизию имеющихся научных работ и опубликованных, ставших классическими мемуаров. Пример таких возможностей на материале Восточной Европы предложил один из самых сильных советских специалистов по Ялтинской конференции [Гибанский, 2004], но его план так и не стал реальностью.

Последующие годы принесли лишь спорадический интерес отдельных исследователей к истории осмысления Ялтинской конференции. Прежде всего, это усилия Сергея Васильевича Юрченко в рамках общей постановки проблемы со стратегическим прорабатыванием двух главных линий: советской и западной историографии [Юрченко, 2000, с. 116-124; Юрченко, 2005; Юрченко, 2005-Б], а также вопросов микроистории, связанной с охраной участников Ялтинской конференции [Юрченко, 2003, с. 8-10].

Две довольно сильные статьи опубликовал в свое время сотрудник Ливадийского дворца Шамрин Олег Александрович, в которых он сформулировал ключевые проблемы изучения советской и британской политики в контексте Ялтинских решений, а также впервые в рамках отдельной академической статьи поднял вопрос о наличии российской и украинской историографии Ялтинской конференции [Шамрин, 2005-А; Шамрин, 2010]. К сожалению, дальнейшего развития высказанные в них идеи так и не получили своего авторского развития в форме солидной монографии или тематического сборника статей. В научном архиве Ливадийского дворца-музея, куда на протяжении ряда лет сотрудники сдавали научные справки (зачастую имеющие объем до одного авторского печатного листа с оригинальными тематиками, серьезной проработкой научной проблемы, но так нигде и не опубликованные) мне также не удалось найти развитие заявленных идей [Шевченко, 2013-В].

В 2012 году открывается моя линейка текстов, посвященных отдельным вопросам истории конструирования смыс-

лов Ялтинской конференции советскими, российскими и украинскими историками, политологами, историками... и художниками [Шевченко, 2012; Шевченко, 2012-А; Шевченко, 2012-Б; Шевченко, Пигулева, 2013; Шевченко, 2013; Шевченко, 2013-А; Шевченко-2013-В; Шевченко, 2013-Г; Шевченко, 2013-Д; Шевченко, 2012; Shevchenko, 2013; Шевченко, 2015; Шевченко, 2015-А].

Довольно любопытной версией интереса к историографии Ялты-45 в последние годы служит напряженный анализ газетных публикаций, посвященных ялтинским встречам Большой Тройки. Это может быть анализ прессы Генри Люса [Бонцевич, 2013], но может быть и выборочное прочтение газеты Известия за 1945 г. [Тригуб, 2012], фундаментальный анализ основных советских газет 1945 года, в которых отображены ялтинские события февраля 1945 г. [Канинская, 2015], или проработка региональной прессы [Шевченко, 2013-Б]. Иногда, впрочем, случается хоть и спорадическое, но все же обращение к Ялте в контексте анализа общей Ялтинско-Потсдамской системы мироустройства [Антошин, 2016].

Из иных историографических и около историографических обращений к предмету монографии, изданных на русском языке, стоит, пожалуй, упомянуть только серьезную и крайне интересную работу, посвященную детальному освещению перипетий современной румынской историографии [Назария, 2015]. Иных историографических текстов или материалов, свидетельствующих о планомерной работе по изучению истоков формирования ключевых идей «Ялтинского мира», мне найти не удалось. Другими словами, постсоветские исследователи отнюдь не считают возможным уточнить, как формировались представления о Ялтинском мире, предпочитая использовать наработки советских ученых, как в плане их серьезных методологических успехов, так и в плане крайне сомнительных шаблонов и откровенно ханже-

ских идеологом. Как первые, так и вторые, активно кочуют практически по всем текстам современной российской историографии (в украинской же наметилось внедрение иных штампов – идеологических клише американских экспертов времен молодости Зб. Бжезинского [*Шевченко, 2013-А*]).

К чему приводит столь невзвешенная позиция? Прежде всего, она не позволяет объективно посмотреть на саму Ялтинскую конференцию, а заставляет кружиться в черед абсолютичных и имплицативных субуниверсалий, созданных в 40-80-ые гг. XX века. И в самом деле, после событий Ялты-45 прошло более семидесяти лет, но большая часть наших эмоций, наших логических объяснений родом именно из работ историков, публицистов и политологов Сталинско-Хрущевской эпохи. Документы Ялтинской конференции – всего лишь первое отражение тех реальных событий, которые происходили в февральские дни 1945 года в Ялте. Как показали последние 70 лет, это отражение реальной истории Власти можно интерпретировать очень и очень по-разному. Ничего не стоит «слепить» образы несчастного и больного президента Ф. Рузвельта, раздавленного волей злобного маньяка И. Сталина, или создать образ благородных и мудрых старцев, заложивших на 70 лет мир во всем мире. И подобная «лепка» субуниверсалий в форматах «Мердок» и «Гринберг» началась, когда все документы о Ялте-45 могли уместиться на нескольких газетных полосах, а с публикацией пухлого американского тома, посвященного ЯК [*Foreign Relations 1955*], с публикацией первых, американских же мемуаров [*Рузвельт, 1947; Stettinius, 1949; Kuter, 1955*], с появлением опять-таки первых публикаций советских стенограмм заседаний и иных документов по ЯК [*Крымская и Потсдамская конференции, 1965; Крымская и Потсдамская конференции, 1965-А; Крымская и Потсдамская конференции, 1965-Б; Крымская и Потсдамская конференции, 1965-В; Тегеран, 1967*], первых советских мемуаров [*Кузнецов, 1965*]

возможности для конструирования обликов прошлого увеличились многократно.

И если технологии и способы американских специалистов, отчасти британских и румынских, мы представляем себе вполне отчетливо, то систематика трансформации исторического события в историческую память советскими экспертами (что и является сутью создания тела универсалии власти, как это показано в первой главе) для нас совершеннейшая неизвестность.

В данном случае речь идет не о создании обычной историографии ялтинской конференции. Ведь для этой работы необходимы определенные усилия исключительно исторического характера с соответствующим набором методов и познавательных стратегий. Моей целью является осмысление удивительного процесса превращения исторического события в факт национальной гордости, в феномен геополитического доминирования, в реальность исторической памяти. Поэтому меня, а также, надеюсь и тебя читатель, в этой книге интересуют именно механизмы последовательного создания образа ЯК, формирования легко узнаваемых смыслов, которые до сих пор вполне понятны и, более того, вполне комфортны как для большинства «простых» граждан нашей страны так и для критического большинства нашей политической элиты. Детальный анализ современного этапа осмысления ЯК показал³, что большая часть сработанной «исторической правды» советскими мастерами активно эксплуатируется в научных текстах российских ученых. При этом, «историческая правда» англо-американских экспертов является маргинальной и никак не может прописаться в основных научных трудах современной России (но активно втискивается в украинские тексты). Достаточно прочесть 14-ый том пятнадцати томного труда «Великая победа» в тех его разделах, которые посвящены ЯК, чтобы

³ Смотри седьмую главу настоящего издания.

увидеть ожившие методологические стереотипы из трудов советских историков: максимум оценок, минимум иных исследовательских позиций, кроме одной официальной точки зрения и союзных с ней мнений... немного романтики, связанной с микроисторическими фактами [*Великая Победа, 2015, с. 7-81*]. Присутствуют в тексте (и в этом, и в целом ряде иных, о которых пойдет речь во второй монографии автора) идеологические штампы о «неправильном» понимании ЯК, о недовольстве «правых» в США. Изменилась, правда, риторика в адрес Польши, она стала жестче, напористей, но продолжает убеждать, что в Ялте интересы Польши не были ущемлены, а наоборот защищены. Прослеживается та же линия реанимированная советского образа в отношении Германии и Японии, в отношении военных обязательств СССР и оценки плана репараций⁴. Одним словом, утверждать, что советские образы ЯК и их основа – субуниверсалии – прекратили свое существование с крушением Советского Союза крайне поспешно. Но в отсутствии качественных и, главное, многолетних исследований узко историографического направления, созданных усилиями профессиональных историков – оценить этот факт крайне сложно.

В этом смысле философские подходы и методы работы с материалом позволяют обойти фактор времени и создать рабочую гипотезу с претензией на теорию, гораздо быстрее, чем труд нескольких поколений историографов. Работая с текстами историков СССР, которые с моей точки зрения представляют собой строительный материал для создания исторического факта, становится возможным реконструировать усилия власти по формированию нужного образа, проходящего по реестру исторического события. Именно

⁴ Кстати недавно опубликованы интересные архивные материалы позволяющие значительно расширить наш дискурс о проблеме репараций на ЯК [*Афиани, 2016*].

исторические тексты, а не первоисточники, на мой взгляд, являются главными рычагами формирования мыслей, эмоций и ощущений относительно прошлого, в данном случае в отношении событий ЯК.

В отличие от англо-американской историографии, где доминировали черты, скорее, сентиментальной публицистики (или же этакого политического экшена, но с неременной фабулой газетного комикса), в Советском Союзе конструирование ЯК как исторической реальности происходило в форме историософского монолита. В первом случае политический детектив, во втором случае почти «Космическая опера».

Для советских создателей Ялтинского мифа была характерна тяга к философским обобщениям, игра с вечностью, стремление к совершенству, а, следовательно, к каноничности, тогда, как для их англо-американских коллег было важным показать момент, схватить крупным планом микроисторию, добавить сантиментов и вывести яркий политический вывод. Именно в силу разницы этих двух подходов, они оказались не смешиваемыми, прошли испытание годами разрядки 90-ых годов, сохранив свою идентичность. И теперь к 2018 году они вновь и вновь заявляют о своих возможностях в идентификации личности. Заставляя ее становиться либо на сторону Западного мира, либо на сторону бывшего Советского, а теперь уже Евразийского союза. Столь фундаментально разный подход к формированию Ялтинского мира не позволил сформировать советским историкам качественную историю собственных усилий в создании ЯК. Ведь, по сути, они, историки, совершали действия, характерные, скорее, для философов и политтехнологов, нежели служителей Клио. А значит, и историческими методами оценить свои собственные усилия они были бессильны. С другой стороны, англо-американский политический вестерн о ЯК стал удобной мишенью для научной

критики, чем и смогли воспользоваться в полной мере советские специалисты.

Любопытно, но факт: англо-американские эксперты по ЯК крайне слабо знали, или попросту не понимали усилий советских историков. В их текстах (в отличие от СССР) очень редко можно встретить указания на работы советских историков, а уж на советские документы и подавно. Вероятно, эпическая историософия советской исторической мысли оказалась за пределами менталитета экспертов из-за океана и представляла для них «белый шум» или наивно называлась «пропагандой».

При этом, несмотря на обилие формулировок в советских текстах, приближающих их к собственно философии, отсутствуют работы, которые бы осмысливали этот факт. Наверное, в силу того, что ЯК очень редко становилась объектом именно философского рассмотрения. В копилке текстов, посвященных Ялтинской встрече 1945 года, таковых насчитываются сущие единицы, да и те, по преимуществу, либо тезисы, либо небольшие статьи. Чаще всего исследователей интересовала аксиологическая составляющая феномена, правда не в конкретно историческом локальном событии, а в масштабах всей «Ялтинско-Потсдамской системы» [Синица, 1996; Михайленко, 2016]. Гораздо реже поднимались проблемы методологического или социально-философского анализа [Шевченко, 2013-Е, с. 196-197; Шевченко, 2014-А] или собственно историософского характера [Исаков, 2013].

С 1955 года существует американский пакет документов по ЯК [Foreign Relations 1955]. С 1979 г. известен полный советский пакет документов [Советский Союз, 1979], а с 2010 г. общедоступны факсимиле многих советских документов [Ялта-45, 2010]. С недавнего времени открыт доступ без ограничений к серьезным британским документам [«Argonaut», 1945], опубликованы факсимиле многих аме-

риканских документов [The Argonaut Conference, 2017], Но так никто до сих пор не провел их масштабный сравнительный анализ на предмет наличия купюр, смысловых искажений... фальсификаций, в конце концов. Историография худо-бедно рассматривалась и сравнивалась (по крайней мере, отечественными историками), а вот документы – нет. Почему? Быть может потому, что документ в системе универсалий власти это всего лишь инструмент? А вот тексты, осмысливающие и интерпретирующие этот документ, – самый, что ни на есть фундамент исторического факта?

Вероятно это так. Ведь мертвое прошлое власти необходимо оживлять, формируя псевдожизнь, создавая тело универсалии и единицы субуниверсалий. Необходимо симулировать жизнь и творить симулякры. Нужно ли для этого полноценное научное знание о документах, последних свидетелях истинной реальности? Очевидно, что нет. Использовать – да. Эксплуатировать – да. Но понимать и выявлять истину? Нет. Другими словами, документ ставит под сомнение имплицативность субуниверсалий, вырывает их из цепи искусственно созданной реальности. Он сводит на нет абсолютность и статичность субуниверсалий, выводя их в сферу относительности. Документ, в конце концов, сильно ограничивает создание субуниверсалий в формате «Мердока», что в конечном итоге приводит к распаду тела универсалии на отдельные субуниверсалии в формате «Гринберг», тотально беспомощные в своей единичности и уникальности. Переиначивая выше сказанное в стиле образных метафор, рискну утверждать, что этот фарватер ведет в слишком изысканные шхеры, которые могут либо повредить, либо попросту потопить тело универсалии, столь тщательно создаваемой как в кабинетной тиши Запада, так и в кабинетных покоях Советской цивилизации. К тому же чересчур пристальное внимание именно к анализу документов – это свидетельство смерти Ялты, от которой остались

лишь клочки бумаг с подписями и типографским шрифтом. Акцентуация именно на них будет лишь свидетельствовать о ее исчезновении из настоящего. Полного и тотального исчезновения⁵. А это ключевым игрокам нынешнего (да и прошлого) века совершенно не нужно. Одни теряют фундамент и щит, а другие искусно придуманного врага и объект для насмешек. Таковым видится онтологическая причина игнорирования системной работы с имеющимися документами, посвященными ЯК⁶.

⁵ И хотя уход из настоящего в прошлое и далее, в ничто, не означает полного ухода из нашего бытия, как это элегантно показано в роскошной книге «Бытие и ничто» [Сартр, 2017, с. 86-87], но сам факт невозможности Бытия-в-Себе к самовоспроизводству, исходя из самого себя, наносит Ялтинскому миру удар, который невыносим для его носителей и акторов.

⁶ Определенный шаг к созданию, если не перекрестного анализа, то, по крайней мере, в подготовке к этому шагу, был проделан в 2017 г. Коллектив авторов, работая над двухтомником переписки между И. Сталиным и его Западными визави, приложил немало усилий, чтобы максимально емко продемонстрировать выгоды от взаимодополняемости архивов Москвы, Вашингтона и Лондона в хроникизации (к сожалению, не источниковедческого анализа) переписки Большой Тройки в период Ялтинской конференции [Печатнов, Магадеев, 2017, с. 393-441]. Предыдущие масштабное обновление наших знаний об эпистолярном модуле ЯК было осуществлено в 1995 году переводом англоязычного сборника документов: «Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в периоды войны» [Секретная переписка, 1995, с. 705-795].

Глава 3. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ БАРОМЕТР (основные черты советской историософии Крымской (Ялтинской) конференции 1945 г.)

История – слишком серьезное дело,
чтобы доверять ее историкам.

И. Маклеод

Тексты, создаваемые о Ялтинской конференции, изначально имели не столько конкретно историческую задачу, сколько служили элементом геополитической борьбы с Западным миром. Это было вполне естественным, учитывая тот факт, что игра Западных стран по взаимному истощению Третьего Рейха и СССР отнюдь не была секретом для советского руководства. Также не являлась секретом активная работа специальных служб Великобритании по созданию политических сил в Восточной Европе и на Балканах с ярко выраженной антисоветской идеологической платформой. Надо полагать, никто в Советском Союзе не ожидал стабильно позитивной оценки достигнутых договоренностей и, также, стабильно положительного отношения к их интерпретированию. Более того, серьезные разногласия среди политических элит США и Великобритании относительно оценок Ялтинских договоренностей начались уже в течение нескольких недель после отбытия союзных делегаций из Крыма, а с годами они становились все более критичными и агрессивными [Юрченко, 2000, с. 108-113]. В рамках Потсдамской конференции наметилась жесткая политиче-

ская линия влиятельных лиц США и Великобритании по дискредитации Ялтинских соглашений, уклонения от следования конкретным пунктам соглашений, разнообразные юридические уловки, характерные скорее для крючкотворов-адвокатов из провинции, нежели для лидеров могущественнейших держав планеты. Все это нуждалось в профилактике, а идеологические выпады Запада в соответствующем парировании.

Однако, это очевидно всякому эксперту, серьезное интеллектуальное оружие, будь-то идеологическое, историческое, философское, или их гремучий гибрид, не создается в течение одного дня. Необходима планомерная и многолетняя работа коллективов авторов. На Западе пошли по пути издания мемуаров, открытого публицистического прессинга (в диапазоне от политических статей до почтовых марок и карикатур в сатирических журналах) ключевых идей Ялты. Не конкретных политических решений в их совокупности и не юридических формулировок в их законодательном оформлении, а именно идей, так называемого «Духа Ялты». Такой путь являет собой очень яркий пример процесса трансформации точек сцепления образца февраля 1945 г. к точкам дифракции, при этом чаще всего в качестве точек несовместимости в дискурс-практиках образца середины 50-ых гг. Важным также явилась масштабная волна обвинений против апологетов Ялты, после которой творцы Ялтинского мира из Рузвельтовской команды были вынуждены оправдываться, вольно интерпретировать события, строя из точек сцепления точки дифракции, хотя бы в формате эквивалентности. Последним звеном стала публикация одного из самых полных (до сих пор!) собраний документов Ялтинской конференции, включая не только стенограммы заседаний или официальные документы, но и служебные записки, дневники, рукописные карты и т.п. [*The Meaning of Yalta, 1956*] В целом, арсенал для идеологической войны

был сформирован в рамках англоязычных публикаций уже к середине 50-ых годов XX века в полном объеме. А точки дифракции применительно к дискурсивным практикам ЯК нашли свое полноценное воплощение в серии англо-американских публикаций, о которых буду вести речь ниже.

Советский Союз принял иную линию осмысления ЯК, а вернее, линию создания образа ЯК в масштабах планеты. На первом этапе это был путь экспертных заключений с подробным объяснением сути заключенных соглашений. На втором этапе – частичная публикация отдельных документов ЯК в течение ряда лет и издание журнальной версии стенограмм ЯК, который закончился публикацией известного сборника документов [*Тегеран, 1967*]. Третьим этапом было соединение экспертной линии и советской документальной базы в плане масштабной критики концепций, высказанных как западными историками, так и людьми, далекими от исторической науки: политологами, публицистами, авторами мемуаров и т.п. Это была линия пассивной защиты, которая активизировалась исключительно при появлении на Западе новых концептуальных схем дискредитации Ялтинской конференции, поясняющих, что точки дифракции дискурса современного англо-американского истеблишмента это фальсификация истинных точек сцепления дискурса февраля 1945 г. Окончательно арсенал идеологической войны со стороны Советского Союза был сформирован лишь в конце 60-ых годов XX века.

Созданная не столько на документальном анализе в формате исторического, архивного или, скажем, филателистического анализа, а сформировавшаяся на базе обобщения мнений разнообразных экспертов, советская система усвоения Ялты-45 не могла не стать историософской в своей основе. Ибо, что есть историософия, как не масштабное *обобщение мнений* экспертов в единую схему¹, которая имеет

¹ В этом случае работа с отдельными фактами не возможна напря-

вполне понятный смысл и назначение? Историческая по своей сути трактовка точек сцепления, поглощающая всевозможные дифракции в своем властном теле. Что отличается от англо-американского подхода к Ялте, который говорит лишь о *частном* смысле Ялты-45 для отдельных политических сил в отдельно взятые годы, которые не только можно, но и, безусловно, нужно менять, изменять, трансформировать и переиначивать с каждой новой сменой политических смыслов, в каждом последующем поколении творцов этих смыслов.

В 2013 году профессор А. Н. Исаков предложил оценить Ялтинскую конференцию, по канонам суждения вкуса И. Канта, дополненных «политическим вкусом» Х. Арндт [Исаков, 2013, с. 63-64]. Исследователь, верно подметил удивительную широкость Ялтинского феномена, который может рассматриваться как с позиций зрителя, так и с позиций деятеля, при том, что исторический процесс для И. Канта – бесконечен. Проецируя эту схему на осмысление тех, кто вроде бы как наблюдает событие (наблюдает в книгах, фильмах, газетах, тех, кто не делал это событие) сталкиваешься с весьма любопытным подходом советской историософии. На Западе – Ялта, это единица в бесконечном множестве исторических фактов, которые, в принципе, возможно, наблюдать и формировать свой вкус². Но вот

мую, а только через *точку зрения* того или иного эксперта. Историческая философия вообще не работает с «сырым» историческим материалом, предпочитая творить и обобщать уже созданные базовые концептуальные схемы. Она не добывает руду фактов прошлого и не плавит из нее железо истории, но трансформирует уже кем-то созданные железные бруски в сталь историософского меча или, при известных добавках иных компонентов, создает мельхиоровый столовый набор исторической романистики.

² Можно даже попросту «забыть» ЯК. Последнее, впрочем, довольно редкое явление. Редкое, но не невозможное. Так в книге известного американского философа, политолога, политтехнолога, государствен-

для советской традиции это никак невозможно. Каждый автор как бы заново делает эту конференцию, каждый читатель не наблюдатель, а участник, для которого даже простые документы всегда актуальны, всегда важны и их должен иметь у себя на столе каждый трудящийся [Тегеран, 1970, с. 4]. Ялта-45 не внутри истории, а сама является бесконечной историей, вечно возрождающейся в 60-ые, 70-ые, 80-ые годы. Профессор А.Н. Исаков отмечает ключевую черту деятелей ялтинского дискурса в 1945 году – надежду [Исаков, 2013, с. 65], ту самую надежду, которая, не оправдав ожиданий зрителей Запада, исчезла в их текстах и претерпела странные трансформации в текстах современных политических деятелей. Но надежда осталась в советской историософии. Эта надежда на диалог и сотрудничество в достижении единой общепланетарной цели, это надежда на мир и согласие. Эта надежда всегда – лейтмотив советских текстов, которые раз за разом творили этот наиглавнейший элемент Ялтинской конференции.

Суммируем гипотезы, разобранные в данной главе.

Гипотеза первая. Советские тексты о ЯК – это не историографические и не исторические сочинения. Они также далеки от «простой» публицистики или «сложной» поли-

ного деятеля, Г. Киссинджера, при перечне явлений оказавших влияние на становление и развитие Мирового порядка о ЯК не упоминается ни единым словом [Киссинджер, 2017, с. 9-131]. Но эта «политическая амнезия» возникла у американского эксперта только в 2014 году (дата публикации первого американского издания книги), а в своих более ранних работах по дипломатии он присваивал ЯК статус «самой важной конференции стран-победительниц» [Киссинджер, 1997, с. 356], хотя и утверждал, что она является «символом позора с точки зрения формирования облика послевоенного мира» [Киссинджер, 1997, с. 369]. Всего же в книге 1997 года (первое издание – 1994г.) Ялта упоминается более 20 раз (тогда как в книге «Мировой порядок», обращений к этой конференции мне обнаружить не удалось, за исключением одной второстепенной библиографической ссылки на мемуары William C. Bullitt цитированной по книге Arnold Beichman [Киссинджер, 2017, с. 505]).

тологии. Советские тексты представляют собой явление историософское, созданное на стыке философии истории и политической философии.

Гипотеза вторая. Советскую историософию создавал узкий, строго ограниченный круг экспертов, и лишь после их усилий по созданию смыслов и значений Ялты-45 для широкой публики стал массово доступен документальный фонд, который, впрочем, всегда находился в подчинении созданных схем и шаблонов, претендующих на статус идей и идеалов.

Гипотеза третья. Процесс создания советской историософии был ответом на ведение Западом идеологической войны по массовой дискредитации ЯК. Но если Запад окончил формирование своих генеральных линий нападения к середине 50-ых годов, то советские эксперты сформировали свои бастионы лишь к концу 60-ых годов.

Гипотеза четвертая. Советская историософия базируется на представлении о ЯК, как вневременном и над политическом явлении, которое всегда присутствует в реальности, не имеет фазы своего окончательного завершения и в силу этого обретает сакральные черты бесконечности и неоспоримости. При этом каждое новое поколение экспертов и читателей никогда не выступают как зрители уже прошедшего (или происходящего явления), а всегда являются деятелями, от которых зависит вся полнота бытия ЯК.

Поговорим предметно и покажем на фактах верность озвученных гипотез.

Со всей однозначностью следует заявить, что начало процесса исторического освоения Крымской конференции следует отнести к 1945 году, подарившему советским исследователям целый «ворох» материалов: от научных докладов, публицистических статей до публикации документов и личных мнений разнообразных влиятельных людей о Крымской конференции.

В указанный год увидела свет первая тематическая брошюра, посвященная указанному событию. Имеется в виду стенограмма публичной лекции А.С. Ерусалимского, прочитанной 12 марта 1945 года в Колонном зале Дома Союзов в Москве [*Ерусалимский, 1945, с. 1*].

В этой небольшой книжице заложены основополагающие элементы всей последующей советской сортировки фактажа ЯК. Сгруппируем элементы в несколько пунктов.

- Материал “Крымской конференции” охватывается весь целиком: от споров, где проводить конференцию, до геополитического анализа всех ее решений.
- Перед собственно анализом проблемы, читатель предвещается о характернейших чертах западной историографии в форме телеграфных зарисовок или публицистических пассажей. Определяются позиции стран Союзников, Турции, Японии и Германии перед конференцией [*Ерусалимский, 1945, с. 3-5*].
- Происходит четкое анатомирование крымской конференции на несколько тематических блоков: “Военные решения” [*Ерусалимский, 1945, с. 6-7*], “О ликвидации германского милитаризма” [*Ерусалимский, 1945, с. 10-15*], «О возмещении Германией ущерба союзным странам» [*Ерусалимский, 1945, с. 15-19*], «О территориальных вопросах, касающихся Германии» [*Ерусалимский, 1945, с. 19*], «Декларация об освобожденной Европе» [*Ерусалимский, 1945, с. 19-21*], «Вопрос о Польше» [*Ерусалимский, 1945, с. 21-24*], «Вопрос о Югославии» [*Ерусалимский, 1945, с. 24*], «Вопрос об обеспечении мира и международной безопасности» [*Ерусалимский, 1945, с. 24-26*].
- Сформирована ключевая идея, ставшая важнейшей абсолютной, статичной субуниверсалией, фокусирующей большинство точек сцепления конференции, которой обязаны следовать все остальные мысли и

на которую обязаны работать все документы: *“Велик и труден путь, который ведет к вершинам победы... Преисполненные решимости совместно добиться этой победы, руководители трех великих союзных держав определили маршрут, следуя которому Объединенные Нации обретут новые творческие силы и возможности, чтобы совместно идти к еще более высоким целям – обеспечению длительного всеобщего мира* (выделено мною – О.К.)” [Ерусалимский, 1945, с. 26].

Эта книжица явилась итогом многочисленных газетных публикаций, посвященных Ялтинской встрече, как в центральных газетах страны Советов, так и в региональных изданиях. Именно через газеты и посредством газетных статей стала проявляться советская историософия Ялты. Во многом сохранив элементы своего “родового пятна” публицистического стиля на протяжении всей своей истории. Это была публицистика, делавшая читателя участником конференции, буквально вводящая его за стол переговоров, наделяющая его пусть и фиктивным, но с точки зрения восприятия, безусловным правом влиять на решение конференции (произошел фейерверк безоговорочного одобрения решений конференции во всех коллективах страны). Остановимся на этом подробнее.

В 1945 году во всесоюзной печати и печати региональных средств массовой информации появилось несколько блоков информационных обобщений.

Во-первых, это документы Крымской конференции и материалы, напрямую связанные с ней. Имеется в виду заявление о начале работы конференции, Коммюнике «Соглашения между союзными государствами по делам военнопленных и гражданских лиц этих государств», Послания У. Черчилля и Ф. Рузвельта, публичные комментарии дипломатов Великобритании, США, Франции... ЮАР.

У читателя создавалось впечатление, что он находится, как минимум, за столом наркома иностранных дел. Публикации порой занимали целый газетный разворот, информация была деловитой, сжатой, буквально выстреливающей смыслом. Даже сейчас, спустя более чем семь десятков лет, она оказывает очень сильное воздействие и втягивает читателя в водоворот своих идей. При этом идеологизация была минимальной, а четкость изложения – феноменальной. Другое дело, что все эти отчеты говорили о восторге от конференции, об *удовольствии* от решения конференции, о *согласии* с решениями конференции, о *надеждах*, связанных с конференцией, но говорили очень убедительно именно в силу своей лапидарности и деловитости. К этому блоку следует причислить обширный аналитический материал, составленный на основании информации ТАСС о реакции на Крымскую конференцию со стороны ведущих мировых средств массовой информации, как бы подкрепляющий голоса политиков Запада.

Во-вторых, это статьи аналитического содержания, говоря современным языком, политологические штудии проблемы [Исторические решения, 1945; Харламов, 1945].

В-третьих, публикации, посвященные отдельным вопросам, которые поднимались на Крымской конференции [Дашевский, 1945]. А также краеведческие зарисовки [Холендро, Олинский, 1945].

В-четвертых, это массовая информация о самом широком одобрении решений конференции с прямой речью участников митингов и собраний, как на заводских гигантах, так и в матросских кубриках, как рабочих, так крестьян. Создавался эффект *личного сопричастия*, который вкупе с обширными сводками иностранной прессы и прямой речи политиков Запада, формировал идею продолжения создания ЯК даже после ее юридического окончания (этот формат сохранялся в своей исконной форме до 1970 г., [Тегеран,

1970, с. 4], а позднее трансформировался в иной вариант сопричастности населения к решениям ЯК).

В 1945 году четко и ясно определилась еще одна черта советского подхода к ялтинским событиям 1945 года. Это тщательный анализ (правда, не перекрестный и не сравнительный, но всё же анализ с элементами синтеза) документальной базы конференции с недвусмысленным ориентиром на методологию геополитики при прочном осознании идеологических аспектов «текущего момента». При этом газетные публикации, а также формат стенограммы устного выступления позволяли отойти от строго академического стиля в сторону более яркого и хлесткого стиля газетного публициста. В итоге формировался очень любопытный набор для создания тела универсалии власти «Ялта-45» как безупречного в своем величии события. Парадоксально, но факт, речь о гениальности И. Сталина в этих публикациях была ничтожна мала. Упор делался на само *событие*, а не на его *участников*. А если участники и появлялись, то по преимуществу Западные лидеры Ф. Рузвельт, У. Черчилль, Э. Стеттиниус и т.д.

В последующие годы сколь-нибудь ярких публикаций о Ялте – не замечено. Стандартный набор материалов конференции последовательно перетекает из одного сборника «Внешняя политика Советского Союза» в другой [*Внешняя политика, 1945; Внешняя политика, 1947*]. Единственным новым документом стала публикация соглашения о Дальнем Востоке [*Известия, 1946*]. Своего рода обобщающим материалом за десятилетие вялотекущего интереса к проблеме стала небольшая заметка статейного характера И.Ф. Ивашина [*Ивашин, 1951*].

Данный факт не должен удивлять. В самом деле, о чем может идти речь? Американцы публикуют мемуары, проводят идеологическую охоту на сторонников Ф. Рузвельта, публикуют свои дипломатические документы о ЯК. До по-

ры до времени это их внутреннее дело. Но как только обострились отношения на Дальнем Востоке (усилилась антисоветская риторика в Японии, появилась поддержка этой риторики со стороны США, срывались переговоры по объединению двух Кореей) сразу происходит мгновенная реакция на геополитические раздражители со стороны СССР – публикация секретного соглашения с США о Дальнем Востоке, заключенном в Ялте.

В середине 50-ых годов эскалация между мировыми державами нарастает, и Ялта играет тут не последнюю роль. Ибо именно Ялта – пример ситуативного учета интересов Великих держав. Это глобальная точка сцепления многочисленных смыслов международной игры власти. Дискредитация Ялты означает дискредитацию возможностей диалога или, по крайней мере, сужение возможностей СССР на дипломатической арене, что вполне соответствует политике сдерживания со стороны США. И вот, начиная с 1955 года, ситуация кардинально меняется. Интерес советских экспертов к Ялте возрастает. Публикации только аналитического характера начинают выходить в свет с интервалом в 2-3 года, а после 60-ых годов зачастую не реже чем раз в год. Стартовым текстом автору видится защита диссертации: «Осуществление Ялтинских и Потсдамских соглашений о демократизации германии в Восточной ее части в 1945-1949 гг.» [*Дорофеев, 1955*]. Выходят отдельные обобщающие очерки с обширными комментариями и первыми пробами формирования историософской парадигмы [*Деборин, 1958; Баратынский, 1959*]. В 1962 г. начинается долгая традиция описания «Польского вопроса» на Крымской конференции [*Славин, 1962*].

Второй важнейшей датой в формировании концепции ЯК явился 1965 год. Он связан, прежде всего, с обширной публикацией разноплановых документов ЯК [*Крымская и Потсдамская конференции, 1965; Крымская и Потсдамская*

конференции, 1965-А; Крымская и Потсдамская конференции, 1965-Б; Крымская и Потсдамская конференции, 1965-В].

Также тематика ЯК становится частью авторитетных энциклопедических изданий [Крымская конференция, 1965], активно проникает в темы диссертационных исследований [Королюк, 1973]. Появляется идея изучения Ялты в контексте внешней политики США [Кузнец, 1970, с. 210-212], второго фронта [Кулиш, 1971]. Всплывают вопросы экзотического характера, например, о закулисной борьбе в Крыму [Волков, 1971] или интригующее заявление о «Правде и вымысле» в изучении событий конференции [Реутов, 1970, с. 228-234]. Активизации интереса способствуют не только юбилейные даты (хотя именно к ним и привязываются публикации), но и первые качественные массовые публикации документов Ялты в журналах (см. выше) и отдельными книгами [Тегеран, 1967; Тегеран, 1970]. Шарм и живость тематике придают динамичные воспоминания участников конференции, публикуемые в монографиях, сборниках, журналах и газетах как всесоюзного, так и регионально-го уровня. При этом авторы мемуаров занимали в феврале 1945 года разнообразные должности и видели процессы конференции под разным углом: адмирал флота и министр ВМС [Кузнецов, 1965; Кузнецов, 1970; Кузнецов, 1970-А; Кузнецов, 1970-Б; Кузнецов, 1970-В; Кузнецов, 1975], кинооператор [Кричевский, 1968], технический работник дипломатической службы [Бережков, 1972, с. 345-349].

Довольно любопытным явлением становятся открытые письма или политологические зарисовки бывших участников Крымской конференции, которые обращаются к делам своей политической молодости [Гусев, 1970; Бережков, 1975].

Но обо всем по порядку. Выявим политические колебания мировых игр и их влияние на историософскую составляющую Советской Ялты-45.

Поворотным пунктом в историософии Ялтинской конференции стала публикация большого пакета документов по ЯК в журнале «Международная жизнь». До этого единственными документальными источниками советских специалистов оставались газетные публикации и небольшие документальные блоки в разнообразных сборниках, носящих по преимуществу юридический характер. В 1965 году впервые ЯК была выведена за пределы текущей юридической ситуации [Славин, 1962], или хоть и обширных, но, все-таки, зарисовок на военно-политические темы, кои являлись нормой пятидесятых годов: «Вторая Мировая война: военно-политический очерк» [Деборин, 1958], «Дипломатия периода второй мировой войны: Международные конференции 1941-1945» [Бартынский, 1959]. Но при этом, ЯК сохранила статус важнейшего текущего международного события.

Еще в 1955 году американцы опубликовали солидный и крайне качественно подготовленный американский сборник, полностью посвященный ЯК [Foreign Relations, 1955]. Впервые в мире именно американцы предоставили глобальный обзор текущей технической документации по ЯК от аналитических записок отдельных членов американской делегации в Ялте до подробнейших стенограмм заседаний, деловых встреч и даже застольных речей. В течение 10 лет это серьезнейшее оружие использовалось в формировании мнений американской интеллектуальной элиты о «сговоре», или о «больном» президенте. В моей терминологии происходило создание каркаса для последующего возвращения тела власти на основе субуниверсалий формата «Мердок». Такой путь позволял стремительно менять полюса дискурса-точек со сцепки на эквивалентность и даже несовместимость. Всячески использовались и чисто лингвистические подходы для формирования субуниверсалий в формате «Гринберг» для дискредитации советской полити-

ки в Восточной Европе после 1945 года, например, нюансы словесных прений в феврале 1945 года в Ливадии. Также отмечалось, что договоренности имеют мало общего с юридически оформленными документами и т.д. и т.п. Вообще, следует отметить, что публикация сборника шла не обычным, установленным порядком, а сопровождалась изощренной политической интригой, начатой еще в 1952 г. во время президентской избирательной кампании. Дело в том, что президент Д. Эйзенхауэр давал обещание при избирательной кампании отречься от Ялтинских соглашений. Но обещание так и не выполнил, и вот 16 марта 1955 года документы, носящие характер «секретно», были опубликованы в «Нью-Йорк таймс». При этом были подобраны наиболее «порочащие» Ялту отрывки подлинников, кстати, при публикации были обнародованы документы и о секретных отношениях с Великобританией, которую даже формально не проинформировали о готовящейся публикации, не говоря уже об ее официальном согласии. Еще большую пикантность этому процессу придает факт того, что, американцы достаточно долго готовили официальный сборник документов о Ялте и именно неоткорректированные гранки только готовящегося к публикации тома, попали на страницы прессы, вызвав вал газетной критики, шельмования, политической истерии и... увольнений (подробнее см. [Сосинский, 1970, с. 107-110]). А как показал нам опыт уже 2017 г. внутренняя политика США всегда тесно взаимосвязана с политической внешней, тем более, если это касается предвыборной программы и избрания нового президента, пришедшего в Белый Дом и вынужденного работать с активно сопротивляющимся ему аппаратом государственного департамента. Кстати, есть версия, что подготовка официального сборника документов была важным элементом подготовки переговоров 18-23 июля 1955 года в Женеве [Сосинский, 1970, с. 107-108], который стремился ошельмовать превентивной

публикацией Даллес. Именно шквал ялтинской риторики 1952-1955 года и последующее опорочивание «духа Ялты» стало стимулом к публикации в Советском Союзе серии работ 50-ых годов, указанных выше и, в конечном счете, привело к окончательному оформлению бастионов историософии в начале семидесятых годов.

К середине 60-ых гг. накал борьбы за Ялту достиг своей кульминации: «на Западе была предпринята не одна попытка фальсифицировать... правду³, в том числе при помощи публикации разного рода материалов, претендующих на документальность, здесь имеются, прежде всего, сегодняшние корыстные интересы правящих кругов этих держав. Они-то и обуславливают стремление любым путем, не в последнюю очередь, аргументами «от истории», оправдать и обелить современную политику этих кругов, хоть как-то скрыть вопиющие нарушения ими самых торжественных обязательств. Вот почему предпринята журналом «Международная жизнь» в ряде номеров публикация записей переговоров на конференциях, которые состоялись в годы совместной борьбы СССР, США и Англии против гитлеровской Германии и милитаристской Японии...» [Толмачев, 1966, с.103]. Как видно, ни о каких сугубо исторических публикациях с узким академи-

3 Одной из ярчайших американских книг призванных дискредитировать «Ялту», явилась монография: «The Yalta Betrayal. Data on the Decline and Fall of Franklin Delano Roosevelt», которая переиздавалась трижды, в 1953, 1954 и 1961 годах [Wittmer, 1961, с. 4]. Между прочим, редчайший случай, книга-бестселлер по Ялтинской конференции доступна в Интернете в полном объеме для любого, даже не зарегистрированного читателя и, причем, в самых разнообразных форматах (<https://archive.org/details/yaltabetrayaldat010842mbp>). А, учитывая жесткость американского законодательства в отношении копирайта, данный факт случайным никак не назовешь. Впрочем американская историография знает и более мягкие тексты, например книга «Decisions at Yalta. An Appraisal of Summit Diplomacy», где основной мыслью является тезис, что ЯК это первая попытка кодификации глобальной международной разрядки между СССР и западными демократиями [Russell, 1986].

ческим интересом и речи идти не могло. Более того, опубликованные материалы хранились (и хранятся до сих пор) в так называемой «Папке Сталина» и их частичные факсимиле были опубликованы только в 2010 году. Автор статьи, сопровождающей публикацию документов, первый раз после брошюры Иерусалимского, указывает ключевые категории историсофского дискурса. Его первая коррективна легшая в основу историсофской концепции – выведение ЯК за пределы события 1945 года и определение ее как наиглавнейшего события международной политики наравне, а вернее, выше Венского конгресса и Парижской мирной конференции⁴ [Толмачев, 1966, с. 103, 104]. Во-вторых, указывается на субъективный фактор, повлиявший как на конференцию, так и на выполнение ее решений, при этом классический экономический базис отбрасывался вовсе⁵ [Толмачев, 1966, с. 105, 107, 108]. Статья пестрит эмоциональными факторами, такими как: «Рузвельт был убежденным противником нацизма...» [Толмачев, 1966, с. 105], «Черчилля... чрезвычайно пугала мысль, что может возникнуть подлинно демократическое государство» [Толмачев, 1966, с. 109]. По сути,

⁴ Примечательно, что американский истеблишмент до сих пор опонирует данному тезису, настойчиво выводя принципы и нормы текущего международного общения не просто от Парижской мирной конференции (1919-1920 гг.) или Венского конгресса (1814-1815 гг.), но проводя прямые логические цепочки к Вестфальской системе мирных отношений (1648 г.), минуя Ялту-45. Так один из активнейших участников Холодной войны и один из самых влиятельных американских геополитических экспертов недвусмысленно заявляет, что ныне действует «... глобальная Вестфальская система – которую... принято именовать мировым сообществом...» [Киссинджер, 2017, с. 17]

⁵ По сей день экономические аспекты ЯК выступают настоящей «обиженной Золушкой» в исследованиях. Самостоятельных текстов посвященных этой теме практически нет, а экономический фактор при анализе ЯК находится на периферии исследовательского внимания по сравнению с военным, поллитическим или, даже... медицинско-бытовым.

Толмачев выявлял и формировал субуниверсалии фукианского типа дискурса, создавал рамки для формирования понятий, помогающие упорядочивать хаос смыслов власти.

Время от времени всплывали «какие-то» правительства, то американское, то британское, которые вдруг делали что-то скверное, а временами, принципиально иное, чем указанные мятущиеся лидеры Западного мира. Автор статьи создает странный образ практически анархического метания союзников на конференции и железную волю в единой дискурс-цепи: И. Сталин – Нарком Иностранного дела – Советское правительство. Но вот кто ограничивал Ф. Рузвельта в его побуждениях, кто был советником у Черчилля, каким таким способом влияли «реакционные, анонимные» круги империализма на слова лидеров в Ялте – абсолютная тишина и сплошной туман. Также совершенно неясны полномочия Сталина, инициативы Советского правительства, степень влияния Наркома Иностранного дела на происходящие процессы. Завершение статьи это финальный аккорд, который подобно печати Соломона, закрывающей джинна в бутылке, фиксирует принципы Ялты и Потсдама, как основные препятствия начала новой Большой войны, наделяя Ялту и Потсдам статусом главного бастиона мира: «два с лишним десятилетия, прошедшие со времени Крымской и Потсдамской конференции, подтверждают силу и мудрость их решений. Социалистические страны, взявшие в свои руки знамя мира и безопасности народов, остаются верными провозглашенным на них принципам» [Толмачев, 1966, с. 111]. Именно принципы, а не юридические формулы, именно мудрость, а не соответствующим образом оформленные документы – основа для осознания значимости Ялты. Верность принципам, а не сухая рациональность исторической целесообразности, вот ключ к пониманию Ялты и постялтинского мира в советском теле универсалии власти «ЯК».

Годом ранее, в 1965 году в академическом, авторитетном журнале «Вопросы Истории» выходят очень объемные мемуары адмирала Н.Г. Кузнецова⁶, посвященные Ялте и Потсдаму. Впервые в печати появляется серьезная информация о технологии подготовки международной встречи, особенности работы советников, специальных профильных делегаций, даются развернутые комментарии об отдельных представителях англо-американских делегаций; «рассекречивается» информация о частных разговорах в кулуарах, за пределами официальной стенографии. По сути, эти мемуары первый сугубо исторический текст, который отвечает на вопросы: Что? Кто? Где? Когда? Они дают множество возможностей для создания субуниверсалий обоих форматов, а особенно в формате «Мердок». Несмотря на свой жанр, мемуары отличаются четким объективизмом, отсутствием философичности, минимальной идеологичностью и крайне серьезным, почти суховатым рационализмом. В этом смысле воспоминания адмирала Кузнецова одни из немногих советских публикаций по Ялте-45, которые полностью и всецело находятся в лоне исторической науки [Кузнецов, 1965].

В 1970 году выходит очередная серия публикаций, посвященных Ялтинским событиям. Складывается обычай юбилейных «парадных», если угодно «паркетных дат». К очередному юбилею готовится один-два материала, в которых авторы, которые с позиций изменившейся политической обстановки после очередного юбилея корректируют акценты ЯК⁷, оставляя неизменным ее основополагающие достижения. Также, не изменяя, а лишь укрепляя статус ее вневременности, сверхважности и бесконечной актуальности

⁶ Позднее они войдут как глава в книгу «Курсом к Победе» [Кузнецов, 1975] и только в Советском Союзе выдержат три переиздания.

⁷ Важная деталь! Универсалия власти – неизменна, также неизменны субуниверсалии власти. Но вот их взаимное расположение, их видимость для носителя может изменяться и весьма существенно.

вчера, сегодня, завтра. Но до очередной даты между 1965 и 1970 гг. выходит публикация, «выпадающая» из заявленного стандарта. Это мемуары кинооператора А. Киричевского. Они полны юмора, остросюжетных драматических ситуаций и наблюдений «маленького» человека во время Большого события. Мемуары вышли совсем не в академическом формате, в литературной газете [Киричевский, 1968], и не стали сколь-нибудь заметными в многочисленных публикациях 70-80-ых годов. Они оказались, по сути, не востребованными для построения историософской картины в силу своей простоватой жизненности и наивной искренности. К монументальному полотну эпического характера эпизоды о панике кинооператора, у которого из всей пленки, отщелканной при позировании Большой Тройки, осталось лишь три не засвеченных кадра, явно не подходили. Но мемуары А. Киричевского открыли собой большой пласт частных воспоминаний «маленьких людей» ЯК, которые дали свой наибольший урожай в крымской прессе 90-х гг. XX века..., кстати, также оставшихся без внимания столичных историков из титулованных вузов России по сей день включительно.

1970 год был открыт знаковой исторической публикацией периода – монографией С.Б. Сосинского, подписанной в печать 3 декабря 1969 г. [Сосинский, 1970, с. 128]. Сергей Брониславович вводит новые идеи и развивает уже опробованную методику в советской историософии о “Ялте”. Прежде всего, это попытка сориентировать громоздкий материал “Ялты” на постижение позиции США в 1945 г. и в разгар Холодной войны. Это, собственно, не историческая, и даже не совсем историософская, а скорее, политологическая задача. Но решалась она под флагом уже разработанных историософских шаблонов. С.Б. Сосинский значительно расширяет в традиции постижения “Ялты” лирическо-публицистические тона микроистории (по

сути создающей субуниверсалии формата «Мердок»). Например, описание погрузки англо-американской делегации в самолеты на о. Мальта [Сосинский, 1970, с. 50]. Или описание почти театрализованного входа И. Сталина в зал заседаний ЯК [Сосинский, 1970, с. 53], много внимания уделяется перемещениям делегаций, частным вопросам пейзажей и обслуживания. В конечном счете, книга оставляет впечатление некой смеси краеведения и геополитики; с большим вкусом проанализированной словесной эквилибристики союзников.

Сергей Брониславович также отходит от «тумана», навеянного в статье Толмачева, и детально рисует расклад интриг внутри американской делегации, столкновения разнообразных точек зрения при решении вопросов, поднятых на конференции. Одним из лучших обзоров такого рода служит анализ закулисной игры внутри американской делегации по поводу будущего Германии [Сосинский, 1970, с. 29-35], тем самым выявляя и фиксируя точки сцепления в дискурсивных практиках прошлого.

Советский эксперт разделил книгу на три больших блока. В первом из них он выстраивает уже привычный нам эпический историософский текст, который укрепляет многочисленными цитатами в рамках анализа американских публикаций о ЯК [Сосинский, 1970, с. 3-24]. Второй блок – это политический, отчасти военный и экономический анализ решений, которые принимала американская делегация в раках переговоров в Ялте [Сосинский, 1970, с. 25-35]. Третий блок это опять историософия, но уже в контексте выполнения (а скорее, нарушения) тех договоренностей и тех принципов, с которыми американцы либо согласились, либо не возражали в Ялте [Сосинский, 1970, с. 90-113].

Сергей Брониславович Сосинский создал текст, который и по сей день может служить образцом для больших работ, посвященных ЯК. Суммирую наиболее характерные черты

текста, которые во многом стали нормой для историософии ЯК, хотя и находили свое частичное выражение в прошлом, в предыдущих публикациях 40-50- гг.:

1. Жесткое следование документальной базе конференции с безусловным привлечением обширной англоязычной литературы.
2. Емкая, хлесткая, яркая стилистика профессионального публициста, ориентированная на занимательное чтение и создание ярких образов.
3. Комплексный подход к Крымской конференции, проявляющийся в попытке объединить в одной книге краеведческие пассажи, психологические этюды, погодные зарисовки, семантический анализ документов, структурное исследование историографии Запада и т.д. и т.п.
4. Тщательный анализ текущего политического момента и жесточайшая привязка исторического материала к усилению позиции СССР в современных автору политических баталиях.
5. Игнорирование метода сравнительного анализа русскоязычных и англоязычных документов.
6. Игнорирование метода сравнительного анализа русскоязычных и англоязычных мемуаров.
7. Система книги базируется на безусловных истинах, которые не обязательно подтверждать. Например, «они» фальсифицируют документы, но как они это делают – не указано. Есть лишь наличие факта фальсификации. Вообще, фальсификация понимается в том плане, что заявления историков, публицистов, политиков не соответствуют цитатам из документов ЯК. Более того, фальсификация это не примитивная фантазия или невежественная выдумка, а хорошо спланированный процесс перевода точек сцепления дискурса в область точек дифракции.

8. Закрепление транссовременности Ялты, когда историческое событие 1945 года переносится в год 1955, является важным для текущих политических баталий и т.п.
9. Краеведческие зарисовки и психологические этюды, опять-таки, закрепляют у читателя эффект присутствия, делаая его сотворцом конференции, и усиливают эффект личной заинтересованности читателя в ходе конференции.

Вообще 70-ые годы проходят под знаком борьбы с фальсификаторами истории, преимущественно американского происхождения [Реутов, 1970 с. 229-234; Кузнец, 1970, с. 211-228; Гусев, 1970; Бережков, 1975, с. 18; 20; Пономарева, 1975 с. 66] в том же формате проходят и годы 80-ые. Принципиальных прорывов нет, также как нет и важных изменений в уже сложившейся историософской концепции, в самом теле универсалии власти. Но сами тексты приобретают строгое разделение.

Во-первых, наличествуют официально парадные статьи с минимумом личного мнения автора и максимумом стандартных фраз, снова и снова фиксирующих в массовом сознании вышеуказанные черты ЯК. Это оболочка тела универсалии власти. Во-вторых, публикации, как мгновенная реакция на изменяющуюся политическую обстановку, или выход на Западе новых комплектов обвинений СССР. Это уже не фиксация, а корректировка субуниверсалий формата «Гринберг», служащих защитой точек сцепления. В-третьих, это «остренькие» истории о разведчиках, дипломатах, охране ЯК. В данном случае мы видим конструкты субуниверсалий в формате «Мердок», которые служат связующим раствором для субуниверсалий «Гринберг», цементируя их в единое тело универсалии власти. Повторюсь, все три сегмента это единое целое, неизменно связанное между собой. Все они часть единой концепции, скреплен-

ной единой метафизикой историософии смысла и значения ЯК в сакральных тонах. Но при этом они редко пересекаются друг с другом. Ведь они атомарны, неделимы и между ними не наблюдается сколь-нибудь существенной диффузии. Их цементировка более смысловая, мыслимая, нежели предметная, иными словами, локально-текстуально выражаемая. Парадные статьи в основном ссылаются на своих коллег «парадников», краеведы на «краеведов», секретчики на самих себя или военные архивы, а те, кто реагирует на изменяющуюся политику, как правило, подбирают публикации для ссылок в каждом случае разные, и зависит это лишь от повода, заставившего их написать тексты. В данном калейдоскопе встречаются тексты тех, которых мы обозначим как «аналитики», то есть, авторы, максимально дистанцировавшиеся от историософичности проблемы, и в силу этого, несмотря на выдающиеся открытия, крайне редко попадающие в библиографию всех выше описанных частей единой историософической системы.

До 70-ых годов XX века подобного разделения, по сути, не было, как и не было большой гибкости в изложении материалов. Однако неоднократная публикация и пере публикация документов ЯК, очерков, брошюр и парадных статей в читаемых журналах привела к всплеску интереса к ЯК. Интересы, который уже не мог уместиться в узкие рамки публикаций 40-60-ых гг. Историософская компонента начала распухать от фактов, данных, мнений, точек зрения. При этом никто из советских авторов нигде не критиковал публикации своих советских коллег, просто, если считал их неуместными, не ссылался на них и не использовал в своем тексте приведенных ими фактов или позиций (как это вышло, например, с мемуарами Н. Г. Кузнецова и А. Кричевского или, позднее, с серией статей Л.Я. Гибианского).

Систематизирую тексты-компоненты советской историософии ЯК:

1. «Парадники» – это группа публикаций, служащих целям поддержания нужного для Советского Союза понимания ЯК, постоянным из года в год дублированием отлитых в металлические болванки истин, скрепляющие общественное мнение единой точкой зрения. Это фактически ритуальные статьи, сакрально воспроизводящие безупречные мантры ключевых для ЯК концептов и помогающие всем пишущим о ЯК сверять свои тексты с единственно истинным пониманием исторической значимости ЯК.
2. «Политическая экспертиза» – группа публикаций, оперативно реагирующая на изменение текущего политического момента, в связи с чем и расставляющая наиболее актуальные акценты из всегда актуальной ЯК. Всегда поводом к публикации служит демарш стран Запада и никогда поводом не является подготовка Советским Союзом определенного общественного мнения к планируемым дипломатическим решениям. Эти публикации всегда реакция, но никогда не превентивная мера в Большой Политической игре.
3. «Теоретики» – статьи общего характера, в которых рассматривается общий ход конференции в ее взаимосвязи с теми или иными предпосылками и теми или иными последствиями, как правило, в узких хронологических рамках: плюс-минус 10 лет.
4. «Предметники» – публикации, созданные специалистами, разрабатывающими отдельные аспекты ЯК и максимально дистанцирующимися от историософии или политической игры. Публикации направлены на поставку первым двум группам теоретических обобщений ряда исторических фактов.
5. «Микроисторики» и «Краеведы» – авторы публикаций этой группы либо любители-историки, либо отставные военные или дипломаты, которые поднима-

ют строго локализованные элементы ЯК в формате очерка или рассказа (крайне редко статьи). Их интересуется главным образом повседневность, которая сопровождала ЯК. Будь то гнев Сталина, или количество вагонов с мебелью. Эти публикации максимально предметные, они направлены на то, чтобы удивить, восхитить читателя. Они акцентируют на шпионские игры и тонкости психологической интриги. Эта группа создает эффект присутствия читателя в 1945 году и поддерживает историософскую концепцию (элемент личной заинтересованности и личного присутствия). Кроме того, временами отдельные факты, «нарытые» этой группой, проникают в парадные публикации и позволяют оттенить скучную официальность текста.

В данной главе мы рассмотрим публикации второго типа, как те, которые наиболее ясно свидетельствуют о внимании советской историософии ЯК к внешнеполитическим событиям. Это влияние прослеживается и в публикациях иных подгрупп, но гораздо менее рельефно и не столь ярко.

Среди ключевых политических экспертов стоит отметить следующих персон [Гусев, 1970; Бережков, 1975; Рыхловский, 1984; Ахтамзян, 1985; Ржешевский, 1985]. Кто-то из перечисленных авторов является в большей степени политическим экспертом, как, например, Ф. Т. Гусев, кто-то меньше, как, например, О.А. Ржешевский, но все они писали свои работы по вполне конкретному политическому поводу. Их тексты служили определенным ответом на политические демарши Запада. Разберем эту сторону живой историософии Ялты подробнее и на конкретных примерах, итак, год 1970-ый.

В честь двадцати пятилетия Крымской конференции «Нью-Йорк таймс» опубликовала воспоминания двух участников конференции: А. Гарримана (в 1945 г. посол США в СССР) и Ч. Болена (в 1945 г. – работник государственного

департамента США). В этих воспоминаниях был затронут ряд болевых точек, которые и являлись важными узловыми моментами текущей международной политики. И в том же году следует мгновенная реакция – статья Ф. Гусева (участник ЯК, бывший на 1945 г. послом СССР в Великобритании) [Гусев, 1970]. Статья создана в жанре: «письмо в редакцию». Любопытно, что автор письма, заявляя о своем личном участии в конференции, нигде никоим образом не опирается на свои воспоминания, а лишь цитирует общеизвестные официальные соглашения, заключенные в ходе ЯК. Дело в том, что письмо от очевидца должно было придать вес и авторитетность рассматриваемым в статье вопросам, а не являться мемуарами или аналитикой изложенных в воспоминаниях А. Гарримана и Ч. Болена фактов.

Ф. Гусев затрагивает следующие узловые вопросы:

1. Расчленение Германии на зоны оккупации;
2. Нарушение Сталиным своего слова, а, следовательно, неудачи англо-американцев «в Восточной Европе и на Дальнем Востоке» [Гусев, 1970, с. 126];
3. Принцип дипломатии: «Соглашения были заключены, а всякие соглашения можно заставить соблюдать только путем военных действий...» [Гусев, 1970, с. 127];
4. «Делаются попытки переписать историю, однако, все это – пустое занятие» [Гусев, 1970, с. 127].

По первому узлу Ф. Гусев демонстрирует, что СССР никогда не был за расчленение Германии, а лишь за «упорядоченное размещение войск союзников... по территории Германии» [Гусев, 1970, с. 126], добивая оппонентов перечнем планов по расчленению Германии, предложенных официальными лицами США и Великобритании. Тем самым демонстрировалась следующая позиция СССР: разделение Германии на два государства ФРГ и ГДР, есть результат действий Западных стран, а отнюдь не планомерная работа советского руководства.

По второму узлу Ф. Гусев демонстративно игнорирует обвинение в нарушении И. Сталиным своего слова. Никоим образом этот опытнейший дипломат и мастер текстуального анализа в своем ответе не затрагивает фигуру И. Сталина. А его ответ это классический ход в дискуссии, когда цитируется выпад противника, но при ответе смещаются акценты и фактически идет не ответ на вызов, а ответ на удобное *понимание* вызова. Так весь ответ Ф. Гусева распадается на два блока: «Восточная Европа» и «Дальний Восток». В блоке «Восточная Европа» описывается воля народов, принявших социализм, красивые слова о социалистической Польше и мгновенное обвинение оппонентов в том, что им просто не нравится крах надежд капитализма на строительство санитарного кордона, отсюда де и обвинения в адрес СССР. Усиливая дискредитацию оппонентов, Ф.Т. Гусев обвиняет своих визави в «произвольных, субъективных толкованиях»... в том, что они «без каких-либо доказательств ставят под сомнение намерения СССР...» [Гусев, 1970, с. 127]. И только после такой дискредитации «свидетелей обвинения» Ф. Гусев цитирует личные наблюдения со стороны Ч. Боллена относительно «тихой игры Сталина» и откровенно их высмеивает, причем в рамках эстрадного жанра, а не бьет аргументами своего личного свидетельства участника конференции.

Тон принципиально меняется в рамках блока «Дальний Восток», где Ф. Гусев вспоминает об обязательствах СССР и аргументированно доказывает, что эти обязательства были выполнены скрупулезно (в блоке «Восточная Европа», несмотря на обвинения «свидетелей», об обязательствах СССР речь не шла совершенно).

Третий узел посвящен основополагающим принципам международной демократии. Речь идет о том, что все чаще и чаще в рамках многочисленных урегулирований военных конфликтов в 60-ые годы раздавались слова о том, что дипломатия должна быть подкреплена военной силой и лишь

армия, сильная армия может заставить противника/партнера выполнить свои обязательства. Неоднократно приводился пример ЯК, на которой ряд четких обязательств СССР не был выполнен, ибо страны Запада не могли надавить на него своей военной мощью. В этой связи Ф. Гусев задает вопрос, почему же союзники не провели денацификацию и демилитаризацию Германии? Отчего? Причем этот вопрос автор письма в редакцию присваивает не себе, а широким общественным кругам многих европейских стран. Из ответа Гусева действительно встает очень интересный вопрос: неужели и сейчас (а не только в 1945 г.) следует ввести принцип культа силы при наблюдении за уже заключенными соглашениями.

С четвертым узлом автор согласен, но заявляет, что именно на Западе происходит то самое переписывание истории, о котором сетуют Ч. Болен и А. Гарриман. Он приводит факты «модернизации» истории, которая является в терминологии Ф. Гусева «грубым извращением». Он показывает, что на Западе часты заявления об устаревании соглашений ЯК. Но не какие-то, конкретные пункты договоров, а «принципы», на которых были решены вопросы послевоенного устройства мира. Автор еще раз указывает, что искажение истории со стороны Запада преследует цель оправдания «реакционного и милитаристского курса, проводимого империалистами США в наши дни» [Гусев, 1970, с. 127].

Ф. Гусев выступает как важный политический эксперт, указывающий на наиболее серьезные проблемы в начале 70-ых годов: вопрос о разделении Германии, социалистический строй в странах Восточной Европы, основополагающие принципы международных соглашений и использование истории в текущей политической борьбе. По каждому из узлов он приводит основную линию советского правительства и намечает методику ответов на «остренькие» вопросы Западных партнеров.

Спустя пять лет выходит статья «Ялтинские решения и современность» [Бережков, 1975]. Ситуация в мире изменилась и ключевым, если не основным вопросом, стал процесс подготовки серии серьезнейших международных договоров о безопасности в Европе. А значит, активизировались проблемы «принципов» Ялты. Большая часть статьи В. Бережкова посвящена азбучным истинам, известным всем, кто прочитал хоть одну книжку о ЯК, но тут важны не излагаемые им факты, а яркие, выделенные заголовки, которые и акцентируют внимание на ключевых смыслах: «Боевое сотрудничество» [Бережков, 1975, с. 18], «Образец равноправных отношений» [Бережков, 1975, с. 19], и наиглавнейший блок, ради которого и писалась статья: «Альтернатива «Холодной войне»» [Бережков, 1975, с. 20]. Статья дает интересную пищу для размышлений, например, о том, что внутри делегации США на ЯК не было единства мнений и, что принятые решения в 1945 году, это победа одних сил в окружении президента и госдепе над другими [Бережков, 1975, с. 18]. Но самая важная часть статьи плотно спрессована на последних страницах. Открывается блок «Альтернатива «Холодной войны»» неожиданно – сослагательным наклонением, которое автор использует при анализе результатов развития Ялтинского мира, что совершенно не характерно для советской исторической школы. Но тут случай особый, тут политический анализ и, самое главное, политический прогноз на основе знания ЯК. Важным моментом явилось сравнение внутривластных процессов в США в конце 60-ых годов и изменение внешнеполитического курса (куда относится и ЯК) страны. Подчеркивается, что сейчас имеются лишь «рецидивы» Холодной войны, что основная тенденция это разрядка отношений. Выдвигается очень необычная мысль о «перезагрузке Ялты». Ибо имевшиеся в 1945 г. альтернативы Холодной войны не были воплощены в реальность, а сейчас спустя 30 лет «вновь имеются возможности развития

взаимовыгодного сотрудничества между государствами и различными общественными системами» [Бережков, 1975, с. 21]. Такой любопытный маневр не достижение историка или кабинетного «политолога» – это реальность политической жизни середины 70-ых годов и озвучивание официальной линии Советского Союза на переговорах (редкое дело, но в статье, посвященной ЯК, упоминается XXIV съезд КПСС и выработанная им программа мира, для публикаций о Ялте ссылка на конкретное политическое событие редчайший случай после, собственно, 1945 г.).

Именно начиная с 1975 года, большинство публикаций включают в свою схему идею перезагрузки. Идею о том, что Ялту надо повторить, что опыт Ялты нуждается в практическом применении. Но при этом упорно продавливается также идея, что Ялта свершилась, что она незыблема. В единой концепции срачиваются две логически противоречивые точки зрения:

1. Ялта не получилась, и необходимо ее перезапустить.
2. Ялта свершилась, а ее решения незыблемы, так как это основа нашего сегодняшнего дня.

Впрочем, подобное внутреннее противоречие лишь усиливало советскую систему историософии Ялты, придавая ей несколько комплектов аргументов и задавая большой люфт для идеологического, или сугубо академического маневрирования в дискуссиях с Западными коллегами. Одним словом, перед нами классика точки сцепления дискурса, которая характеризуется псевдореальностью. То есть, когда сцепление несовместимых и противоречивых точек дает представление об их решающем значении, об их изначальном псевдо-единстве и будто бы то, что они являются первичным изначальным материалом; на самом деле это поле возможных предпочтений и материал для различных и несовместимых реконструкций той, неведомой нам первореальности [Фуко, 2004, с. 138-139].

При всем этом в одной публикации, как правило, принимался либо первый, либо второй комплект исходных посылок. Создается впечатление, что когда работала одна исходная посылка – другая предполагалась, но не проявлялась и наоборот. Во всяком случае, либо одна, либо другая всплывали в разных публикациях, но редко, когда сразу две в одной публикации. Впрочем, они могли присутствовать одновременно в одном сборнике, но в разных статьях разных авторов, да и сами авторы от публикации к публикации могли менять эти установки, сообразуясь с геополитическим барометром ЯК.

В 1979 году выходит серьезная аналитическая статья, целиком посвященная польскому вопросу на ЯК, и это не случайно. Во второй половине 70-ых годов социально-экономическая обстановка в Польше сильно ухудшается, растет социальное напряжение. В конце 70-ых годов активизируются политические требования. В конце же 70-ых в Польше начинаются забастовки, появились первые убитые из числа бастующих. В 1978 году с избранием Папой Римским каровского архиепископа Кароля Войтылы, резко возросло влияние католической церкви, которая активно вторгалась в сферу идеологическую и политическую. В столь сложных условиях, чреватых национальным бунтом крайне активизировалась линия по дискредитации действий Советской Армии в Польше, массово распространялась информация о том, что «русские оккупировали Польшу», о том, что в 1945 году Советский Союз уничтожил Польское государство и захватил ее исконные земли и т.п., и т.д. Вышедшая статья Н.С. Райского [Райский, 1979] была призвана предоставить в распоряжение советских (и не только) экспертов серьезные, фактологически аргументированные данные на основе богатого спектра источников, способных нейтрализовать идеологический пресс Запада. В статье минимум риторики историософского характера и максимум фактажа.

Иной характер носит публикация, польского эксперта целиком и полностью пронизана политическим содержанием современности [Рыхловский, 1984, с. 90-93]. Она объясняет, как понимать польский кризис 1980-1981 гг., разъясняет, каким образом дискредитация Ялты наносит вред польскому государству. Активно цитирует и критикует позицию З. Бжезинского [Рыхловский, 1984, с. 90].

Статья сверхактуальна, в своей второй и главной для автора части, где он цитирует высказывания политических оппонентов Советского Союза, которые были ими озвучены в течение 1983 и начала 1984 годов [Рыхловский, 1984, с. 91], оперативность, которая не может не поражать. Автор вездельно анализирует путь, по которому идеологические игры Запада с ЯК используются при выстраивании антисоциалистической платформы польской оппозицией (даже цитирует радио «Свободная Европа»!) [Рыхловский, 1984, с. 92].

В 1985 году выходят две серьезные статьи политических экспертов. Во-первых, это статья с традиционным сакрально-историософским названием, в которой еще раз подчеркивается неприкасаемая святость вечности свершившегося, но отнюдь не закончившегося исторического действия: «Соглашения непреходящего значения (К 40-летию Крымской конференции) [Ахтамзян, 1985]. Основа критики советского автора направлена против недавно вышедшей книги С. Зальцбурга, где он выстраивает мысль, что ЯК это, всего лишь, политическая легенда и исторический миф [Ахтамзян, 1985, с. 59]. Следующей важной причиной, побудившей написать статью, явились события в ФРГ в начале 80-ых годов, когда начался процесс полномасштабной милитаризации этой страны и снятие ограничений с ее вооруженных сил на обладание ряда стратегических вооружений. При этом автор отмечает, что творцы концепции милитаризации Германии активно поддерживают идею создания единой Германии в границах 1937 г. с фактическим не при-

знанием ГДР и земель, отошедших к ПНР [Ахтамзян, 1985, с. 62]. Именно возрождение неонацизма, проникновение элементов нацистской пропаганды в речи ответственных лиц Запада, милитаризация ФРГ, с рост реваншистской идеологии, возрождение проблем границ в Европе и пангерманизм – являются основным объектом, против которого направлен текст статьи (с обязательным наличием фактажа по Ялте, заявлениями о смысле и назначении ЯК как гаранта мира во всем мире и т.п.) [Ахтамзян, 1985, с. 65-67].

Вторая статья политического эксперта, выступившего со своим текстом в 1985 году, удивительна и необычна. Статья называется «Крымская конференция: буржуазная историография и современная идейно-политическая борьба» [Ржешевский, 1985]. В едином тексте переплетается серьезнейшая историографическая работа и аналитика современной политической жизни США. Ключевая идея: историография США подпитывает, форматирует и предоставляет идеологические инструменты для передела мира путем уничтожения ялтинского миропорядка, сформировавшегося в мирном сосуществовании двух общественно-политических систем на основе Ялтинских договоренностей. Ключевыми пассажами статьи являются речи Р. Рейгана и внутри сенатская законодательная деятельность США [Ржешевский, 1985, с. 141]. Серьезное место уделяется реваншистским заявлениям ФРГ о пересмотре границ (объединение Германии), территориальные претензии к Польше и Чехословакии [Ржешевский, 1985, с. 142-143]. Важным элементом этой международной политической игры является историографическое прочтение Ялты и умение расставить акценты, кампания по ее дискредитации и подготовка общественного мнения к пересмотру границ в Европе [Ржешевский, 1985, с. 144].

Итак, резюмируем **ключевые черты** советской историософии ЯК за весь период ее существования.

1. Крымская конференция это историософское событие, имеющее начало, но не имеющее завершения. Она вечна в том смысле, что всегда актуальна для времени того или иного автора, обращающегося к ней. От эпохи к эпохе могут меняться акценты (их расставлением занимаются политические эксперты), но безусловный мажорный характер ЯК и ее абсолютность при обращении ко всем происходящим в мире международным отношениям – неизменно. Это пространство, в котором бытийствует тело универсалии ЯК.
2. Ключевыми для абсолютизации событиями являются общие принципы проведения ялтинской встречи, а не юридические формулы. Именно мудрость, а не соответствующим образом оформленные документы – основа для осознания значимости Ялты. Верность принципам, а не сухая рациональность исторической целесообразности, вот ключ к пониманию Ялты и постялтинского мира в трудах советских ученых. Именно принципы: равенство, взаимовыгодность, доброжелательность, диалогичность, нацеленность на мир, сотрудничество в решении противоречивых проблем – основа для всех частных суждений или локальных эмпирических исследований. За пределы этих канонических, раз и навсегда установленных принципов, советский исследователь выйти не может. Более того ЯК это образец и символ идеальности воплощения принципов в реальности, последний образец, никогда не повторяемый больше, но крайне желательный к новому воплощению. Это ключевые субуниверсалии власти формата «Гринберг».
3. Ялтинская конференция это надежда и мечта. При этом такая надежда и мечта, которая, раз воплотившись, продолжает бытийствовать и поныне. После 1945 г. она никогда не достигала абсолютности свое-

- го существования в эмпирическом мире, но ее почти мессианское воплощение, как круги на воде от брошенного камня, продолжают жить и поныне. Начиная с 70-ых годов, активизируется надежда на новое пришествие Ялты, появление новой точки бифуркации общепланетной истории, надежды, которые к началу 80-ых все более тускнеют и постепенно исчезают. Нового пришествия не будет, но мечта и тоска по бывшему остается, как остается понимание зависимости всех сегодняшних геополитических событий от ялтинского диалога 1945 г. По сути это форма бытия тела универсалии власти с элементами способов ее существования.
4. Крымская (Ялтинская) конференция 1945 г. это событие, которое касается всех, любой житель СССР и стран Восточной Европы сопричастен к нему. Историософия ЯК строится как система личной значимости события для каждого. Это личностное отношение к историческому событию, раз появившись в 1945 г. силами газетной пропаганды, никогда не уходило из советских текстов, принимая все более и более изысканную литературную форму. Тексты о ЯК полны лирических отступлений о погоде в Ялте, о сверкающих самолетах в небе над Крымом, о вспыльчивости У. Черчилля, о вежливости Ф. Рузвельта. Кочуя от книги к книге, от статьи к статье, они создавали эмоциональный фон узнаваемости, приближенности, родственности читателя ко всем происходившим в Ялте 1945 г. геополитическим дискуссиям. Такую же позицию принимали на себя авторы статей и книг, даже те, кто лично и не участвовал в этих мероприятиях. Здесь представлен второй блок субуниверсалий власти формата «Мердок».
 5. Любопытной чертой советского процесса формирования симулякра властной реальности является от-

существование продолжительной серии публикаций (за исключением Л.Я. Гибианского) или авторов, целенаправленно занимавшихся ЯК. Как правило, автор пишет одну-две работы по Ялте и более к ней не возвращается. По сути, ЯК это поле великолепных профессионалов в международных отношениях ВОВ и махровых дилетантов в собственно ЯК. В таком фокусе указанные авторы это защитники точек сцепления – благородные рыцари, стоящие на страже университета власти, ее тела и субуниверсалий.

P.S. Существуют довольно любопытные цитаты, приведены в конце одной из статей О.А. Ржешевского, которые свидетельствуют о мистицизме, как о платформе историографии ЯК в США. Формирование тела универсалии и симуляция псевдожизни власти в США, по-видимому, бытийствовали по линии демонизации и мистификации читателя; американские эксперты оперировали глубинными мифологическими образами и апеллировали к гипертрофированной религиозности, сродни фанатизму. Мистицизм, основанный на неподдающемся сомнению мнении, что СССР – Зло, а, следовательно, даже когда он делает добро, это очень подозрительно и, скорее всего, также является злом, правда пока не понятным или пока безопасным для Запада [Ржешевский, 1985, с. 145]. Кстати, целый перечень названий американской историографии, в котором фигурируют «духи Ялты», «пепел» и другие inferнальные символы, вполне оправдывает эту точку зрения относительно западной историографической платформы. В таком случае западная Ялта – в основе мистична, а советская – сакральна. При всей схожести разница есть. В первом случае работает миф, протестантская борьба с дьяволом, а во втором случае – «классическая» историософия православия со своими смыслами, значениями и сакральным Миром, который

крайне далек (уввы!) от мира. На этой ноте, пожалуй, стоит завершить главу о влиянии геополитики на советскую историософию ЯК, том влиянии, которое во многом обусловило как наиболее характерные черты советской историософии ЯК, так и важные рубежные даты ее понимания и творения в советских текстах.

Глава 4.
ВЛАСТЬ КРОЕТСЯ В МЕЛОЧАХ...
 (документальная база советских
 исследователей ялтинской конференции)

Талант историка состоит в том, чтобы создать верное целое из частей, которые верны лишь наполовину.

Эрнест Ренан

Долгие годы история Ялтинской конференции была глубоко запрятана в закрытые архивы, а на уста участников конференции налагалась печать молчания. Однако со стремительным развитием информационных технологий, изменением политических условий и совершенствованием работы архивов, появилась возможность открыть документальное лицо Ялтинского события, глубоко упрятанного за вуалями сотен «парадных» и мало что дающих науке публикаций. Назрел вопрос о создании единого реестра данных по Крымской конференции, который бы стал надежной опорой для всех интересующихся заявленной тематикой. В этом смысле наиболее актуально стоит вопрос о создании базы данных, именно источников, которые и призваны формировать облик теоретических работ.

К сожалению, традиции обобщения и систематического анализа источников по Крымской конференции не существует. Отдельные элементы такого рода штудий можно найти в разнообразных статьях и монографиях, где проблема источника поднимается контекстно, применительно к определенному параграфу или даже абзацу текста. Однако целенаправленно проблема практически не раскрывалась

[Шевченко, 2014]. Тем не менее, вопросы о публикации того или иного источника, об источниковедческом знании на определенных этапах осмысления проблемы являются крайне важными. Увы, но философская методика уделяет им крайне малое значение, концентрируясь, в основном, на принципах, изложенных автором, а не на его источниковедческом знании, мало обращая внимания на вопрос, а что же вообще *могло* быть известно автору. Когда же мы обращаемся к историософии властного события, коим по праву является Ялтинская конференция, то вопрос об источниках становится определяющим, и в нем не обойтись без так называемых «Мелочей». Ведь любая мысль, любая концепция не рождается из ничего, ибо, как известно, ничто порождает лишь ничто¹. В предыдущей главе было показано, как геополитика влияла на расставление акцентов в историософии ЯК, но акценты расставляются над чем-то, они позволяют это нечто интерпретировать, возвеличивать, или отправлять в забвение. Но это нечто существует все-таки объективно, как некий корпус фактов, который есть, и над которым можно проводить операции. Нельзя вылечить карие в зубе, если нет зуба, также нельзя удалить корень и составить имитацию зуба, если нет самого зуба, можно лишь придумать зуб и вставить имплантат. И таких выдумок любая историософия знает массу, начиная от демократии как единственно правильной формы правления, до признания того, что тавры это родоначальники Крымско-татарского народа. Однако, что касается историософии Ялты, то таких выдумок в ней настолько ничтожно мало и они настолько очевидны, и малоавторитетны, что практически не играют в ней роли. Абсолютное большинство существующих и по-

¹ Обратную мысль: «Бытие порождает лишь бытие» в законченном виде можно встретить у Ж.П. Сартра, который подводит своеобразный итог многовековой дискуссии, начатой еще Парменидом [Сартр, 2017, с. 90].

ныне дискурс-трендов базируется на задокументированных источниках, носящих характер открытых и массовых публикаций. Именно из этих источников составляются кадастры атомов-субуниверсалий власти в формате «Гринберг», а из корпуса мемуаров – субуниверсалии формата «Мердок». Другое дело, что объем всех этих источников в каждые годы был разным, а понимания того, на чем основываются эти массовые публикации документов, служащих строительным материалом тела универсалии власти, нет и поныне. Как нет обстоятельных профессионально созданных монографий, анализирующих опубликованные документы на русском и английском языках с обязательным сравнением с оригиналом или, в крайнем случае, с факсимиле. Также нет обстоятельного двух – трехтомного сборника мемуаров участников конференции с обширными комментариями и сравнительным анализом. Возникает вопрос: «Почему?». Считаю, что причина кроется в наделении Ялты неким мистическим ореолом «у них» и сакрализацией «у нас». В этом случае происходит известная аберрация: «И так все известно!», «Это же очевидно!», «А что Вас не устраивает?».

В советское время факт фальсификации документов, опубликованных на Западе, являлся основным пунктом обвинений советскими экспертами-политтехнологами, при этом, основная масса теоретиков и предметников активнейшим образом использовала в своих трудах, как официальные сборники документов США, так и многочисленные англо-американские мемуары участников Ялтинской конференции. Классической инкорпорацией западных источников в советский дискурс можно по праву считать книгу «На пути к Великой Победе» [Сиполс, 1985-А]. В разделе, посвященном ЯК, автор задействовал американские теоретические работы, англо-американские мемуары участников конференции и англоязычные сборники документов. При этом несколько раз использовался очень редкий

«гость» даже в современных в русскоязычных текстах о Ялте – британский сборник документов [«Argonaut», 1945]. Разумеется, широким читательским слоям эти источники не были доступны. Они не переводились и не публиковались в СССР, а их англоязычные версии находились лишь в нескольких столичных библиотеках. Читатель довольствовался лишь ссылками на них или краткими цитатами из опубликованных на Западе текстов. Основная масса читателей и значительная часть рядовых исследователей оперировали лишь теми источниками, которые были опубликованы на русском языке, были легкодоступны и обладали безусловным авторитетом. Кстати, ссылок на эти источники было гораздо больше в количественном плане, чем на англо-американские (за исключением публикаций, специально предназначенных для исключительной критики англо-американской историографии).

Итак, какой же источниковедческой базой обладал советский специалист? Всего предлагается выделить шесть больших групп документов.

Первая группа «Официальные акты». Ее название настолько говорит само за себя, что нет нужды заострять внимание на перечислении типов документов, в нее входящих. Хронологически же официальные акты по «Ялте-45» поступают в руки исследователей еще в феврале 1945 г., когда во всех газетах Советского Союза публикуются результаты работы конференции: «Декларация об освобожденной Европе» [Известия, 1945-А, с. 1] «Соглашение о военнопленных» [Известия, 1945, с. 1]. Позднее, в газетах СССР появляются отдельные документы, которые на момент проведения конференции считались секретными: Соглашение по вопросам Дальнего Востока [Известия, 1946], протокол о репарациях Германии [Известия, 1947]. В конце 1940-х гг. происходят первые обобщения данного блока документов в классических сборниках о внешней политике СССР

[*Внешняя политика, 1947; Внешняя политика, 1947-А*]. В 1955 г. публикуется большой блок официальных документов в систематическом изложении [*Сборник, 1955, с. 74-151*]. В том числе, подписанный министрами иностранных дел протокол работы конференции, ряд нот министров иностранных дел, двухсторонние договоры о военнопленных и гражданских перемещенных лицах, и другие документы. Впоследствии, двумя изданиями, в 1979 г. и 1984 г. официальные документы были собраны в отдельный раздел большого тома, посвященного Ялтинскому саммиту 1945 г. [*Советский Союз, 1984, с. 245-279*].

Вторая группа «Переговорно-техническая документация». В данном случае речь идет о стенограммах переговоров, меморандумах, вариантах правок документов и т.п. Первая русскоязычная публикация этого блока документов увидела свет в журнале «Международная жизнь» в 1965 г. [*Крымская и Потсдамская конференции, 1965, с. 142-160; Крымская и Потсдамская конференции, 1965-А, с. 153-160; Крымская и Потсдамская конференции, 1965-Б, с. 153-160; Крымская и Потсдамская конференции, 1965-В, с. 185-192*]. В публикации были приведены купированные стенограммы пленарных заседаний Крымской конференции (места купюр указывались). Позднее вышло три издания сборника документов «Тегеран-Ялта-Потсдам» (1967, 1970 и 1971 гг., где приводились стенограммы Ялтинских пленарных заседаний с весьма существенными купюрами и правками оригинального текста) [*Тегеран, 1970, с. 121, 130, 153, 165, 180*]. Дважды, в 1979-м и 1984-м, техническая документация публикуется в формате отдельного раздела в обобщенном сборнике документов, о котором уже шла речь выше [*Советский союз, 1984, с. 41-244*]. В этих изданиях стенограммы пленарных заседаний были также купированы (без указания места купюр) и подвергнуты стилистической правке. В отличие от сборника «Тегеран-Ялта-Потсдам», в

сборник 1979 г. вошли, помимо всего прочего, стенограммы заседаний министров иностранных дел, записи двухсторонних бесед глав держав и большой блок документов, посвященный правкам конечных актов Крымской конференции.

К технической документации также следует отнести личную переписку руководителей глав трех держав. Последняя публиковалась довольно активно, ее значительная часть вошла в обобщающие сборники, но отдельного издания, касающегося Ялты, так и не получила [*Переписка, 1957; Переписка, 1976*].

Третья группа – «Фотоматериалы». Первые публикации фотоматериалов Крымской конференции были осуществлены еще в 1945 г. Но это были отдельные газетные публикации. Первой подборкой фотоматериалов, систематически излагавших ход конференции, послужили вкладыши сборников документов в 1979 и 1984 гг. (12 фотографий). Ряд фотографий был опубликован в брошюре 1984 г. [*Сиполс, Челышев, 1984, с. 66-69*].

Четвертая группа – «Киноматериалы». Отечественный документальный фильм о Крымской конференции, выпущенный в 1945-м г.²

Пятая группа – «Организационно-техническая документация». Проведение Крымской конференции – это сложнейшее мероприятие, которому сопутствовала большая документация. В советское время эти документы не публиковались, а имелись лишь в виде обобщенных цитат в авторских статьях, наиболее информативная в этом плане публикация появилась лишь в 1987 г. [*Басов, 1987*].

Шестая группа – «Мемуары». Целый спектр фактов о Крымской конференции расположен в воспоминаниях участников события. Некоторые из свидетелей ЯК самосто-

² http://voenhronika.ru/publ/vtoraja_mirovaja_vojna_sssr_khronika/krymskaja_konferencija_1945_csdf_sssr_1945_god/22-1-0-2438

ательно публиковали мемуары, другие надиктовывали воспоминания в ходе интервью. Но все они попадают в классификацию «документальной базы». Из-за обилия материалов данную группу уместно разбить на отдельные сегменты.

Во-первых, сегмент «военный и дипломатический». Хронологически, первыми свои воспоминания опубликовали И.М. Майский [*Майский, 1964*] и адмирал флота Н.Г. Кузнецов [*Кузнецов, 1965; Кузнецов, 1970; Кузнецов, 1970-А; Кузнецов, 1970-Б; Кузнецов, 1970-В*]. В 1970-1980-е гг. принесли обилие воспоминаний, в том числе таких популярных, как мемуары В.М. Бережкова [*Бережков, 1972; Бережков, 1987*], Ф.Д. Волкова [*Волков, 1971, Волков, 1985*] и А.А. Громыко [*Громыко, 1988*].

Во-вторых, сегмент «секретчики». Это воспоминания участников конференции, обеспечивавших руководство подготовкой секретных мероприятий, связанных с «Ялтой-45». В советское время я зафиксировал лишь одну публикацию подобного рода [*Сабуров, 1985*].

В-третьих, сегмент «обслуживающий персонал». В советское время я не заметил публикаций из данного сегмента. Иное дело, отдельные записи мемуаров рядовых участников ЯК, например, о зенитных частях [*Шантырь, 1974*], об охране участников делегаций [*Полищук, 1985*], о разминировании Ялтинской акватории [*Башарин, 1988*] и т.д.

В-четвертых, сегмент «иностранцы». Это переводные мемуары британцев и американцев – участников переговорного процесса в Ялте. В советское время была доступна лишь книга сына Ф. Рузвельта [*Рузвельт, 1947*] и воспоминания драматурга, человека из близкого окружения Ф. Рузвельта, Р. Шервуда [*Шервуд, 1958*], в которых имелись отдельные главы, посвященные ЯК. В последние месяцы существования Советского Союза появился очередной том мемуаров У. Черчилля с главой посвященной ЯК [*Черчилль, 1991, с. 536-542*].

Как мы видим, источниковедческая база по Крымской конференции была весьма обильна, но крайне дискретна. В повседневной работе ученый-исследователь не имел возможности обратиться к источникам ни при помощи специализированной серии изданий, ни через тематические журнальные выпуски, он даже не имел под рукой ни одного библиографического каталога со сколь-нибудь целостной информацией о публикациях по крымской конференции³.

Что касается исключительно архивной работы, то после публикации материалов ЯК в журнале «Международная Жизнь», сборниках «Тегеран-Ялта-Потсдам» в 60-70-ые гг., и публикаций материалов ЯК в серии «Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной Войны 1941-1945 гг.» в конце 70-ых, начале 80-ых гг., не было ни одной серьезной публикации источников. Их не было ни в журнальных статьях, ни в брошюрах, ни в монографиях. Как таковая, архивная работа велась лишь в единичных исключительных случаях по краеведению [*Басов, 1987*], либо косвенная работа с косвенными источниками по отдельным узким предметам [*Гиббианский, 1982*]. В остальных случаях использовались официальные опубликованные документы (абсолютное большинство публикаций).

Подобная позиция имела свои смыслы и обоснование. Тщательное, дословное прослеживание источников и их перекрестная сверка неизбежно привели бы к нарушению ряда устоявшихся представлений о Ялтинской конференции. А в той системе, которая формировалась в СССР (впрочем, как и на Западе) подрыв любой из колонн, на которых покоился роскошный замок мечты и идеала, неизбежно приводил к дискредитации всей конструкции. Точки сцепления расплывались бы и мигрировали в область точек дифракции, поэ-

³ Впрочем, их нет до сих пор за исключением вышеприведенных отдельных крайне неудачных попыток.

тому ключевым узлом в дискредитации Западной системы и обосновании советской системы являлась именно критика точек зрения западных специалистов, на основе опубликованных и широкодоступных документов, а не сама критика документов или самого события. В этой связи публикация каждого документа по ЯК приобретала статус важного государственного значения, даже, когда речь шла о небольших частностях. Например, широко опубликованная информация о роскоши, которая встретила англо-американцев в Ялте, обеспечение редчайшими, даже для мирного времени, продуктами питания могло обеспечить дополнительные аргументы для обвинения СССР, с позиций Западного мистицизма, в том, что Сталин «с азиатской хитростью усыпил внимание англо-американских дипломатов». Ведь даже без «признания» советскими дипломатами подобного рода обвинений, они были довольно часты в западных публикациях, но опирались на англо-американские мемуары участников, фиксировавших небывалую предупредительность и радушие советской принимающей стороны. Впрочем, при отсутствии «признания Советов» для смены точек дискурса требуется известный талант, напряженные усилия и значительный временной промежуток. Артикулирую эту важную мысль еще раз. Публикация конкретных документов или воспоминаний рядовых советских граждан, подтвердивших факт радушия, автоматически бы подтверждал и факт «азиатской хитрости». Разумеется, прямой логической взаимосвязи между фактом черной икры на столе и подписанием коммюнике, где указывались новые восточные границы Польши, – нет. Но ведь, как мы уже не раз отмечали, ЯК не знает собственного строгого исторического научного подхода, это объект исключительного ведения либо исторического подхода в СССР, либо мистического прагматизма на Западе. Если уместно, то можно привести пример из судебной практики. Так, например, в том случае, когда нож,

которым был убит гражданин А, найден в квартире гражданина Б и гражданин Б подтвердил, что это его нож, то в 9 случаях из 10 суд признает, что гражданин Б совершил убийство. Такая же логика оценивала документы, посвященные ЯК. Если *был разговор* И. Сталина и Ф. Рузвельта, значит, *был и сговор*, если *У. Черчилль пил шампанское* вечером, а утром подписал «Соглашение по Дальнему Востоку», значит, *его опоили* и т.п. и т.д. Разумеется, когда речь идет о единичности таких утверждений, то они смешны, но когда выстраивается система, она подавляет сознание и впечатывает нужные ей формы отношений к реальности очень прочно и надежно. Происходит утверждение атомов-субуниверсалий формата «Гринберг» при помощи субуниверсалий «Мердок». Кстати, Западный мистицизм в основном использует последние субуниверсалии для своего тела власти, тогда как в Советском Союзе отдавалось предпочтение «Гринбергу». По всей видимости, Запад сделал ставку на «американское мещанство», ведь ничему так не верит обыватель, как провинциальным сплетням и эффективности простого житейского коварства.

Это прекрасно понимали советские эксперты и изначально формировали корпус документов по ЯК таким образом, чтобы он максимально соответствовал историческому концепции и максимально препятствовал мистической или бытовой интерпретации ялтинских встреч. Те элементы бытового жизнеописания, которые встречаются в их текстах, всегда выверены, они более торжественны, чем микроисторичны, они добавляют шарма величию происходящего и лишь иногда, одной-двумя черточками, дискредитируют эмоционально-интеллектуальный уровень союзников. В этом случае практически всегда ссылки даются именно на англо-американскую мемуаристику или документальную базу. Например, массовость англо-американской делегации (более 700 человек), описание воздушного каравана, при-

землявшего в г. Саки, кортежи автомобилей, движущихся по Южному Берегу Крыма, сожженные крымские села, это раздраженные замечания У. Черчилля, это скепсис Ф. Рузвельта к мнению Государственного департамента США и т.п. и т.д.

Но была и другая, более серьезная причина блокирования перекрестного анализа документов или их значительно расширения. Обратимся только к одной стороне вопроса: к опубликованным стенограммам пленарных заседаний Большой Тройки в Белом парадном зале Ливадийского дворца. Как известно, стенограммы не велись официально, а их делали по мере необходимости и в стиле, присущем той или иной делегации. Широкое распространение получили записи американской делегации и опубликованные на протяжении 60-ых – 80-ых гг. записи советской делегации. До 2010 г. не было ни одного сколь-нибудь полного комплекта факсимильного воспроизведения этих записей (лишь отдельные Интернет публикации отдельных страниц [*The national Security Archive*]). Почему? Слишком острые вопросы были подняты за круглым столом в Ялте, и лидеры не всегда сдерживали себя в эпитетах и язвительных замечаниях. Поэтому все записи подверглись безусловной корректировке и зачастую обширному купированию (английский пакет документов по Ялтинской конференции лишь недавно стал доступен широкому кругу исследователей [*«Argonaut», 1945*], хотя его отдельные элементы эксплуатировались отдельными советскими специалистами, но без планомерной сравнительно-аналитической работы [*Ситолс, 1985-А, с. 353; 482*]). Более того американские, британские и советские стенограммы временами расходятся и довольно сильно, причем трудно заподозрить в невнимательности тех, кто вел записи. Приведем один пример, он касается пресловутого «польского вопроса», который вызывал, вызывает и, видимо, будет вызывать массу вопросов.

Итак, впервые вопрос о границах, а если быть более точным, то о фактическом разделе этнокультурного региона «Галиция» между Польшей и УССР (от лица которой выступал СССР), на Ялтинской конференции был поднят 6 февраля, ближе к 18-00 в Белой парадной столовой Большого Ливадийского дворца.

День выдался солнечным, ясным и крайне насыщенным рабочими вопросами. С 10-00 в Воронцовском дворце проходили двух и трехсторонние военные совещания военных специалистов, параллельно в Ливадийском дворце проходило совещание министров иностранных дел. С 13-00 до 15-00 проходил деловой ланч в Ливадийском дворце с участием У. Черчилля и Ф. Рузвельта [*Юрченко 2005-А, с. 217-224*]. И. Сталин работал в своей резиденции Юсуповского дворца в пос. Кореиз. В 16-00 началось третье пленарное заседание глав делегаций. Были успешно обсуждены «щекотливые» вопросы о сферах влияния в Иране, вновь поднят и как-то очень активно и результативно продвинулся вопрос о примирении точек зрения об Организации Объединенных Наций. Британский премьер-министр предлагает обсудить польский вопрос. Рузвельт соглашается и заявляет, *«что Соединенные Штаты находятся далеко от Польши, и он, Рузвельт, попросит двух других участников совещания изложить свои соображения. В Соединенных Штатах Америки проживают 5-6 миллионов лиц польского происхождения. Его, Рузвельта, позиция, как и позиция основной массы поляков, проживающих в Соединенных Штатах, совпадает с той позицией, которую он изложил в Тегеране. Он, Рузвельт, за линию Керзона. С этим, в сущности, согласно большинство поляков, но поляки, как и китайцы, всегда очень озабочены тем, чтобы “не потерять лицо”»* [*Советский Союз 1984, с. 90*]. Развивая мысль, Ф. Рузвельт раскрывает, что именно означает «не потерять лицо»: *«Было бы хорошо рассмотреть вопрос об уступках полякам на юж-*

ном участке линии Керзона. Он, Рузвельт, не настаивает на своем предложении, но хочет, чтобы Советское правительство приняло это во внимание» [Советский Союз 1984, с. 90]. То есть, речь идет согласно официальной советской публикации о некоторых уступках «на южном участке линии Керзона», запомним этот факт, а также тот момент, что начало обсуждению польского вопроса положила реплика У. Черчилля, который следуя (!) предложению И. Сталина закрыть вопрос об ООН, предлагает обсудить ситуацию с Польшей. Данный факт начала именно У. Черчиллем дискуссии по Польше и только после того, как Сталин завершил дискуссию об ООН, подтверждается и факсимильным воспроизведением стенограммы из «Папки Сталина» [Ялта-45, 2010, с. 118].

Заглянем в стенограмму «Американского сборника». Логика рассмотря вопроса принципиально иная: «*The President inquired whether the Polish question should be taken up now or postponed until the next meeting. The Prime Minister said that he hoped that at least a start could be made today*» [Foreign Relations 1955, с. 667]. Об И. Сталине – ни слова! Этот момент принципиальный, ибо в литературе подчеркивается именно активность У. Черчилля в Польском вопросе и самоустранение Ф. Рузвельта при жестком, агрессивном стиле И. Сталина, навязывающего свои мнения в столь интересной политической игре.

Впрочем, продолжаем дальше сличать стенограммы. В Советском сборнике 1984 года, Ф. Рузвельт просит о некоторых уступках, где-то южнее линии Керзона, а вот в личном архиве Сталина, который создавался для Вождя, и к которому только он сам имел доступ, находится иная стенографическая запись. Рузвельт, дабы поляки сохранили лицо, с потерей большей части Галиции предлагает, чтобы советское правительство уступило им «*Львов и нефтяные районы на юго-западе от Львова. Было бы хорошо рассмо-*

треть вопрос об уступках полякам на южном участке линии Керзона» [Ялта-45, 2010, с. 119]. Речь идет, ведь, совсем не о поляках или иных народах, речь идет о конкретном мощном административном центре Львов и об очень интересных нефтеносных районах (о которых Ф. Рузвельт, правда, имел смутное представление, но королевское слово НЕФТЬ явно фигурирует как доминирующее в его речи). Нетрудно сказать, чем руководствовались авторы-составители 1984 года, когда смазывали точность формулировок документа. Ведь акцентуация внимания на нефтеносном регионе, и на самом городе Львове лишь углубила бы чувства национальной обиды поляков, а так получилось вполне нейтрально – «южный участок линии Керзона» – и никому не обидно. Историческая схема мудрости и братства сохранена и неподвижна. В американской стенограмме этот сюжет звучит еще хрустальней, я бы сказал прагматично звонче: «*The President said that the United States was farther away from Poland than anyone else here, and that there were times when a long distance point of view was useful. He said that at Tehran he had stated that he believed the American people were in general favorably inclined to the Curzon Line as the eastern frontier of Poland, but he felt that if the Soviet Government would consider a concession in regard to Lwow and the oil deposits in the Province of Lwow that would have a very salutary effect. He said that he was merely putting forth this suggestion for consideration and would not insist on it*» [Foreign Relations 1955, с. 667]. То есть в речи американского лидера проводятся мысли не просто о Львове, но о провинции, и акцентируется внимание на нефтеносных концессиях. Однако есть и своя ложка дегтя – в американских стенограммах ни слова о поляках и о «сохранении ими лица», ни об уничижительной (для риторики 1945 года) параллели между китайцами и поляками, ни слова, наконец, о реплике И. Сталина, кто такие настоящие поляки, те, кто живут в Польше или в США? Все эти ню-

ансы вычищены из американского сборника, а сам диалог Рузвельт-Сталин-Рузвельт, диалог политиков, где Рузвельт просит облегчить ему работу с польским электоратом в США, превратился в монолог «дядюшки Франклина», который кое-что просит, который что-то чувствует, который чем-то обеспокоен. (Это вполне в духе той концепции, которая создавалась в США в 50-ые годы об опытной политике, искусном полемисте, но очень больном со слабеющей волей президенте в Ялте).

Далее дискуссия стала ужом увиваться вокруг состава и структуры польского правительства.

Проблема границ была также обозначена, вернее, ее обозначил один лишь Ф. Рузвельт, остальные участники диалога ее проигнорировали. Вновь проблема всплывает опять с подачи Ф. Рузвельта: *«Рузвельт заявляет, что он хотел бы слышать от маршала Сталина и Черчилля их мнение об его предложении. Разрешение польского вопроса очень помогло бы делу союзников. Черчилль говорит, что он уполномочен заявить о положительном отношении британского правительства к предложению президента. Черчилль постоянно публично заявлял в парламенте и других местах о намерении британского правительства признать линию Керзона в том виде, как она толкуется Советским правительством, то есть, с оставлением Львова у Советского Союза. Его, Черчилля, и Идена много критиковали за это, как в парламенте, так и в консервативной партии, но он всегда считал, что после той трагедии, которую перенесла Россия, защищая себя от германской агрессии, и после тех усилий, которые Россия приложила для освобождения Польши, претензии русских на Львов и на линию Керзона базируются не на силе, а на праве. Черчилль продолжает и сейчас придерживаться этой точки зрения. Однако Черчилль больше интересуется вопросом польского суверенитета, свободой и независимостью Польши, чем уточне-*

*нием линии ее границ» [Советский Союз 1984, с. 91]. На первый взгляд, удивительное и возмутительное действие! У. Черчилль фактически «подставляет» своего союзника – Ф. Рузвельта – и в угоду русским лишает Поляков столь замечательных территорий, которые им так великодушно готов был оставить Президент. Ведь еще на Мальте американцы обозначили свою позицию, а эти «коварные» англичане, не выступив решительно против этой самой позиции, дождались официального саммита и поставили под удар американцев. Что и говорить, «противный» тип этот Уинстон. По крайней мере, такое впечатление сложится у читателей советского сборника, однако в архивах И. Сталина речь У. Черчилля имеет одно дополнение, перед последней фразой, процитированной выше, неистовый Уинни говорит следующее предложение: *«...этой точки зрения. Но если бы Россия – великая держава – сделала великодушный жест по отношению к более слабой державе и пошла бы на уступку, о которой говорил президент, то британское правительство было бы этим только восхищено» [Ялта-45, 2010, с. 120].* В общем и целом американская стенограмма подтверждает материалы из архива И. Сталина. Речь У. Черчилля в классическом парламентском тоне живо давила на Сталинскую мозоль, ведь он на конференции не раз говорил, что намерен защищать интересы Польши, видеть Польшу добрым соседом и иными концептами проводил линию МОРАЛЬНОГО отношения к проблеме. Подхватив эту волну, Черчилль поддержал цинизм и прагматичность президента продолжением игры в МОРАЛЬ, которую начал И. Сталин. И. Сталин хранил молчание. Оживлялся он лишь, когда шла речь о правительстве Польши, казалось, отдельные рапирные выпады Ф. Рузвельта и У. Черчилля никак его не волнуют. Маршал обратился к теме границ лишь ПОСЛЕ того, как эту тему развил Рузвельт, после того, как определенно высказался Черчилль и ПОСЛЕ того,*

как мысли его партнеров о правительстве Польши были высказаны ярко и напористо.

«Теперь о конкретных вопросах⁴, которые были затронуты в дискуссии и по которым имеются разногласия. Прежде всего, о линии Керзона. Он, Сталин, должен заметить, что линия Керзона придумана не русскими. Авторами линии Керзона являются Керзон, Клемансо и американцы, участвовавшие в Парижской конференции 1919 года. Русских не было на этой конференции. Линия Керзона была принята на базе этнографических данных вопреки воле русских. Ленин не был согласен с этой линией. Он не хотел отдавать Польше Белосток и Белостокскую область, которые в соответствии с линией Керзона должны были отойти к Польше. Советское правительство уже отступило от позиции Ленина. Что же, вы хотите, чтобы мы были менее русскими, чем Керзон и Клемансо? Этак вы доведете нас до позора. Что скажут украинцы, если мы примем ваше предложение? Они, пожалуй, скажут, что Сталин и Молотов оказались менее надежными защитниками русских и украинцев, чем Керзон и Клемансо. С каким лицом он, Сталин, вернулся бы тогда в Москву? Нет, пусть уж лучше война с немцами продолжится еще немного дольше, но мы должны оказаться в состоянии компенсировать Польшу за счет Германии на западе...» [Советский Союз, 1984, с. 93]. ВПЕРВЫЕ в ходе дискуссии был озвучен аргумент этнический (когда речь шла о поляках, имелось в виду исключительно польское государство), аргумент об изменении границ в пользу этнической справедливости, справедливости русских и украинцев. Подчеркивалась несправедливость этнических границ даже в виде линии Керзона, но подчеркивалось, что это УЖЕ уступка полякам, как этносу, и западным демократиям, как политическим системам. По сути, монолог И. Сталина впер-

⁴ В «папке Сталина» этот пассаж начинается: «... о некоторых более частных вопросах» [Ялта, 45, 2010, с. 122]

вые обозначил уход от экономико-политических стратегий в область этнического противостояния. И в этом смысле хозяин Кремля лучше чувствовал веяния эпохи и властные ветры будущего. Материал архива Сталина, за исключением некоторых стилистических отличий (свою речь И. Сталин предваряет кратким резюме идей У. Черчилля и Ф. Рузвельта), совпадает с материалами 1984 года... Но не ясно, чего ожидал И. Сталин, почему молчал, получая столь хлесткие словесные удары со стороны Англо-американцев? Американская стенограмма более точна, чем советские, и в этом моменте выглядит более логичной. Перед своим выступлением «*At the suggestion of Marshal Stalin, there was a ten-minute intermission*» [Foreign Relations 1955, с. 669]. И. Сталин ждал, когда все аргументы будут высказаны, и лишь тогда нанес свой четкий удар, во многом отвечающий лучшим законам и эталонам риторики. Спич маршала был долгим, и по его завершению союзникам просто нечего было возразить: «*Рузвельт заявляет, что польский вопрос в течение пяти веков причинял миру головную боль. Черчилль говорит, что надо постараться, чтобы польский вопрос больше не причинял головной боли человечеству. Сталин отвечает, что это обязательно нужно сделать*» [Советский Союз, 1984, с. 96]. «Папка Сталина» идентична материалам 1984 года [Ялта-45 2010, с. 126]. Однако вновь издевательски-циничные слова Ф. Рузвельта и У. Черчилля в адрес поляков исчезают из американской стенограммы, которая заканчивается сухой и явно искусственной фразой: «*The Conference then adjourned until four o'clock tomorrow*» [Foreign Relations 1955, с. 671]. 7 февраля была озвучена идея Советского Союза о границах: «*Считать, что границей Польши на востоке должна быть линия Керзона с отклонением от нее в некоторых районах на 5-8 километров в пользу Польши*» [Советский Союз, 1984, с. 116], позиция была озвучена после многочисленных безуспешных переговоров вокруг польского прави-

тельства. Идея была выслушана благосклонно, а 8 февраля по этому пункту было достигнуто полное согласие. Но это было лукавое согласие. Вопрос о границах в изощренной британской манере поднял вновь (уже после того, как была одобрена формула Сталина) У. Черчилль: *«Как Советскому правительству хорошо известно, он, Черчилль, не согласен с взглядами польского правительства в Лондоне и считает его действия неразумными. Однако формальное признание нового польского правительства, созданного год назад, вызвало бы очень большую критику действий британского правительства. Люди стали бы утверждать, что британское правительство уже раньше полностью уступило Советскому Союзу по вопросу о восточной границе Польши и теперь капитулировало перед ним по вопросу о характере польского правительства»* [Советский Союз, 1984, с. 142]. Сверка с документами «Папки Сталина» подтвердила точность публикации [Ялта-45 2010, с. 152], американская стенограмма в целом идентична советской. Данная яркая фраза, нашедшая отражения во всех известных материалах, лишь подчеркивает факт игры в «справедливые границы» (по крайней мере, со стороны Черчилля), для которого вопросы пограничные являлись лишь аргументом в споре с И. Сталиным по действительно важным проблемам. Еще несколько раз Черчилль вновь, уже 9 февраля пытается шантажировать советскую делегацию вопросом о Галиции *«Черчилль заявляет, что он стремится лишь к тому, чтобы, вернувшись в Англию, провести через парламент вопрос о восточной границе Польши. Черчилль считает это возможным, если сами поляки между собой смогут решить вопрос о правительстве»* [Советский Союз, 1984, с. 167]. Это же зафиксировано в личном архиве И. Сталина [Ялта-45 2010, с. 184]. Однако данный пассаж Черчилля полностью отсутствует в американских стенограммах. Наверное, составителям сборника документов в 1955 году мог показать-

ся диким сам факт того, что Премьер Британии готов «протащить» вопрос о невыгодных границах своего союзника Польши через Британский парламент и того, что сама мысль о юридической законности и силе этого действия ни у кого в 1945 году не вызывала сомнений. Мир за 10 лет изменился слишком сильно, чтобы действия У. Черчилля смотрелись сколь-нибудь более демократично, чем «тирана» Сталина.

Анатомирование ялтинских реалий 1945 года, реконструкция дискурса власти со всей очевидностью показывает, что активно создаваемые стереотипы на протяжении более 70 лет имеют мало общего с основными документальными свидетельствами раздела Галиции на Ялтинской конференции. Застенографированные дебаты по поводу границы начал американский президент, начал цинично, в лучшем стиле политической экономии. Но развил и уточнил идею о физической границе между Польшей и Советским Союзом, зафиксировал, что вопрос о границе это то, что Западные демократии готовы «продать» Советам – британский Премьер-Министр. Давления И. Сталина, его волевого воздействия в этом вопросе не было вовсе⁵.

Не было учтено мнение поляков и украинцев. Не был проведен элементарный референдум. Более того, целые этносы попросту игнорировались в анализируемом дискурсе. Так совершенно не учитывались права русинов и даже сам этноним не упоминался в диалогах (впрочем, тоже можно сказать и о других территориальных вопросах, связанных, например, с новой границей между Польшей и Германией [Шевченко 2010, с. 291]). Возможно этнический состав и, в частности, русинское население Галиции было тайной для

⁵ В настоящий момент в редакции журнала «Вестник архивиста» готовится к публикации моя статья: «Зарубежные архивы по Ялтинской конференции в интернет-пространстве: к вопросу о теории «власти коммуникации». Часть 1. «Национальный архив» (Великобритания)», в которой отмечены отдельные разночтения американской и британской версии переговоров по Польше в Ливадии 6 февраля 1945 года.

Западных держав? Отнюдь. Польша (частью которой до 1939 года являлась территория Галиции) одна из немногих стран, которая аккуратно и последовательно проводила переписи своего населения. Более того, материалы переписи были открытыми и публиковались как на польском, так и на французском (в те годы язык международного общения) языках. Проводились переписи очень авторитетной государственной организацией – Центральным статистическим бюро (основано в 1918 году, основатель – известный социолог Ludwik Krzywicki). Первая из переписей прошла в 1921 году. Анкета переписи имела графу: национальность. Любопытно, что по итогам переписи украинцы частенько объединялись с русинами (при этом, собственно, русские практически отсутствовали). Но, во всяком случае, этноним Русин зафиксирован и имеет четкое обозначение. Следующая перепись 1931 года, уже не имела графы национальность, а вместо него стояла графа: язык. Поэтому очень многие «малые» народы называли своим родным языком украинский, польский... русский. Тем не менее, сохранился значительный процент жителей Галиции, не попавший под эти языковые барьеры и отметивший свой родной язык (а, следовательно, по логике польского правительства и национальность) как русинский (Польская перепись 1931), [*Drugi Powszechny 1938, с. 15-19*]. Не зная столь явной и открытой информации профессионалы из дипломатических корпусов Британии и США – просто не могли. Есть и прямой факт, подтверждающий, что, как минимум, Государственный департамент США располагал весьма точной картиной об этнической чересполосице в Галиции. Дело в том, что в 1943 году заканчивалась работа под руководством Сомнера Уэллеса по разработке методических материалов для руководства США по целому комплексу внешнеполитических вопросов, в том числе и по проблемам Галиции (Этнографические карты). На основании пе-

реписи 1931 года была составлена этнографическая карта Польши, которая очень четко фиксирует наличие русинского компонента в различных частях Галиции [*Christopher D. O'Sullivan*]. Таким образом, не зная этнических реальностей и не просчитывать судьбы этноса Русины, оцененного Госдепом в более чем 130 тыс. человек, Ф. Рузвельт не мог⁶. А учитывая тесные связи кабинета Черчилля с польским правительством, его многолетнее политическое и военно-экономическое сотрудничество, считать, что Уинстон просто не знал, «как там дела в Галиции», было бы в высшей степени наивно. И проблема тут не в алчности или непорядочности отдельно взятой политической системы. Просто в 1945 году власть оперировала иными понятиями, нежели сейчас. Вернее, власть проецировала в общество иные конструкты, нежели ныне. Политкорректность, права меньшинств это идеологические симулякры, рожденные, как оружие Холодной Войны, для дискредитации соперника. Этим грешил Советский Союз, оперируя фактами об угнетении чернокожих, этим грешили Соединенные Штаты, укоряя Советы в нарушении свободы совести граждан СССР и т.д. В 1945 году понимание электоратом У. Черчилля того, что «Британия правит морями» было все еще доминирующим, а посему не было ничего удивительного в том, чтобы удовлетворять свои сиюминутные политические амбиции за счет судеб туземного населения, пускай и населения Восточной Европы. И для Британцев, и для Американцев на момент 1945 года это были факторы эффективности и правильности поступков Власти. С годами риторика Холодной войны, игры публицистов, писателей и политиков привели к невозможности подобного рода дискурсов. Хельсинские соглашения 1975 г., когда вме-

⁶ Подробнее о судьбе Русинов на ЯК смотри в моей статье: «Археология власти: Восточная Галичина в этнических дискурсах Ялтинской конференции» [*Шевченко, 2015-В*].

сто 3 стран, судьбы Европы решали представители практически всех наций нынешнего Евросоюза (33 государства), ознаменовали собой окончание Ялтинского мира, и Ялтинской логики власти. В настоящий момент идет структурная перестройка системы отношений: Власть-Этнос-Власть. События в Сербии, Албании, Испании, Шотландии и, наконец, Крымская весна, показывают, что оперирование в политике исключительно факторами экономики или государственного суверенитета подобно миражам для караванщика, которого потихоньку засасывают зыбучие пески реальности. Игнорирование этнических реалий, как показывает ялтинский дискурс власти, устарело на 70 лет и в настоящее время совершенно бесперспективно. Говорить о Ялтинском мире возможно лишь как о реальности прошлого, реальности, которую можно сконструировать на страницах книг, но совершенно не получится реализовать в живой стихии человеческого общения сегодня. Этнические дискурсы власти в Ялте это не предмет политологии, а скорее, археологии гуманитарного знания, вытаскивающего из-под пыли дня сегодняшнего артефакты идей, мыслей и отношений прошлого. В этом смысле многочисленные попытки современной Власти критиковать Ялту, восхищаться Ялтой, видеть в ней «Маяк будущего», не более чем дымовая завеса, ибо все эти критики-восхищения относятся исключительно к реконструированной реальности, к конструктам экспертов-идеологов, к сформированным в 40-80-ые гг. XX века субуниверсалиям власти ЯК, а не к самой ЯК. По сути, симулякр критикует симулякр за излишнюю симулякрность симулякров, на которых он основывается. В этом смысле дискурс власти очень плотно переплетается с дискурсом желаний, что вполне естественно для сегодняшнего квазибытия власти [Бодрийяр, 2017, с. 39]. Тем самым, тщательно маскируется подлинная глубина и логика Ялтинских дискурсов как реальности февраля 1945 года –

последнего зимнего месяца, предварявшего Весну Великой Победы. Но это уже иные Конструкции, иные Дискурсы, иное Время.

Вот лишь небольшой аспект возможности оперирования документальными источниками в серьезной геополитической игре⁷. Исторический источник – это оружие творцов симулякров и субуниверсалий власти о двух концах, и если ты держишь его в своей руке, это совсем не означает, что им не сможет воспользоваться твой соперник. Возможности такого использования в одном локальном эпизоде ЯК были продемонстрированы выше. Отсюда и строгое дозирование источников, как в СССР, так и на Западе⁸. Но если на Западе не было даже намека на знакомство с советскими источниками, то в СССР доступ к иностранным материалам был открыт, правда, только для избранных. Однако через работы этих людей он становился достоянием всех заинтересованных лиц. К перекрестному анализу в силу указанных причин ни одна из сторон обращаться не смела, как не смеет и по сей день.

⁷ Не менее «острые» результаты мог принести анализ субуниверсалий власти ЯК, отсылающих нас к кризису 1939-1941 гг. Подробнее см. три мою статью: «Осмысление кризиса 1939-1941 гг. в дипломатических дискурсах 1945 года» [Шевченко, 2017]

⁸ Данный тезис обосновывает инструментальное, технологическое объяснение столь аккуратного, спорадического и в целом крайне ненаучного отношения к источниковедению у экспертов по ЯК. Выше приводилось онтологическое обоснование (конец второй главы), но оно, конечно, не исчерпывает всей сложности проблемы. Соединив онтологию и гносеологию (технический аспект использования исторического источника в создании универсалий и субуниверсалий власти), можно судить об этом феномене уже с большей степенью уверенности и не прятаться за клише «идеология», «тоталитаризм», «невежество» и т.п.

Глава 5.
**ЗАПРЕТ НА ЛОЖЬ,
 НО ВЕТО НА ПРАВДУ**
**(принципы историософской трактовки
 ялтинской конференции
 советскими экспертами)**

Историософская концепция, об этом мы уже говорили не раз, является делом собирательным и не укладывается в какие-либо строгие хронологические рамки. Формирование же историософии ЯК находилось под жестким диктатом политической целесообразности и геополитического прагматизма. Историософия как истолкование определенного исторического события с мировоззренческой позиции, конечно, может и трансформироваться, как могут трансформироваться мировоззренческие аспекты, но историософия как глобальная система, которая определяет исторический процесс с позиций смысла и назначения – неизменна в своих основаниях.

ЯК, как событие, происшедшее в феврале 1945 года, в принципе ничем не должна отличаться от, скажем, Тильзитского мира... Ничем не отличаться в смысле своей историчности и прошедшести. В этом случае возможно холодное рациональное анатомирование исторического факта, объективная подборка источников, спокойный анализ точек зрения современников и ученых, изучавших этот факт. Историческое событие в таком случае можно инкорпорировать в ту или иную канву понимания исторического процесса или механической связки отдельных событий.

То есть, речь идет о формировании восприятия Чужого. Да, имеющего к нам отношение, да, возможно, интересного нам, но Чужого. Мы *есть*, а оно, событие, *было*, мы строим будущее, а оно уже построило, мы не понимаем самих себя, но мы поняли его, событие. Дистанция и определенная чуждость – вот основа для превращения живой реальности в покрытый пылью артефакт для изучения узким кругом кабинетных ученых.

В Советском Союзе (впрочем, как и сейчас в РФ) ЯК не воспринималась, как явление чуждое, отстраненное, находящееся вне настоящего. Напряженная военно-политическая обстановка Горячей и Холодной войн требовала подпитки постоянной живости Крымской конференции, постоянного ощущения родственности и близости. На Западе уже довольно скоро появилась волна, желающая «Преодолеть Ялту», превратить «корни современности в пепел». То есть, целенаправленно создавался фон чужеродности, противоестественности, аисторичности Ялты, формат «Исторического анекдота и комедии ошибок». И советское восприятие ЯК во многом развивалось как ответ на данные шаги Западных критиков, впрочем, об этом было достаточно сказано во второй главе. Итак, какими же являлись ключевые принципы историософии ЯК?

Прежде всего, это вопрос гносеологический. Приступая к подготовке материалов международных конференций времен Великой Отечественной Войны, редакционная советская коллегия обозначила любопытный принцип для первого тома, который, как показывает практика, был верным и для остальных томов: «Документы, включенные в сборник, как правило, воспроизводятся полностью, опущенные отдельные места не имеют непосредственного отношения к теме сборника» [*Советский Союз, 1984-А, с. 5*]. Ни слова лжи, ни малейшего обмана – вот ключевой принцип, который сохранялся с 1945 г. и до последних дней существо-

вания Союза. Но ведь некоторые правдивые слова можно опустить. Просто не сказать и не напечатать их. Означает ли это, что была сказана ложь? Отнюдь, была сказана правда, только не вся, а если и вся, то не сразу, а с течением времени в отдельных публикациях коммюнике, отдельных публикациях Соглашения по Дальнему Востоку... Долгое время блокировалась любая попытка даже заикнуться о том, что Ф. Рузвельт был сильно болен в Ялте, публиковались разгромные комментарии по этому поводу, сами слова о болезни Ф. Рузвельта клеймились как ложь, назывались легендой или сплетней [Бережков, 1975, с. 18; Пономарева, 1975, с. 66]. Но вот выходят мемуары А.А. Громыко, где очень четко и ясно описывается тяжелейший недуг Ф. Рузвельта, с которым он боролся напряжением всей своей недюжинной воли:

«В дни Ялтинской конференции Рузвельт приболел. Сталин захотел навестить больного. Он пригласил наркома иностранных дел В. М. Молотова и меня сопровождать его во время визита. В тот день заседание участников конференции было отменено, и мы пошли в покои президента, где когда-то почивала царица. Они находились здесь же, на втором этаже Ливадийского дворца. Из окна открывался отличный вид на море, и картина ласкала взор.

Президент лежал в постели и обрадовался, едва увидев гостей. Мы приветливо поздоровались. Выглядел он усталым, в таких случаях говорят: на нем лица нет. Тяжелая болезнь подтачивала силы этого человека. Рузвельт, конечно, страдал, но старался этого не показывать. Не надо было быть психологом, чтобы все это заметить.

Мы посидели возле него некоторое время. Видимо, минут двадцать. Сталин с ним обменялся вежливыми фразами о здоровье, о погоде и красотах Крыма. Я пристально наблюдал за президентом и думал, глядя на него, что у Рузвельта какой-то отрешенный взгляд. Он как будто всех нас видел и в то же время смотрел куда-то вдаль» [Громыко, 1990, с.

238-239], а спустя ряд лет этот же вопрос всплыл при беседе А. Громыко с У. Черчиллем: «Затем Черчилль заговорил о Рузвельте во времена Ялты.

- Я опасался, – сказал он, – что в Ялте президент не сможет быть физически в должной форме до конца встречи. День – другой он плохо себя чувствовал. Давний недуг снова посетил президента. Сказалось и напряжение.

Я на это заметил:

- Сталин, видимо, тоже был несколько обеспокоен состоянием здоровья Рузвельта. Он даже нанес визит президенту, которому заранее передали просьбу не затруднять себя и не пытаться привстать на кровати. Так все и было. Сталин не обременял его. Он только пожелал скорого выздоровления. Мне пришлось быть свидетелем этого трогательного эпизода...» [Громыко, 1990, с. 395].

Публикация таких материалов в 60-ые годы нанесла бы смертельный удар по целому ряду представлений о ЯК, которые лелеяли как безусловную истину в СССР и всячески дискредитировали на Западе. Это был бы удар по комплексу представлений о Ф. Рузвельте как сильном, энергичном политике, который отстаивал в Ялте свои интересы и ради этого шел на компромисс. Мощный цемент субуниверсалий формата «Мердок», которым оперировал СССР, был бы размыт, и следовало бы ожидать крушения целых блоков уже тела универсалии власти ЯК. Другими словами, мемуары А. Громыко о болезни Ф. Рузвельта означали бы подтверждение мысли о том, что больной и слабый человек был раздавлен «азиатским напором» И. Сталина. Понятно, что связь между нахождением Ф. Рузвельта в постели и его целенаправленной игрой по созданию из США тотального лидера на планете имеет мало общего, но кто говорит о логике, когда важен результат: «Омрачить Ялту» или «Отстоять Ялту»?

А.А. Громыко молчал о своих воспоминаниях, как поголовно молчали все мемуаристы в СССР, говорили ли они

ложь? Нет. Лгали ли они, когда говорили, что Ф. Рузвельт вел энергичную и жесткую дискуссию? Нет. Они просто не упоминали о припадках слабости и об обострении болезни в отдельные моменты конференции. Была ли это ложь – безусловно, не была. Но была ли это правда? Дело вкуса и предпочтений. Можно вывернуться из положения и заявить об особой, дипломатической правде, но сдается, это правдой назвать нельзя. Во всяком случае, прямой лжи и откровенного вранья советская трактовка Ялты не допускала.

Второй принцип, который явился основой для создания историософии Ялты это, конечно же, стремление к *всеохватности*. Даже в небольших журнальных статьях, ЯК, как правило, представляла как единый, цельный организм¹. В свою статью авторы стремились втиснуть все событие целиком, от историографии до мелких бытовых деталей, от предыстории конференции до ее последствий, от хода заседаний до погоды. Небольшие, локальные, посвященные одному-двум вопросам публикации крайне редки и практически не встречаются. Всеохватность Ялты это настоящая эталонная карточка советского подхода к Ялте. Даже статьи, посвященные небольшим вопросам, частенько распухали от деталей, находящихся вне темы публикации, но стремление к всеобщности побеждало, и они включались в текст. В этом смысле период с 1975 года по год 1987-ый явился пиком советских всеохватных статей. Этот период охарактеризовался все увеличивающимся разрывом интересов между логикой международной политической борьбы и властным развитием собственно историософской школы советских «Ялтинцев». В точках соприкосновения этих интересов рождались как парадные (выхолощенные и сияющие лоском официоза) статьи, так и любопытнейшие

¹ А как же иначе? Ведь тело универсалии ЯК создавалось именно в фокусе историософии, которому присуще именно биологическое отношение к прошлому, нежели холодное, инженерно-конструкторское.

интеллектуальные проекты, во многом остающиеся непревзойденными эталонами вот уже несколько десятилетий.

Если говорить скупой и математически конкретно, то конец 70-ых – начало 80-ых годов один из самых активных периодов в изучении проблематики. Массово выходят и переиздаются мемуары очевидцев событий. Широким читательским кругам становится доступна документальная база, связанная с конференцией. «Ялтинские соглашения» становятся скандальной темой в новейшей истории и падают на страницы популярнейших советских журналов. Например, чехарда мнений о книжке «Жертвы Ялты» [Васильев, 1978; Андреева, 1980]. Интерес к Ялте подогревается в советской историографии политологическими средствами. Цепко и талантливо увязывая переговоры на Южном Берегу Крыма в 1945 году с текущей политической обстановкой в Европе и мире, с хитросплетениями игр разведок и дипломатических операций [Ахтамзян, 1985; Бережков, 1985; Ежов, 1985; Сабуров, 1985; Севостьянов, Кынин, 1985; Шантырь, 1985, Сиполс, 1986].

В 1984 году выходит классическая для научно-популярного жанра монография: «Крымская конференция, 1945 год» [Сиполс, Чельшев, 1984]. Книга, получившая широкое распространение и ставшая второй знаковой работой, после монографии С.Б. Сосинского. А через год появляется элегантная научно-популярная брошюра: «Незыблемые договоренности (к 40-летию Ялтинской и Потсдамской конференций)» [Борисов, 1985-А]. В этих изданиях принцип всеохватности нашел свое наиболее полное практическое воплощение, став настоящим эталоном и до дня сегодняшнего.

В 1985 году появляется бриллиант советской историографии о Ялте. Сборник статей: «Ялтинская конференция 1945 года: уроки истории»² [Ялтинская конференция, 1985].

² На одном из букинистических сайтов (<https://articulo.mercadolibre.com.ar/MLA-696225711-la-conferencia-de-yalta-1945-lecciones-de>

Выпадают из этого парада классических историософских текстов – работа Н.С. Райского [*Райский, 1979*] и длительная серия статей Л.Я. Гибианского [*Гибианский, 1976; Гибианский, 1981; Гибианский, 1981-А, Гибианский, 1981-А; Гибианский, 1982;*]. Спокойный строгий стиль текстов, четкая, внятная цель статей: (зафиксировать и дать предметное описание всех дискуссий, заметок, абзацев документов, касающихся Польши и Юго-Восточной Европы в Ялте). При этом, авторы ушли от лирики микроистории и не свернули по направлению широких аналитических мазков геополитики, оставшись хоть и международниками, но все-таки историками в классическом понимании этого слова. Отчасти к ним примыкает уже упоминавшаяся работа В.Я. Сиполса [*Сиполс, 1985-А*].

Квинтэссенцией же советской историософии Ялты следует считать публикацию материалов работы большого симпозиума советских историков, посвященного 40-летию Крымской (Ялтинской) конференции, прошедшей в Ялте в феврале 1985 года. Сборник состоит из «Предисловия» [*Ялтинская конференция, 1985, с. 3-4*], «Статей» (13 текстов) [*Ялтинская конференция, 1985, с. 5-145*], «Тезисов» (11 текстов) [*Ялтинская конференция, 1985, с. 146-168*], «Приложения, информация об авторах» [*Ялтинская конференция, 1985, с. 169-189*]. По сути, авторы сборника – полный комплект ученых-«Ялтинцев», многие из которых публиковались в небольших изданиях и не были известны широкому кругу специалистов. Перечень вопросов, приведенные личные точки зрения, задействованный ссылочный аппарат – беспрецедентен в советской исторической науке.

historia-_JM) мне попалась довольно любопытная книжка на испанском языке, которая удивительным образом совпадает с названием, годом выпуска и главным редактором русскоязычного сборника [*La conferencia, 1985*]. Судя по выходным данным, расположенным на сайте РНБ это, действительно, перевод на испанский язык материалов конференции.

10 текстов сборника представляют собой общетеоретические рассуждения о значимости «Ялты» для мировой истории, формы сотрудничества государств с разными социальными системами, роли СССР в становлении ООН и иные проблематики, отнесенные к идеологически-политическому блоку. В своей основной и подавляющей массе это «парадники» с некоторыми претензиями перейти в лагерь «теоретиков»: Яковлев А.Н. «Ялтинская конференция: уроки истории и современность» [*Яковлев, 1985, с. 5-17*]; Багров Н.В. «На Крымской земле» [*Багров, 1985, с. 18-22*]; Севостьянов П.П. «Историческое значение Крымской (Ялтинской) конференции 1945 г.» [*Севостьянов, 1985, с. 23-28*]; Рощин А.А. «Крымская конференция и послевоенное урегулирование» [*Рощин, 1985, с. 104-111*]; Ахтамзян А.А. «Решения Крымской конференции и проблема безопасности и сотрудничества государств с различными социальными системами» [*Ахтамзян, 1985-А, с. 112-121*]; Войтович С.Д. «Борьба Белорусской ССР за реализацию решений Ялты и Потсдама» [*Войтович, 1985, с. 148-149*]; Волков Ф.Д. «Коалиция государств и народов» [*Волков, 1985-А, с. 149-151*]; Коваль М.В. «Крымская конференция и участие Украинской ССР в решении вопросов послевоенного устройства мира» [*Коваль, 1985, с. 152-154*]; Хворостяный И.М. «Основные направления фальсификации участия Украинской ССР в ООН» [*Хворостяный, 1985, с. 164-166*]; Языкович Э.Ф. «Решения Ялтинской конференции и внешнеполитическая деятельность Белорусской ССР» [*Языкович, 1985, с. 166-168*].

Четыре текста являют собой классические политологические штудии в диапазоне от политики до права. Их отличительная черта – в высшей степени тщательный анализ политического поля «Ялты», поля, которое формировалось до Ялты, и реакция политических сил на Крымские договоренности. Можно с уверенностью их отнести к школе «теорети-

ков»: Мальков В.Л. «Борьба двух тенденций во внешней политике США накануне Крымской конференции» [Мальков, 1985, с. 50-63]; Поздеева Л.В. «Межсоюзнические отношения в период подготовки Крымской конференции» [Поздеева, 1985, с. 92-103]; Сванадзе Л.Н. «Крымская конференция и политическая борьба в Великобритании» [Сванадзе, 1985, с. 157-159]; Ушаков Н.А. «Международно-правовые аспекты решений Крымской конференции» [Ушаков, с. 159-162].

Десять текстов решают конкретно-исторические проблемы в их узкой специализации. Качество решений, их стилистика, ссылочный аппарат, пропорция между идеологией и научностью – разная. Но это частные вопросы на уровне единичного. Главное, что весьма значительный объем текстов направлен на разрешение проблем собственно исторических историческими же методами. Это «предметники» с некоторыми пассажирами из методологического инструментария «теоретиков». Значительную часть составляют тексты историографического звучания: Ржешевский О.А. «Крымская конференция: буржуазная историография и современная идейно-политическая борьба» [Ржешевский, 1985, с. 135-145]; Егорова Н.И. «Оценка Крымской конференции в современных американских концепциях происхождения «холодной войны» [Егорова, 1985, с. 151-152]; Филлитов А.М. «Версия о «нарушениях» СССР ялтинских решений в современной буржуазной историографии (критический анализ)» [Филлитов, 1985, с. 162-164]. На втором месте вопросы об окончании войны и будущем Германии: Бабин А.И. «Военные решения Крымской конференции» [Бабин, 1985, с. 39-50]; Проэктор Д.М. «Ялтинская конференция и германская проблема» [Проэктор, 1985, с. 63-72]; Лебедева Н.С. «Крымская конференция и проблема безоговорочной капитуляции Германии» [Лебедева, 1985, с. 155-157]. Третий тематический перечень это отдельные аспекты Ялтинских договоренностей: Кутаков Л.Н. «Проблемы Дальнего Востока на

Крымской конференции» [Кутаков, 1985, с. 73-84]; Сиполс В.Я. «Защита Советским Союзом интересов Польши на Крымской конференции» [Сиполс, 1985, с. 84-92]; Усачев И.Г. «Роль Крымской конференции в создании ООН» [Усачев, 1985, с. 122-134]; Борисов А.Ю. «Проблема экономического сотрудничества СССР и США в период Крымской конференции» [Борисов, 1985-Б, с. 146-147].

В целом сборник любопытен и многоаспектен, но примечательным фактором является отсутствие в сборнике крымчан (за исключением секретаря Крымского обкома компартии Украины Н.В. Багрова с типовым докладом по «Текущему моменту»). Весьма яркой деталью является отсутствие краеведческих работ с целенаправленной публикацией и анализом мемуарных материалов. Это во многом ахиллесова пята данного издания. После выхода сборника вплоть до начала 90-ых годов ни в Советском Союзе, ни в Украине, ни в РФ не издавалось подобных научных проектов. На долгие годы сборник стал единственным посвященным Ялте, а в наше время преобразовался в своеобразный текстуальный памятник всей 40-летней традиции советского изучения Крымской (Ялтинской) конференции.

Отмеченные принципы: **правда/ложь и всеохватность** продемонстрированы в нем как основополагающие, стержневые моменты. На этих двух вертикалях наматываются узлы тех черт, которые я указал в выводах к третьей главе и напому читателю в сокращенном виде, сведя в жесткие четыре пункта:

1. Крымская конференция это историософское событие, имеющее начало, но не имеющее завершения.
2. Ключевыми для абсолютизации события являются общие принципы проведения ялтинской встречи, а не юридические формулы, именно мудрость, а не соответствующим образом оформленные документы – основа для осознания значимости Ялты. Ялтинская

конференция это надежда и мечта. При этом такая надежда и мечта, которая, раз воплотившись, продолжает бытийствовать и поныне. После 1945 г. она никогда не достигала абсолютности своего существования в эмпирическом мире, но ее почти мессианское воплощение, как круги на воде от брошенного камня, продолжают жить и поныне. Начиная с 70-ых годов, активизируется надежда на новое пришествие Ялты, появление новой точки бифуркации общепланетной истории, надежды, которые к началу 80-ых все более тускнеют и постепенно исчезают. Нового пришествия не будет, но мечта и тоска по бывшему остается, как остается понимание зависимости всех сегодняшних геополитических событий от ялтинского диалога 1945 г.

3. Крымская (Ялтинская) конференция 1945 г. это событие, которое касается всех, любой житель СССР и стран Восточной Европы сопричастен к нему. Историософия ЯК строится как система личной значимости события для каждого.
4. Отсутствие продолжительной серии публикаций (за исключением Л.Я. Гибианского) или авторов, целенаправленно занимавшихся ЯК. Как правило, автор пишет одну-две работы по Ялте и более к ней не возвращается. По сути, ЯК это поле великолепных профессионалов в международных отношениях ВОВ и махровых дилетантов в собственно ЯК.

Очевидно, что в обычной ситуации сначала формируются некие принципы чего-то, а потом вырастают отличительные черты этого чего-то. То есть, *обычно формируется поле дискурса, а потом в него встраиваются субуниверсалии, которые и творят тело универсалии, живущее в уже сформированном ранее поле дискурса.* В обычном случае, но, как мы убедились, ЯК полна феноменов и прекрасно себя чувствующих абсурдов. Нередко этот самый абсурд стано-

вится нормой, а норма рассматривается как нечто странное и противоестественное. Поэтому в данном случае уместно отметить тот факт, что историософия Ялты начала формироваться из отличительных черт, из субуниверсалий власти, которые ужесточали и оттачивали принципы. Посмотрим механизм этого формирования.

Пункт первый – крымская конференция как вечно длящееся настоящее. Это пространство бытийствования тела универсалии власти. Бытие, рожденное в газетной публицистике 1945 года. Эта газетная частность стала нормой для научных публикаций. ЯК не рассматривалась как нечто прошедшее и законченное, а всегда пролонгировалась на настоящее. А это, в свою очередь, требовало прослеживания всего явления целиком. Ведь расчленив для анализа можно лишь то, что является неживым. Расчленив, исследовать и собрать заново уже на ином качестве. Говоря языком философии: анализировать и синтезировать. Но в том-то и дело, что ЯК не подвергалась расчленению. Как можно расчленив то, что живет³? Это приведет к его смерти и больше ни к чему. Можно умственно расчленив закончившийся день, час, минуту, но разве можно расчленив настоящее? Не прошлое и не будущее, а настоящее, то, что есть? Но описать-то надо? Надо, а значит нужно представить явление во всей совокупности его частей, то есть, то, что мы определили под термином всеохватность.

Пункт второй – смысл и мудрость Ялты важнее документов и конкретных решений. С самого начала конференции ключевыми являлись коммюнике конференции (об этом было наибольшее споров), очень серьезные баталии разгорелись

³ Хотя мы и определили процесс бытийствования власти как псевдо/квази, но все-таки это жизнь. Тем более, что для акторов универсалии ЯК не имеется никаких приставок «квази» или «псевдо», они, акторы, рассматривают ЯК просто как жизнь, как истоки сегодняшней жизни международных отношений, как то, что не иссякло и продолжает питать современность и т.д.

по поводу подписания протокола конференции. Советская сторона изначально ставила договоренности выше договоров, точки зрения выше подписания соглашений. То есть, изначально формировался образ разумности, мудрости, естественности и компромисса Ялты. Уже в Потсдаме попытки И. Сталина сослаться на протокол конференции вызвали язвительный отказ от такого аргумента со стороны Г. Трумена. И действительно, Ялта не богата четкими договорами, ратифицированными надлежащим порядком, или переросшими в официальные законодательные акты большой юридической силы. Ее основа это именно договоренность и диалог, и быть может, последний важнее всего. Но в такой ситуации отсутствия заверенных трехсторонних копий решений (за исключением небольшого пакетика документов, носящих, к тому же, характер «Заявление для прессы», «Декларация», «Соглашение глав правительств» то есть, чуть больше чем просто ничто) огромное значение приобретают слова. Слова, фиксированные в личных записях переводчиков дискуссий, официальные тосты на дипломатических обедах, переговоры в кулуарах. Они частенько отмечали в рабочих записях участников, иногда откладывались только в памяти. В ситуации, когда намерение значит больше, чем подписанное соглашение (а именно об этом свидетельствуют бои вокруг Ялты), огромное значение приобретает вовремя сказанное правдивое слово и крупнейшее значение, вовремя не сказанное правдивое слово (что прекрасно показал известный создатель теории симулякров, говоря об обмене реальности на симулякры и определяя этапы маскировки реальности подмененными элементами, в нашей терминологии универсалиями псевдожизни власти [Бодрийяр, 2017, с. 14-15]). Слишком велика цена излишней откровенности или, наоборот, излишнего молчания. Но ложь является настоящей катастрофой, которая, в принципе, не должна присутствовать в столь тонких дис-

курсных играх власти. Иное дело, что логика аксиосферы Человека и его Духа, значительно отличается от онтологии власти, которая есть всегда мертвое прошлое, стремящееся оживить себя, творя псевдожизнь в универсалиях, в данном случае в универсалии власти ЯК (безотносительно, говорим мы о Западной цивилизации, Арабо-мусульманской или, по С. Кара-Мурзе – Советской).

Пункт третий – «лично сопричастен» – это особенный лозунг Ялты, который в большинстве случаев чужд Тегерану-43, Потсдаму-45 или Хельсинки-78. Он родился из восторга февраля 45-го года, он родился от осознания мощи своей Родины и он умело подогревался специалистами. К 50-60-ым годам он становится нормой и расцветает в 80-ые г. Правда, в 70-80-ые гг. он сопрягался с текущим политическим моментом, с тем, что только опыт Ялты может дать опыт позитивного диалога, а, следовательно, предотвратит большую войну и остановит рвущихся к власти фашиствующих реваншистов в Германии. В этом смысле населению надо все чаще и чаще говорить о Ялте, показывать эпическую картину его бытия, а, следовательно, необходим принцип всеохватности. Всеохватность порождена усилиями по поддержанию личной заинтересованности граждан, а не наоборот.

Пункт четвертый – отсутствие профессионалов «Ялтинцев». Это единственная черта, которая явилась следствием работы принципов, и не послужила их формированию. Жесткие ограничения в работе с документами заставляли опытных профессионалов отказываться от многолетнего изучения ЯК. Большая часть архивов засекречена, имеющиеся купированы и строго дозированы, а их перекрестный анализ, по большому счету, запрещен. Неинтересно работать. Отсюда разовое обращение к теме, проработка имеющегося документального объема и уход в иные сферы. Принцип всеохватности также не стимулиро-

вал многолетний интерес. Когда в одной статье рассказывается обо всем, нет возможности в течение десятилетия прорабатывать отдельные частности, нет интереса у серьезных ученых к штамповке одного и того же текста.

Таким образом, характерные черты историософии ЯК, появившиеся еще в 40-50 гг. стали теми узлами субуниверсалий, сквозь которые были продеты две стойки принципов – каркасы тела универсалии власти и одновременно границы ее бытия. В конце 70-ых годов система достигла своего совершенства, а к 80-ым окостенела окончательно, перейдя по наследству к Украине и Российской Федерации. Передав тело универсалии и единицы субуниверсалий, передав симулякры и точки сцепления дискурсов, но, не передав той социальной среды, в которой они функционировали и развивались. Псевдожизнь осталась за бортом 21 века. Но ее вполне возможно реанимировать, если на то будет запрос от властных игроков нынешней геополитики.

Глава 6. МАЛЕНЬКИЕ СЛОВА О БОЛЬШОЙ ВЛАСТИ (феномен крымской публицистики 1945-1991 гг.)

Нация, которая ведет беседу сама с собой, –
вот что такое хорошая газета.

Артур Миллер

Газетная публикация является довольно специфическим источником информации. Это аксиома. И вдвойне это истинно, когда идет речь об отражении больших международных событий. Газета – это всегда зеркало чаяний и мыслей граждан, это зачастую ответ на их отклики и желания. И, конечно, это мощнейший инструмент власти. При работе с подобными источниками следует учитывать целый ряд параметров: национальные традиции прессы, характер органа печати, опубликовавшего материал, контекст событий, освещенных в источнике.

Особым списком идут методологические параметры для региональной прессы: «заинтересованность» редакции в публикуемом событии, степень свободы органа печати в освещении событий и т.д. и т.п.

При создании историософской системы ЯК газеты играли главнейшую роль. В 1945 г. это средство идеологической обработки. А также инструмент донесения до союзников официальной линии государства, демонстрация поддержки гражданами линии партии, а также мера информативности граждан о происходящих событиях. Учитывая данный

аспект крайне любопытно проследить усилия крымской печати, региона, где происходила Крымская конференция на формирование историософской системы ЯК, начиная с 1945 г. и заканчивая последними днями жизни СССР. Это позволит проверить многие, высказанные выше положения и насытить мою доказательную базу «чистым» эмпирическим материалом не из сферы академического официоза, а из среды живой жизни СЛОВА ВЛАСТИ, а также тех научных публикаций, которые делались не для специалистов на страницах журнала «Вопросы истории», а для простых граждан в областных или городских газетах.

При работе с Крымской публицистикой февраля 1945 г. следует учитывать следующее. Все представленные ниже источники являлись официальными органами партийных организаций и вестниками городских/районных советов. В этой связи они в основной своей массе отражали точку зрения центральной прессы, например, перепечатывая публикации «Правды» или републикуя сообщения «ТАСС».

Данный сегмент источников малоинтересен в своей внешней стороне – содержании заметок. Однако весьма любопытно проследить хронологию публикаций официальных заявлений и коммюнике на предмет оперативности освещения международных событий в городках и селах на окраинах СССР. Это может дать серьезный материал для размышлений о статусности того или иного события, и о его влиянии на идеологическое сознание рядового советского гражданина.

Второй сегмент источников носит смешанный характер. Его авторы, как «звезды» публицистики из Москвы, так и местные журналисты, редакторы. По содержанию это разъяснение международных событий, обстоятельные комментарии подписанных СССР документов и т.д. Многие из них шли в рубриках «Ответ редакции», «В помощь агитатору». Данный блок – первые аналитические (я бы назвал полито-

логические и геополитические) штудии по научному освоению результатов «Ялтинских договоренностей».

Третий сегмент – отчет о собраниях, посвященных Крымской конференции. По окончании Ялтинской конференции в Крыму (и не только) прокатилась серия митингов, собраний, «летучек», посвященных обсуждению решений конференции. Ряд материалов показывает технические элементы распространения информации о конференции в разных социальных группах, организациях и т.д. В целом данный блок не заменим при определении параметров интереса рядовых граждан к глобальным политическим событиям.

Выстрою публикации в региональных печатных изданиях Крыма в хронологической последовательности.

Впервые о том, что проходит встреча И. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля жители крымских городов узнали еще в начале февраля. Одними из первых прочитали эту информацию Феодосийцы на первой странице своей газеты – «Победа» от 9 февраля 1945-го года.

«Президент Соединенных Штатов Америки, Премьер Советского Союза и Премьер-Министр Великобритании в сопровождении своих начальников штабов, а также трех министров иностранных дел и других Советников, совещаются в настоящее время в районе Черного моря... Совещания происходят непрерывно. Конференция началась с военных переговоров... Начались также переговоры по проблемам, связанным с установлением прочного мира...» [Конференция, 1945, с. 1].

Уже через несколько дней в прессе публикуется трагическая новость:

«Авария самолета, на котором летели сотрудники секретариата Черчилля ЛОНДОН, 8 февраля. (ТАСС). Как передает агентство Рейтер, в Лондоне официально объявлено, что в результате аварии самолета, на котором летели сотрудники секретариата Черчилля, направляющиеся на

конференцию руководителей трех союзных держав, погибло 12 человек, а 5 пропало без вести и, как полагают, также погибли. Еще 5 человек ранены. Авиационная катастрофа произошла 1 февраля. В числе погибших 6 сотрудников министерства иностранных дел, в том числе одна женщина, 4 офицера – сотрудники военного министерства, еще один офицер и один летчик, четыре члена команды пропали без вести».

8 февраля информация была опубликована в Лондоне и вот ее оперативно публикуют на первых страницах в Ялтинской газете «Сталинское знамя» от 10 февраля 1945-го года и в Феодосийской «Победе» от 11 февраля 1945-го года [Сталинское знамя, 1945, с. 1; Победа, 1945, с. 1].

Напряжение нарастает, слухи ширятся. Кульминацией становится фейерверк публикаций Коммюнике работы конференции. В течение нескольких дней полный текст коммюнике попадает абсолютно во все крымские городские и районные газеты:

- Симферополь – 13 февраля [Красный Крым, 1945, с. 1].
- Саки – 15 февраля [Большевикское знамя, 1945, с. 1].
- Джанкой – 15 февраля [За высокий урожай, 1945, с. 1].
- Керчь – 16 февраля [Керченский рабочий, 1945, с. 1].
- Кировский район – 18 февраля [Кировец, 1945, с. 1].
- Приморский район – 20 февраля [Сталинский путь, 1945, с. 1].

Немедленно, во всех уголках Крыма организуются митинги и обсуждения столь яркой и роскошной новости. Реакцию крымчан без всяких комментариев прекрасно передают репортажи тех лет:

«С большим подъемом и воодушевлением встретили трудящиеся нашего района заявление Конференции трех союзных держав... Многолюдный митинг состоялся в Евпаторийском МТС... Затаив дыхание слушали они ка-

ждое слово исторического заявления... Один за другим выступали трактористы... Всем хотелось выразить свои чувства радости, поделиться своими впечатлениями...» [Трудящиеся нашего района, 1945, с. 1]

«Начальник механического цеха краснознаменной артели «Механик» А.С. Пощупайло заявил: «Заявление Конференции руководителей трех союзных держав воодушевляет наш коллектив... на новые трудовые подвиги» [Феодосийцы, 1945, с. 1]

Энтузиазм охватил даже людей специфических профессий и положений:

«С подъемом прошел митинг санатория «Пролетарий». На этом митинге присутствовало более 70 человек. Собрание об итогах конференции было встречено горячими аплодисментами... Затем состоялся многолюдный митинг лечащихся в санатории...» [Клименко, 1945, с. 1].

Вслед за глобальной новостью идут горячие экспресс-заметки, отслеживающие дипломатический путь руководителей США и Великобритании из Крыма в Вашингтон и Лондон. Вот несколько заголовков:

«Заявление Премьер-Министра Великобритании г-на У. Черчилля», «Послание председателю Совета Народных комиссаров СССР И. В. Сталину от президента США г-на Рузвельта», «Сообщение Белого Дома о переговорах Черчилля с Рузвельтом в Александрии», «К пребыванию Рузвельта и Черчилля в Египте», «Возвращение Черчилля в Англию»...

В газетах приводятся аннотации зарубежных политических обозревателей: «Ордр» (Франция), «Борьба» (Югославия), «ПМ» (США), «Йоркшир Пост» (Великобритания). Активно печатаются и буквально обрушиваются на головы простых читателей цитаты государственных деятелей и общественных организаций стран Запада:

«...Исполняющий во время отсутствия Стеттиниуса обязанности государственного секретаря США Грю заявил,

что «все могут чувствовать себя счастливыми, получив известие о Крымской конференции»... Нью-йоркский центр Конгресса производственных профсоюзов опубликовал заявление, в котором говорится, что результаты конференции «укрепят единство американского народа для поддержки великопленных достижений Рузвельта, Сталина Черчилля». Глава правительства южно-африканского союза маршал Сэмтс охарактеризовал декларацию конференции как документ, в котором «сияет новый свет» [Яковлев, 1945, с. 2].

Крымчане не просто получают информацию. Они ее активно анализируют, задают вопросы, пишут в редакции своих газет. Интерес масштабен и неподделен. Как отклик на прямые вопросы и общественный спрос в газетах Крыма публикуется серия материалов, подробно изъясняющих нюансы европейской политики:

«Соглашения между союзными государствами по делам военнопленных и гражданских лиц этих государств», «В чем состоит соглашение маршала Тито с Шубашичем», «Упрочение и расширение фронта противогерманской коалиции».

В целом стоит отметить, что освещение крымской прессы Ялтинских встреч весьма обширно и разнообразно. Богатая палитра публикаций того времени предоставляет в руки современного исследователя изумительный инструмент для изучения восприятия рядовыми гражданами Советского Союза глобальных событий мировой дипломатии.

Согласно классику, газетная публикация живет один день. Возможно, мысль и является правдой, но никак не может претендовать на статус истины. Это становится тем очевидней, чем больше времени проходит с момента самой публикации. Ведь с исторической дистанции ЛЮБОЙ текст приобретает статус источника, который может многое поведать специалисту. Но как быть с материалами, которые являются скорее вехами интеллектуального освоения про-

блемы, чем собственно вехами самого события, которые суть более субуниверсалии, чем исторические источники их породившие? В таком случае их корректно было бы отнести к источникам особого вида, источникам историографическим. К последним со всей очевидностью попадают газетные публикации Крыма, посвященные Ялтинским встречам «Великих старцев».

Эта работа, которая не отразилась на страницах титульных советских журналов по истории. Дело в том, что советская реальность (и первые десятилетия независимости Украины и РФ, впрочем, тоже) были таковы, что получить полноценную публикацию в ведущем журнале могли лишь единицы исследователей, а вся остальная научная «братия» активно публиковалась в районных и областных газетах, научно-популярных сборниках, краеведческих изданиях и т.п. Отсюда выкристаллизовывается **первый блок** интересующей нас информации: аналитические, описательные и краеведческие исследования, которые были опубликованы в газетах (сборниках, приложениях к журналам – одним словом публицистика) и не попали во всесоюзные издания (или же были массово опубликованы, но спустя годы после их появления на страницах региональной прессы). Можно предположить, что именно крымские газетные публикации в 70-90-ые годы XX века, явились существенным элементом формирования научно-исследовательской традиции «Крымского подхода к ЯК», той традиции, которая в XXI веке воплотилась в многочисленных сборниках статей и целом ряде монографий.

Второй блок информации априори «прячется» в газетах – это публикации мемуаров участников событий февраля 1945 года. Большие гранды от армии или дипломатии публиковали свои воспоминания о Ялтинской конференции миллионными тиражами, а вот простые участники конференции (матросы, зенитчики, морские пехотинцы, кинооператоры) могли позволить лишь небольшую замет-

ку в газетах. Хотя, как оказалось, даже маститые дипломаты порой давали интервью в крымские газеты о событиях февраля 1945 года. Эти заметки скапливались на библиотечных полках и к настоящему времени являются ценными свидетельствами прошлого. Частично они используются в исторических работах, а частично забыты. Провести анализ этих публикаций, выявить их хронологию и степень атрибуции, весьма полезно как для историографии, так и для текущих исследовательских проектов всех специалистов по Крымской конференции.

Что касается методологии, то дальнейшей текст будет построен по хронологическо-предметному типу. То есть будут определены этапы развития публицистического интереса к ЯК, а они, в свою очередь, будут разбиты на тематические группы публикаций. Данный подход позволит выделить отдельные элементы формирования значимых субуниверсалий, механизмы их бытия в советскую эпоху и определить параметры влияния публицистического аспекта на историко-ософскую модель ЯК.

Сразу отмечу, советский период не является монолитным блоком по теме «Крымская публицистика о ЯК». Он вполне отчетливо подразделяется на три достаточно своеобразные и, в общем-то, автономные единицы (автономные в том смысле, что говорить об их преемственности между собой весьма затруднительно, речь идет скорее о вспышках интереса, инициированных общеполитической ситуацией в СССР). Начнем по порядку.

Первый хронологический стержень включает в себя цикл статей, опубликованных в Крымской прессе Зимой-Весной 1945 г. По своей же тематической направленности публикации указанного периода уместно разделить на три группы.

Группа первая «фактологическая». Как правило, это материалы, которые приводили точки зрения зарубежных

средств СМИ о конференции в Крыму. Образцом такого рода публикаций служит статья Л. Яковлева [*Яковлев, 1945*].

Группа вторая – «аналитическая». Тексты, включенные в этот сегмент, имеют в нашей терминологии ярко выраженный политологический окрас. Они посвящены фундаментальному анализу опубликованных документов Крымской конференции. Иногда даже носят печать самостоятельного личностного анализа (большая редкость в советской прессе) [*Харламов, 1945*], но чаще выступают обезличено, и нередко являются перепечаткой передовиц центральных газет.

Группа третья «предметно-аналитическая». Статьи данной группы посвящены пояснению и разъяснению целого спектра «темных» мест в решениях Крымской конференции. Следует отметить, что целый ряд положений аналитических справок того времени не потеряли своей эпистемологической значимости и для современных историков-международников. В данном блоке была впервые отчетливо и точно заявлена первая «чисто» крымская работа о Ялтинской конференции. Это статья лектора Ялтинского горкома ВКП(б) С.В. Дашевского «В чем состоит соглашение маршала Тито с Шубашичем» [*Дашевский, 1945*]. Есть некоторые основания утверждать, что и второй представитель группы, профессор Н.Д. Королев является крымчанином (точного указания организации или города, который представляет профессор – нет, как нет и информации, что материал перепечатан с другого издания, а, следовательно, с большой долей вероятности предположить о крымской прописке историка). Впрочем, это всего лишь предположение.

Профессор написал статью в разгар Крымской конференции – 9 февраля и посвятил ее тонкому вопросу: «Восточная Пруссия и Северная Германия – Бывшие славянские земли» [*Королев, 1945*]. Как раз той самой проблеме о Западной границе Польши, которая была одной из самых острых в Ялте. Следует учесть, что статья была опубликована в городской

ялтинской газете и в самой статье о Ялтинских дебатах – ни слова. Она опубликована, как бы «между прочим». И «совершенно случайно» совпала с разгаром дипломатических сражений за границы новой Польши.

Вероятно, это один из примеров комплексного давления на англо-американских союзников, тем более, что Н.Д. Королев весьма аргументировано развил устные замечания, высказанные И. Сталиным за столом переговоров в Ливадии об исконно славянских землях по Одру. Данная публикация необычайно ярко иллюстрирует гибкость Ялтинского дискурса о Ялте, способность советских экспертов формировать универсалии с многоканальным воздействием на разнообразнейшие аудитории: от современников авторов до уже современных нам читателей, от дипломатов из Вашингтона до агитаторов на городских предприятиях.

Приведем некоторые выдержки из статьи, которые все располагаются на одной странице [Королев, 1945, с. 1]:

«В V веке нашей эры по южным берегам Балтийского моря и по впадающим в него рекам осели славянские племена, оттесненные из глубин материка, сначала готскими племенами (во II и в III века нашей эры), а затем гуннами (в IV и в V веках). Эти западные славяне были по природе миролюбивы, белокуры, невысокого роста и приземистого крепкого телосложения. Они дали рекам славянские названия: Лаба, Одра и Висла (теперешние Эльба, Одер и Висла). По названиям рек и племена получали названия, например «Полабские» – славяне по Лаббе, «Привисленские» – по Висле и т.п. Славяне, осевшие на южном берегу Балтийского моря, получили имя «Поморян». Отсюда немецкие наименования «Померания»... даже слово «Пруссия» производное от «Паруссы» или «Боруссы»... Уже в начале статьи формируется представление о бедах и лишениях славян, которые терпели насилие от готов (по мысли автора газетной публикации, предков современных немцев). Тотальная несправедливость и вопи-

ющие мошенничество испытано славянами от готов, сначала изгнавших их на Одру и Вислу, а потом пришедших туда, покоривших их и даже укравших, искаживших исконно славянские топонимы. Но читаем дальше. Эмоциональный накал возрастает. Его усиливают нити несправедливости и мучений славян от германского кошмара.

«...Много тяжелых лишений и трудностей приходилось выносить славянам в борьбе с дикой, суровой природой. Дремучие леса, непроходимые болота – все это шаг за шагом осваивали они...». Происходит процесс окультуривания того заросшего лесом болота, которое считается У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом – исконно немецкими землями. Но внимание, именно славяне дали дикой природе тех мест, о которых спорят на конференции союзники – цивилизованный вид: «По долинам золотились нивы, а на лугах появились многочисленные стада домашних животных. Поморы осваивали море, строили ладьи и развивали рыбную ловлю... Они построили... храм на острове Рус (теперешний Рюген)... Поморяне быстро освоились с морем и стали отважными моряками». И вот наступает расплата. Славяне, миролюбивые и изгнанные со своих мест, ответили обидчикам полной монетой. Окультурировав и цивилизовав Земли между Одером и Вислой, они добились того, что стали наводить страх «на соседних датчан и немцев. Некоторое время господство в южной части Балтийского моря принадлежало поморянам. Тогда в храм «Святовита» стекалось много даров со всей славянской Прибалтики...» Но идиллия была прервана новым ударом коварных германских племен, которые только-только организовались в сильные государства: «... Постепенно в храме накапливались большие сокровища, о чем становилось известным соседним германским племенам... и побуждаемые характерной для них неутомимой жаждой захвата, уже начали свое пресловутое упорное движение на восток «Дранг нах остен». Далее идет вызывающий

слезы у женщин и зубовой скрежет у мужчин трагический рассказ о натиске немцев на славянскую Прибалтику, о появлении славянских крепостей: Щетин (Штеттин), Гданск (Данцинг). Идет рассказ о силе немецкого вооружения, о хитрости немецких королей, о звериной жестокости маркграфов... Об этнических чистках и идеологическом удушении славян Прибалтики. Идет яркий рассказ в форме настоящей саги о партизанских отрядах славян, о контрударах славян по врагу... Но конец этого средневекового бесчинства был печален: «... более высокая техника немцев взяла верх; прибалтийские земли были захвачены немцами, а вместе с ними присвоен и многовековой труд славян». Потом был потерян славянами их язык, утеряна славянская религия, а вместе с ними и оригинальная культура. Но не все так грустно есть на свете белом справедливость!

«С тех пор прошло много веков. И вот сейчас героическая Красная Армия уже прошла победами через всю Восточную Пруссию, вступила на земли когда-то [неясное слово] политые потом и кровью [неясное слово] предков в борьбе все с теми же немецкими захватчиками. Доблестные войска Красной армии под командованием Маршала Советского Союза тов. Жукова двигаются сейчас по Бранденбургу к Берлину. Бранденбург, по-славянски – Бранибор, область до X [неясная цифра] века, заселенная славянами. Значительные территории коренной Германии – это древняя отчизна славянских народов лютичей и [неясное слово]. Захватчики из западной Германии и в те стародавние века истребляли и онемечивали славян».

А значит, требования СССР передать эти земли в состав славянской Польши не просто политически уместны, но и с точки зрения вселенской справедливости – разумны и верны. Тоже касается передачи части территории Пруссии в состав СССР. В этом смысле ЯК отвечает требованиям не просто текущего политического момента, но и является

важным историософским аспектом восстановления цивилизационной и культурной справедливости. Разумеется, данные слова не употреблялись, но, что гораздо важнее, формировались смыслы, создавался некий культурный инстинкт восприятия происходящих событий. Да, на момент написания этих строк кроме нескольких сот участников ЯК никто не ведал о творящихся баталиях, связанных с западными границами Польши и притязаниями СССР на Прибалтику. Да, на момент написания этой газетной статьи она, в первую очередь, осуществляла культурное давление на Англо-Американских дипломатов. Но созданная галерея эмоций сразу после публикации коммюнике запускала смыслы профессора Королева в формирование определённой стратегии восприятия ЯК как историософского предела, за которым – вечность решений Ялты. Справедливость, попранная десять веков назад, возобладала, и иному не бывать.

Конечно, над данной схемой работала не одна статья в провинциальной Ялтинской газетке. Функционировал разноплановый и разноаспектный механизм генерации субуниверсалий, из которых была слеплено тело универсалии ЯК. Другое дело, что указанный источник крайне ярок и богатогранен. К сожалению, аналогов подобного уровня работы с историософией в столичной прессе я найти не сумел... Вполне возможно, что поиск не удовлетворял необходимому уровню профессионализма, требующего крайне специфических архивных и библиографических знаний, которые в силу своего философского образования мне малодоступны.

Следующий материал группы не менее любопытен [Генеральный секретарь, 1945], он, по сути, является, как политическим комментарием серьезного ранга деятеля, так и служит целям уточнения загадочных понятий и словесной эквилибристики в польском разделе решений Крымской

конференции. Основные положения этой публикации сохранили актуальность, десятилетиями позволяя в определенном русле трактовать юридические документы ЯК:

«Генеральный секретарь ППС (Польской Социалистической партии) Матушевский заявил, что коммунике руководителей трех держав... признает ныне существующее временное правительство демократической Польской республики де-факто, но требует расширения его состава за счет привлечения демократических элементов внутри страны и за границей.

То, что в официальном коммунике совершенно отсутствует термин «лондонское польское эмигрантское правительство», свидетельствует, что это «правительство», представлявшее собой польские реакционные круги, полностью себя скомпрометировало и не может браться в расчет как политическая сила.

Территория демократической Польши, согласно решению «Конференции трех», будет расширена на север и запад. Это значит, что старинные польские земли вернутся к Польше. Это – большая победа. Осуществляются чаяния польского народа.

«Решения «Конференции трех», заявил Матушевский, – вынесены без участия нас, поляков. Но я хочу заявить, что и при нашем участии лучшего бы не сделать, мы бы и не хотели ничего лучшего» [Генеральный секретарь, 1945]. Комментарии, как говорится – излишни.

Группа четвертая «краеведческая». Это блок публикаций – посвященных деталям организации встречи, а также краеведческим зарисовкам первых «экскурсантов» по бывшим местам встречи «Большой Тройки» в Крыму. Прежде всего, следует указать перепечатку ТАСС с громким названием: «Авария самолета, на котором летели сотрудники секретариата Черчилля». 8 февраля информация была опубликована в Лондоне и вот ее оперативно публикуют на

первых страницах в Ялтинской газете «Сталинское знамя» от 10 февраля 1945-го года и в Феодосийской «Победе» от 11 февраля 1945-го года.

Второй материал группы наиболее ценен с историографической точки зрения. Он представлен обширной статьей «Здесь проходила Крымская конференция» [Холендро, Олинский, 1945].

Это первая в истории изучения ЯК краеведческая публикация. Позднее она дважды была перепубликована. Первый раз в том же 1945 году (!) в Историко-краеведческом и литературно-художественном сборнике «Советский Крым» [Олинский, Холендро, 1945]. А второй раз в серии публикаций В. Гурковича в газете «Крымская Правда» 1995 г. от 7, 8 и 10 февраля.

Фабула обширной статьи такова. Военные фотокорреспонденты совершили прогулку по залам трех дворцов, где проходили заседания «Большой Тройки». Наметанным взглядом военных газетчиков они зафиксировали множество мелких деталей, дающих богатую пищу для размышлений: картины запустения, подгнившие указатели на английском языке, таблички с именами иностранных гостей на внутренних дверях Ливадийского дворца. Авторами был осуществлен прием перекрестного воздействия: мягкой эмоциональности «грусти запустения», «светлой» роскошной природы и «мажорных» политических сюжетов, связанных с ходом переговоров. Прием знаменательный, и ставший нормой для последующих советских работ о конференции советских исследователей.

После этой публикации сколь-нибудь своеобразных статей, книг или очерков о Крымской конференции мне выявить не удалось. Наступает лагуна информационной тишины вплоть до 1970 года.

Второй хронологический стержень крымской публицистики о Ялте охватывает годы 1970-1975. Он достаточ-

но неоднороден и скуден на информативный эмпирический материал. Все публикации периода разумно сосредоточить в трех группах.

Группа первая – «парадно-описательные публикации».

Парадные публикации являются отображением стандартных фразеологических оборотов, посвященных Крымским событиям 1945 года. Оборотам, которыми с жесткостью уснащались «столичные» публикации, но которые проникали и в региональную прессу. Но эти публикации важны, как одни из первых, пусть и несовершенных, описательных, жестко идеологизированных, но все-таки исторических работ крымчан [Пономарев, 1970; Перепилица, 1975;]. Их появление совпадает с активизацией интереса к событиям Крымской конференции и ярким, знаковым событием этого периода: открытием 16 июля 1974 года выставочного зала в Ливадийском дворце-музее, посвященном Крымской конференции. В публикациях заявленной группы вдумчивый исследователь может найти немало полезной информации, например, при анализе статьи Г. Перепилицы можно составить подробный перечень экспонатов первой экспозиции в Ливадийском дворце, посвящённой ЯК.

Группа вторая – «мемуарные публикации».

В 1970 году, еще до выхода публикаций мемуаров Н. Кузнецова в качестве главы отдельной книги [Кузнецов, 1975], крымский читатель получил возможность ознакомиться с развернутыми воспоминаниями адмирала о ходе конференции [Кузнецов, 1970-В]. Публикация выявилась насыщенной большим количеством имен, дат, цифр, событий... анекдотов. Впрочем, одновременно газетные публикации воспоминаний адмирала вышли в издании «Литературная Грузия» [Кузнецов, 1970-А], (акцент на военно-морских переговорах), сборнике 9 мая 1945 года [Кузнецов, 1970], (акцент на подготовке конференции), журнале «Новое время»

[Кузнецов, 1970-Б], а несколько ранее общий очерк мемуаров о Ялте Кузнецов опубликовал в журнале «Вопросы истории» [Кузнецов, 1965].

В 1974 году статья С. Шантырь «Ялта, февраль 1945-го» [Шантырь, 1974] открыла долгий ряд публикаций (ставших впоследствии необыкновенно важным звеном крымских усилий в освоении тем), интервью с участником конференции. Участником на микроуровне: лейтенантом, командиром взвода управления батареи 141 отдельного зенитного артиллерийского дивизиона резерва Главного командования Л.И. Волошинова. Насколько известно автору, этот материал так нигде и не был перепечатан. Хотя он имеет важное значение для восстановления ряда деталей микроисторического характера.

Группа третья «аналитические публикации».

В 80-ые годы Ф. Д. Волков (дипломат и участник Крымской конференции) опубликовал занимательную монографию: «За кулисами второй мировой войны», где присутствует обширный раздел «От Крикетта до Аргонавта», посвященный Ялтинским событиям. Однако, как свидетельствует крымская пресса, интерес Ф.Д. Волкова к «Ялте» проявился еще на заре 70-ых, когда в 1971 году вышла его серия интервью с крымскими журналистами [Волков, 1971]. В своем интервью «Курортной газете» он сообщал, что окончил работу над монографией «За дипломатическими кулисами Второй мировой войны» (опубликована лишь через 10 лет). Одна из глав посвящалась Крымской конференции. До выхода в печать глава с любезного разрешения автора была перепечатана в этом издании. Таким образом, крымчане оперативно и задолго до официального признания, познакомились с одним из классических советских текстов о Ялтинских событиях.

Третий хронологический стержень охватывает статьи 1984-1990 гг. Он также имеет свои группы.

Группа первая «мемуарные публикации». Их публикуют как сами участники событий ЯК [Полищук, 1985]¹, так и журналисты-интервьюеры [Башарин, 1988]. Подключаются к работе и профессионалы, например, выходят в свет материалы беседы заведующей научно-экспозиционным отделом Ливадийского выставочного комплекса с Ф.Т. Гусевым [Васюк, 1985]. К сожалению, богатый материал этой группы пропадает втуне. Так целый ряд источников блока – не получил «прописки» в монографиях и статьях исследователей ЯК. А жаль. Например, мемуары А. Полищука, опубликованные в Евпаторийской городской газете [Полищук, 1985], приоткрывают завесу над спорным и «мутным» вопросом о технологии набора и ведомственной принадлежности бойцов подразделений охраны ЯК.

Группа вторая – «музейные зарисовки». Данная группа объединяет публикации, в которых прослеживается развитие экспозиций Ливадийского дворца-музея, насыщения его экспонатами, дается интересная информация о характере выставочной деятельности в разные годы [Шантырь, 1979; Васюк, 1984; Лебедев, 1984]. Впервые в Крыму приводится биография одного из участников ЯК (К.В. Новикова), которая разработана Л. Васюк на основе полученных Ливадийским музеем материалов [Васюк, 1984].

Группа третья «Краеведческие работы».

Публицистика Крыма получает сильный толчок в своем развитии благодаря С. Шантырю, который в научно-популярном сборнике публикует материал о ЯК [Шантырь, 1985]. Статья называется «Провал операции «Абвер-Юга». В его основе диалог автора с активными участниками шпионских игр 1945года. Текст обладает острым сюжетом и посвя-

¹ Получаются и парадоксы, так автор статьи под заголовком «Ялта, февраль 45-го: воспоминания очевидца», оставил парадный историко-политологический текст без личных воспоминаний, о событии свидетелем которого он являлся [Бабичев, 1990].

щен предотвращению террористических актов германских спецслужб против глав трех правительств. Пожалуй, это первая статья подобного плана в советской историографии. На основе мемуарных данных происходит фактическая реконструкция события 1945 года. Поднимается вопрос не просто об охране конференции, а о конкретных мероприятиях по линии стратегической контрразведки. Собственно, текст рождает тот интерес, который нашел свое развитие в серии обстоятельных работ С.В. Юрченко с привлечением широкого круга документов из архивов спецслужб. Результатом многолетней работы и, в известном смысле, классикой «шпионской тематики» ЯК, стала монография: «Гриф секретности снят: охрана Ялтинской конференции 1945 года» [Юрченко, 2003].

Продолжают появляться на страницах Крымской прессы и парадно-описательные работы, но они все более и более принимают характер политологических или правовых этюдов. Когда весь груз общей информации направлен на подготовку читателя, принять ту или иную идеологическую шпильку, например, вопрос об укрытии военных преступников администрацией США и Великобритании [Макуха, 1985].

В 1990 году свет увидели эталонные для советской научно-газетной публицистики о ЯК тексты.

Особенно любопытна статья доцента, кандидата исторических наук Г. Бабичева (вошедшая, также в раздел «Мемуарные публикации») [Бабичев, 1990]. Пожалуй, это вторая качественная научная публикация крымчанина с большим спектром поднятых вопросов о ЯК: от аналитики события до фактов микроистории (опять всеохватность!). Особый акцент автор сделал на неформальных элементах Крымской конференции, на неофициальных переговорах. Эта статья засвидетельствовала выход крымских историков из рамок краеведения в собственно историю и явилась пер-

вой ласточкой рождения значительного массива публикаций крымских историков в 90-ые годы.

Продолжает расти интерес к микроистории. В этой связи особенно примечательна статья А. Фуки [Фуки, 1990]. Она интересна, прежде всего:

1. Редкими фотографиями.
2. Тщательно прописанным маршрутом передвижения кортежей Сталина и Черчилля.
3. Вопросами организации встречи. Данная публикация – эталон краеведческой статьи с ясным осознанием важности мелких деталей в исторической науке.

Гораздо менее привлекательной выглядит статья с очень многообещающим названием «Большая тройка»: Черчилль глазами англичанина (к 45-летию Ялтинской конференции) [Супрунюк, 1990]. Увы, но текст оказался беднее темы и больше претендует на некий эксцентрический результат, чем на собственно на краеведческую публикацию.

Публицистика советского Крыма явилась важным этапом в развитии «Крымского подхода» к изучению событий ЯК. Она заявляла о себе и как мощное краеведческое течение и выступала в формате первых, пробных (зачастую наивных) попыток аналитического разбора тематики. Ряд ее важных находок и, в частности, интерес к микроистории, в 90-ые годы стали визитной карточкой крымских исследователей. В любом случае, игнорировать этот этап в развитии советской историософии Ялты – не приходится.

Газетные публикации, целиком находясь в русле историософского восприятия ЯК, создают у читателей особый ни с чем не сравнимый привкус реальности уже исчезнувшего события. Интервью участников, фотографии военных лет, предметы, которыми пользовались творцы Ялтинского мира, придают ЯК ауру вневременной метафизической субстанции. А такие черточки как бытовые мелочи, связанные с жизнью обслуживающего персонала, давали создаваемой

в официозных столичных журналах ауры вечности ЯК более жизненные и правдоподобные элементы.

Крымская публицистика тех лет (не говоря уже о последующей эпохе «Украинского Крыма» 1991-2014 гг.) могла бы стать мощным оружием для научного исследования, но так и не стала. Приведенные факты во многом позволяют понять текущие исторические сложности и загадки, насытить скучноватые официальные тексты искрами романтичности и сопричастности. Но, как правило, этого не происходило (исключения: монографии и статьи крымских же авторов, практически не читаемых и не цитируемых московскими грандами). Газетные публикации жили несколько дней, создавали столь важную для историософии массовость восприятия (на региональном уровне, а для газет, выходящих в разгар курортного сезона, когда Крым посещало более 10 миллионов граждан СССР, и на общесоюзном уровне), влияли капельку истинной жизни в псевдожизнь универсалии власти ЯК и пропадали в архивах региональных библиотек, так и не превратившись в исторический, научный факт, что, надо сказать, характерно и для многих журнальных статей, посвященных ЯК.

Глава 7. НА ПЛЕЧАХ ВЕЛИКИХ (Российская и Украинская тенденции историософии Ялтинской конференции в 1991-2013 гг¹.)

Повторять чужие слова не значит
еще понять их смысл

Руми

Современная историческая наука Украины и РФ имеет богатый опыт разработки вопросов, связанных с глобальным направлением «Всемирная история». Так, по подсчетам специалистов, только в Украине из 3 тыс. диссертаций, защищенных за годы независимости Украины, около 400 выполнено по настоящей специальности [Відянський, 2010, с. 167]. Еще более очаровывают количественные показатели украинской исторической науки, связанные с изучением событий Второй Мировой Войны, которые скрупулезно представлены в статье: «Дослідження історії Другої Світової

¹ 2013 год не случайно указан как верхняя планка рассматриваемых традиций. Дело в том, что события 2014 года («Крымская», «Русская» весна) явились поворотным пунктом в истории XXI века. После них начали стремительно меняться, ужесточаться, трансформироваться многие процессы, в том числе и в сфере науки, истории. Особенно это коснулось тех сфер, которые имеют отношения к власти и ее бытию. Поэтому для «чистоты» эксперимента я ограничусь публикациями до 2013 года, лишь иногда, в исключительных случаях, отходя от этого правила, демонстрируя некоторые оригинальные, выпадающие из общей логики развития процесса публикации, могущие стать зачинателями новых векторов творения универсалии власти ЯК.

Війни у сучасній Україні: основні тенденції та перспективи» [Лисенко, 2011]. На этом фоне поражает отсутствие последовательного внимания исследователей украинской историографии к одному из ключевых событий как Всемирной истории XX века, так и истории Второй Мировой Войны. Конечно же, речь идет о Крымской (Ялтинской) конференции в феврале 1945 года. Отдельные ссылки на Ялтинско-Потсдамскую систему, безусловно, существуют [Відянський, 2010, с. 170; Веденєєв, 2010, с. 26], но вдумчивого анализа места и роли данного события в студиях украинских историков нет. Не является исключением и ситуация в Российской науке тех лет. Градус отношения к ЯК со стороны академического сообщества и стремился к точке замерзания. Это приводит к тому, что в большинстве авторитетных украинских или российских публикаций про Вторую Мировую Войну пусть и немногочисленные, но все-таки современные научные работы по Ялте-45, не принимаются в расчет.

Игнорирование украинским научным истеблишментом российских разработок или российскими исследователя украинской историографии еще можно объяснить политическим вкусом, но как быть с игнорированием Крымской традиции, которая вроде бы как «своя» и для Украины и для РФ? Вопрос не так прост, как кажется, и дело кроется совсем не в плоскости примитивного и поверхностного политико-идеологического штампа.

За годы независимости Украины, формально находясь в поле украинской науки и, опять-таки, формально считаясь украинскими исследователями, крымские ученые провели колоссальную работу по освоению Ялтинской конференции. Но их результаты так и не были востребованы этой самой украинской научной действительностью. Быть может, дело в том, что эти ученые жили не в Киеве или Львове, а в Симферополе и Ялте? Быть может, игнорирование крымского блока текстов со стороны «континентальных укра-

инцев» объясняется тем, что крымчане всегда тяготели к России не только политически, но и в культурном и научном планах? Но, тогда чем же объясняется игнорирование «Corpus Crimean textus» и российскими исследователями? Быть может результаты работы не впечатляют? Отнюдь. Прделано крымчанами немало! С 1991 года именно крымчане обработали массу архивных материалов и провели фиксацию воспоминаний очевидцев, осуществили методологическое осмысление советской, американской и британской историографии, организовали серию научных конференций посвященных ЯК, беспрецедентную по частоте научных встреч и публикаций материалов на всем постсоветском пространстве.

Быть может банальная информационная самоблокада, отсутствие пиара и, как результат, незнание российскими и украинскими учеными ценных результатов полученных крымчанами? Возможно.

Любая деятельность и, в том числе, научная предполагает определенную институциональность. Другими словами, наличие конкретных центров, где бы разнообразные и разнородные усилия научного сообщества фокусировались для раскрытия конкретной проблемы. Относительно этого, Ялтинской конференции одновременно и повезло, и нет. В Украине, а ныне в РФ функционирует «Ливадийский дворец-музей», в котором до некоторых пор активно развивался научно-экспозиционный отдел: «Крымская конференция». За годы своего существования, а особенно во время работы Е. Н. Дорошенко и С. В. Юрченко, Ливадийский дворец стал флагманом в изучении событий февраля 1945 года. В 2010 году насчитывалось уже более десятка тематических научных конференций. Дворец начал колоссальную попытку объединить ведущих специалистов по Ялтинской конференции в рамках серии сборников. С 1996 по 2010 гг. получилось 9 научных сборников. Работники

дворца по обозначенной тематике к 2010 году напечатали более полусотни собственных статей и тезисов в периодике Восточной Европы, пять монографий, несколько сборников документов, библиографический справочник сотрудников Ливадийского дворца-музея с рядом материалов по ЯК.

Ни одна другая организация в Украине или России не могла сравниться с такой активной разработкой ЯК. Однако столь серьезная централизация исследовательских усилий, фактически возведенных в рамки деятельности одного музея, сыграла злую шутку. Вследствие выхода из музея деятельных организаторов науки, результативность изучения Крымской конференции резко пошла на спад. Исчезла авторитетная научная площадка, где ведущие специалисты могли обмениваться мнениями, выступать с докладами, активно публиковать статьи и тезисы; прекратилась и переводческая деятельность². С 2010 года Ливадия не выпустила ни одного сборника (лишь в 2015 году она стала площадкой для международного форума, скорее в формате торжественного мероприятия, чем научной конференции, да организовала своими силами лишь одну тематическую конференцию с плачевными результатами³), прекратилась работа над монографиями и сборниками документов. Отдел «Крымская конференция» сократился до двух чело-

² В свое время в Ливадийском дворце был осуществлен ряд переводов англоязычной мемуарной литературы посвященной Крымской конференции: воспоминания главы личного штаба Ф.Д. Рузвельта [Леги, 2006], мемуары директора департамента военной мобилизации [Бирнс, 2006], ряд других свидетельств очевидцев и важных документов.

³ По итогам конференции был выпущен сборник материалов [Ялта-45, 2016], кстати, первый сборник по ЯК, изданный силами Ливадии после 2010 года. Но за прошедшее время был потерян профессионализм, а возможно и кадры. Сборник несет на себе печать дилетантизма. Достаточно сказать, что ЯК (теме сборника) посвящено лишь несколько публикаций, из которых сколь-нибудь серьезную ценность имеют лишь три материала: биографический [Блинцов, 2016], локально-музейный [Агишева, 2016] и ландшафтно-краеведческий [Оранский, 2016].

век. Фактически в РФ исчез центр по изучению заявленной темы (из двух человек, оставшихся к моменту написания книги в Ливадии, ни один не имеет научной степени или звания, и лишь у одного из них профильное историческое образование с мизерным списком опубликованных работ).

Печальным фактом российской и украинской историографии Ялтинской конференции является отсутствие кандидатских и докторских диссертаций, которые бы разрабатывали заявленную тему. В Украине, за исключением книг С.В. Юрченко, не было монографий, посвященных конференции (малоизвестная книжка Г. Г. Симоненко [*Симоненко, 1995*], которая стала библиографической редкостью, и небольшой отдел в коллективной монографии [*Політична історія, 2003, с. 533-557*] в Украине – ситуации не исправляют, как не исправляет ее отдельная весьма официозная публикация уже после 2014 г. в России [*Великая Победа, 2015, с. 7-102*]). Таким образом, тематика Крымской конференции существует в историческом пространстве Украины и России в хаотическом состоянии. Государственной, или хотя бы университетской программы подготовки и воспроизводства специалистов, – нет, и никогда не было. **А значит результаты, полученные крымскими историками-международниками, краеведами и литологами попросту некому оценить.**

Однако наличие (или отсутствие) административного центра, что задает формат дискуссиям, не исключает полностью попыток рассмотреть научную проблему отдельными небольшими группами исследователей, или сугубо автономно в рамках личных персональных публикаций отдельно взятых ученых. Сами по себе эти усилия на фоне деятельности организованной науки выглядят слабыми и незначительными. Но взятые в своей совокупности, хоть и атомарно-единичные, но настойчивые попытки украинских и российских историков заявить свой взгляд на тематику – вызывают уважение.

Яркой приметой отечественной историографии Ялтинских событий является качественный состав исследователей. Дело в том, что ученые приходят к Ялте-45 из смежных областей: политическая история XX века, дипломатия Второй мировой войны и тому подобное. Чаще всего проблему не разрабатывают. Для этого нужны целенаправленные и долгосрочные усилия. К проблеме ЯК, обращаются разово в рамках актуальной юбилейной даты, или в контексте своих узкоспециальных исследований (например, установление границ между Польшей и Украиной в XX веке, где Як лишь эпизод). Все это сказывается на колоритных и своеобразных механизмах освоения темы. С одной стороны – спорадичность выступлений и небольшие количественные показатели произведений, с другой – открытость и демократичность обсуждения проблематики.

Наиболее ярко групповые усилия освоить ялтинскую тематику были совершены в рамках работы круглых столов, организованных Украинским институтом национальной памяти 16 декабря 2008 г. [*Міжнародне визнання*] и 9 декабря 2009 г. [*Формування Ялтинсько-Потсдамської системи*], а также круглых столов, организованных Российским государственным социальным университетом [*Ялта. Потсдам, 2006*], и Дипломатической академией МИД России в 2005 г. [*Ялтинская (Крымская) конференция, 2005*]⁴. По итогам круглых столов в Интернете были размещены стенограммы заседаний, а российские материалы свободны для доступа в РГБ.

Важной работой стало проведение серии научных конференций (симпозиумов, форумов, круглых столов) на базе

⁴ Определенная преемственность тематических конференций прослеживается лишь в России. Где в 2015 году прошли две мощные конференции, посвященные Ялтинским событиям [*70 лет, 2015; Великая Отечественная, 2015*]. Но, как и в случае с «ливадийской» конференцией, статей, посвященных непосредственно ЯК, в них до обидного мало, хотя уровень и качество поднятых вопросов неизмеримо выше.

Ливадийского-дворца музея. Иногда тема «Ялтинская конференция» была лейб-мотивом научного мероприятия, а иногда и «просто» важной его составляющей, причем такой составляющей, которая обеспечивает целостность смысла всех научных дискуссий:

- **1996 г.** – «Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы».
- **2000 г.** – «Ялта 1945-2000: Проблемы международной безопасности на пороге нового столетия».
- **2004 г.** – «Три подхода к войне и миру: Сталин, Рузвельт, Черчилль на Крымской (Ялтинской) конференции 1945 г. и уроки для формирования новой системы международной безопасности».
- **2005 г.** – «Дипломатия Великой Победы: итоги исследований и уроки для формирования новой системы международных отношений».
- **2010 г.** – «Ялтинская система и современный мировой порядок: проблемы глобальной и региональной безопасности».

Однако к великому сожалению ссылки ученых на материалы проведенных конференций – крайне незначительны. По видимому, это произошло в силу того, что хоть по результатам каждого научного мероприятия и выпускались сборники тезисов и статей, хоть они и широко представлены в научных библиотеках Крыма, но за его пределами представляют настоящую библиографическую редкость и малодоступны широким кругам исследователей. Кроме того указанные сборники очень фрагментарно представлены в сети Интернет, а о сколь ни будь планомерной работе по их оцифровке вообще говорить не приходится.

Среди коллективных проектов освоения проблематики украинскими историками нельзя обойти молчанием тематические выпуски журналов «Историческое наследие Крыма» (2005. – №9) и «Память веков» (2005. – №2), где был опу-

бликован блок больших статей, посвященных Ялтинским встречам «Великих старцев».

В 2011 году был предложен проект «Ялта-45», в рамках которого был открыт тематический сайт: «Исследовательская лаборатория «Крымская конференция 1945» (на первые месяцы 2018 года более чем 105 000 посетителей из 60 стран мира), проведена международная научная конференция, обнародовавшая сборник статей и тезисов [Крымская конференция, 2013]⁵.

Таким образом, в РФ и Украине в латентном состоянии существует несколько альтернативных центров, готовых масштабно и комплексно подойти к разработке тематики Ялтинской конференции. Более того, в разные годы предпринимались спорадические попытки организовать обсуждение сугубо «Ялтинских» вопросов. С учетом сегодняшнего дня их работа представляется важной и требующей пролонгации.

Кроме организованных штурмов (как правило, приуроченных к юбилейным датам и проводящихся в формате относительно небольших, но прекрасно организованных конференций) Ялтинской проблемы существует целый спектр единичных попыток раскрыть отдельные проблемные

⁵ Практика проведения конференций была продолжена и в годы «Российского Крыма», получив существенную помощь от академических кругов Российской Федерации и некоммерческих организаций, плотно занимающихся историей Второй мировой войны. Тематика проводимых форумов приобрела размах и качественный научный уровень, вот перечень проведенных мероприятий: «ЯЛТА-45/14 Ялтинские соглашения 1945г. в истории войн, идеологии, политики и дипломатии XX века», «ЯЛТА-45/15 (перспективы «Ялтинских соглашений» 70 лет спустя)», «ЯЛТА-45/16. Феномен международной дипломатии в истории военных конфликтов», «ЯЛТА-45/17.

Политическая история XX века как цивилизационный дискурс». Более подробную информацию смотри на сайте конференции: <http://yalta-45-17.mya5.ru/>

локусы темы⁶. Среди них следует отметить усилия крымских исследователей в области материального обеспечения Крымской конференции [Акулов, 1993], общего исторического краеведения [Гуркович, 1995-А], приема делегаций в Западном Крыму [Юдина, 2005], обеспечения безопасности Большой тройки [Туляков, 2004]. Довольно колоритно и ярко проявили себя специалисты из континентальной части Украины [Віднянський, 2005; Курас, 2005; Кудряченко, 2010; Підберезних, 2011; Кульчицька, 2013]. Собственно, в России вышли интересные работы по тематике, связанной с охраной Крымской конференции [Кокурин, 1993; Девятков С., Жиляев В., Кайкова О., 2011; Христофоров, 2013], Дальневосточному вопросу [Славинский, 1996; Лузянин, 1996; Кошкин, 2003], дискуссии с американским истеблишментом [Печатнов, 2000], или поднимающие важные иностранные архивы, не попадавшие в орбиту советско-российско-украинских исследователей [Михайленко, 2010]⁷.

Усилия этой группы ученых, как правило, не связанных единым проектом, – в своей совокупности составляют значительное количество работ и свидетельствуют о неугасаемом интересе к Ялтинским студиям. Более того, вся совокупность работ о Ялте-45 очень четко распадается на два больших блока, внутри которых есть четкие демаркацион-

⁶ В данный, сильно ограниченный перечень не вошли авторы, которые публиковали свои материалы как участники тематических конференций, посвященных ЯК, а также авторы, затрагивавшие ЯК в качестве разделов или подразделов своих монографий, диссертаций или научно-популярных брошюр. Полный обзор периода будет произведен в уже не раз упоминавшейся второй моей монографии. Нынешняя цель лишь наметить основные векторы развития и эксплуатации советского тела универсалии ЯК.

⁷ Традиции разового или же двух, но не более чем трехразового обращения к ялтинской тематике российские эксперты продолжают и после 2014 года, таковы, например, авторы текстов о газетных публикациях [Канинская, 2015], балканском узле на ЯК [Тимофеев, 2015], вопросах репараций, обсуждавшихся в Ливадии [Афгани, 2016], и многие другие.

ные линии между группами исследователей. Появились они стихийно, но в данный момент они безусловный факт, который стоит учитывать при анализе проблемы ЯК. Называть их школами – преждевременно. Скорее речь идет о перспективах, которые имеют потенциал оформиться в колоритные национальные школы.

Прежде всего, это блок, условно названный «Крымчане». Для данного блока крайне характерна публикация брошюр и монографий, стремление создавать тематические сборники, организовывать конференции. Изюминкой любой работы этого блока является публикация уникальных архивных документов; стенограмм воспоминаний участников событий февраля 1945 г. Тематика вопросов, которые поднимаются, характеризуется стремлением комплексного и всестороннего рассмотрения проблемы, как на уровне геополитических игр, так и на уровне микроисторических фактов. Это направление динамично развивает традиции, заложенные в советском направлении «Предметники» и частенько переходит в полосу «Теоретиков». Внутри блока есть две группы исследователей. Одни из них – «краеведы». Группа находится под влиянием советских работ С. Шантыря [Шантырь, 1974; Шантырь, 1979; Шантырь, 1985] и работ, задуманных на излете советского времени, но окончательно оформившихся в первые годы после его развала [Гуркович, 1995-А; Юдина, 2005]. Их основное отличие, это стремление к живой истории. Публикация и анализ устных рассказов очевидцев Ялтинских встреч 1945 г., частных архивов, работа по уточнению микрофактов. Среди них следует отметить статьи, посвященные материальному обеспечению Ялтинской конференции [Акулов, 1993], географии пребывания Ф. Рузвельта в Крыму [Павленко, 1996], вопросы охраны Ялтинской конференции [Туляков, 2004], прием делегаций в Западном Крыму [Юдина, 2005], посещение У. Черчиллем Балаклавы [Иванов, 2010]. Вторая группа это «Ливадийцы». Их особенность – стремление к анализу

предпосылок и последствий Крымской конференции как исторического события мирового уровня. При этом стандартом работ является связывание микрофактов конференции с глобальными последствиями в масштабах Европы и Азии [Юрченко, 1999; Юрченко, 2005-А; Юрченко, 2010; Дорошенко, 1999; Шамрин, 2005; Шевченко, 2010]. Безусловным лидером направления стоит признать профессора С. В. Юрченко⁸.

Вторым крупным блоком выступают так называемые «Континенталы». Это ученые из городов континентальной части Украины. В основном, свои работы они оформляют в научные и научно-популярные статьи. Чаще всего, исторический дискурс их статей имеет черты политологического и публицистического стиля изложения материала. Цель их работ, вне зависимости от жанра или характера публикации, раскрытие вопроса: «Украина и Крымская конференция». Методологические практики достижения этой цели разнятся. Для одних – «Международников» – это рассмотрение геополитических стратегий США, СССР, Великобритании и их влияние на судьбы Украины. Много внимания уделяется изучению статуса Украины как страны-основательницы ООН [Кудряченко, 2005; Підберезних, 2011; Кульчицька, 2013]. В работах других – «Автономистов» – сама конференция и все события, связанные с ней, рассматриваются с точки зрения интересов Украины. В этом случае все события вне связи с украинским вопросом игнорируются. Особые усилия направлены на изучение «граничного вопроса» с Польшей. Что дает возможность сфокусировать все внимание автора и читателя на исключительно украинской тематике конференции [Політична історія, 2003; Віднянський, 2005; Курас, 2005].

Третий крупный блок это «Россияне». Данная группа исследователей работает, как правило, в рамках юбилейных

⁸ На момент написания книги Сергей Васильевич занимает должность проректора по международной деятельности и информационной политике Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского.

дат и их публикации «заточены» под конкретную тематику, к которой они в дальнейшем не возвращаются (смотри несколько страницами выше).

В общем и целом, учитывая итоги развития всех трех блоков: «Крымчан», «Континенталов» и «Россиян», следует признать, что:

- попытки проведения тематических конференций посвященных Ялте, и публикация материалов по ним увенчались – неудачей. Из опубликованных тезисов и статей, собственно Ялте посвящено не более четверти, остальное – около ялтинские публикации. Ссылок на указанные материалы и опубликованные в них тексты – практически нет (хотя можно насчитать более двух десятков таких конференций, круглых столов, и семинаров, проходивших в Ялте, Симферополе, Киеве, Москве и Екатеринбурге);
- обстоятельных монографий и сборников документов вне классической схемы, начатой еще в советское время и доведенной в 2010 году до практического совершенства (а значит и статистики) – нет;
- отсутствуют сборники документов по микроистории, в которых бы обобщались уже имеющиеся, но разбросанные по разным книжкам и сайтам публикации, мемуарная литература по ЯК так и не собрана в единый пухлый том с серьезным научным аппаратом;
- о библиографических сборника, словарях персоналий-участников конференции – не приходится и мечтать;
- основой для цитирования авторами являются в основном советские публикации документов и теоретические труды.

Также с печалью хотелось бы акцентировать внимание, что в современной (вплоть до сегодняшнего 2018 года) Российской позиции к «Ялтинскому миру» отсутствуют сколь-нибудь серьезные работы по разработке теорети-

ческого осмысления этого феномена. То есть, нет теоретических работ, в которых бы на основе вновь изданных документов переосмысливалось бытие ЯК. Для гносеологических и мировоззренческих лекал статей или глав монографий востребовываются отдельные куски историософии Ялты советского периода. Они служат общей концептуальной канвой исследований, но уже без понимания той целостности, откуда черпается отдельный теоретический материал.

Историософия ЯК в своих четырех чертах и двух принципах (смотри пятую главу) продолжает существовать в современных российских публикациях. Масштабный Ливадийский форум 2015 года, а также мой опыт проведения конференций убеждают, что созданная в советское время схема весьма крепка и устойчива, но вполне подвержена тактическим изменениям с учетом происходящих событий. Многочисленные заявления о необходимости новой Ялты, о необходимости «Ялты-2» вновь и вновь подтверждают, что Ялта жива до сих пор, как живы идеи, что главное в Ялте, это ее мудрость и диалог. Черта личной заинтересованности в Ялте значительно потускнела, но серия блестящих теле-репортажей и массовая републикация воспоминаний рядовых сотрудников конференции ее слегка реанимирует.

Четвертая черта – разовость публикации по Ялте – до сих пор актуальна. Остались неизменны и принципы. Ложь/ правда. Так в 2010 г. опубликованы факсимиле документов Ялты... но не полностью, опущены почему-то личные пометки, сделанные рукой и. Сталина на документах. Причем пометки поддаются расшифровке, но в издании приведены не были [*Ялта-45, 2010, с. 277*]. Почему не приведены? Быть может, рано о некоторых пометках говорить? Но и лгать совсем не хорошо. МИД РФ рассекретил ряд материалов служебного характера и предоставил общему пользованию (см. примечание к третьей главе), но почему нет единого сборника, как это было сделано, скажем, по отношению к рассе-

кренным данным о внешней политике СССР в Польше? Почему публикация документов идет строго дозированными и строго отмеренными порциями? Вероятно, работает первый принцип историософии, сформированный во времена СССР. Всеохватность также является важным моментом публикаций, правда она сместилась в область газетных и научно-популярных изданий, но и в серьезных трудах все еще заметна, хотя и не столь значима, как раньше.

Большой потенциал украинских историков, продемонстрированный как в проектах Ливадийского дворца-музея, так и осуществлявших научные мероприятия в Киеве – остается не востребованным даже внутри Украины. Без ясного проекта, ориентированного на воспроизводство специалистов с кандидатскими и докторскими степенями, публикации серии монографий – украинские самобытные научно-исторические школы так и застыли на уровне предпосылок и возможностей. Они становятся рабски зависимыми от мистически ориентированной историографии Запада и стремительно теряют геополитичность, замыкаясь в своей локальной украинской местечковости. В этом смысле очень похожие традиции происходят в румынском подходе к ЯК [*Назария, 2015*]. Говорить о сколь-нибудь серьезных перспективах – не приходится, речь будет вестись о перепечатке на Украине устаревших еще в 70-ые годы концепций западной историографии, которая подменяет, если уже не подменила оригинальные украинские исследования.

РФ активно возрождает схему историософии Ялты и в условиях геополитической напряженности реанимирует законсервированные схемы идеологического ответа на удар цивилизационной булавы Запада. Срочно отряхиваются от академического нафталина субуниверсалии власти и грудой сваливаются в публикациях, втискиваются в телепередачи и научные тезисы. В результате то, что смотрелось изысканно, красиво, элегантно и функционально в советских тек-

стах, после описанной выше «модернизации» смотрится очень нелепо и неуклюже, особенно в реалиях первой четверти века XXI века. Подчеркну, *отсутствие качественной школы «Ялтинцев»⁹, небрежность с документами, не знание современных западных выпадов против ЯК, делают эту работу в высшей мере неэффективной и унылой.* Другими словами сейчас в Российской Федерации нет собственного (читай современного) видения ЯК. Отсутствует методика, технология и проектная деятельность по выделению тела универсалии власти ЯК в разряд квазижизни. При обращении к ЯК используются методики реанимации отдельных субуниверсалий ЯК как в формате «Гринберг», так и в формате «Мердок». Но вне своей органической совокупности эти отдельные субуниверсалии уже нежизнеспособны и обречены на вполне оправданную и эффективную критику со стороны все усиливающегося Западного мистицизма ЯК.

Вероятно, необходима правительственная программа, которая была бы способной скоординировать усилия специалистов по Крымской конференции в русле тематического журнала или международного исследовательского центра¹⁰. Как показал пример Ливадийского дворца-музея, частные попытки отдельных учреждений или групп ученых создать такой координационный центр в долгосрочной перспективе – малоэффективны, а в условиях современного глобализирующегося мира и бесперспективны.

⁹ То есть системно подготовленного корпуса специалистов, чьи научные интересы лежат в сфере осмысления и (отчего нет?) воссоздания универсалии власти ЯК. Корпуса, который последовательно готовится со скамьи магистров, через кандидатские и докторские страдания, посредством коллективных монографий и устойчивой серии научных конференций.

¹⁰ Один из таких проектов активно обсуждается на разнообразных дипломатических и научных площадках [Наумов, Савойский, Шевченко, 2016]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Затянувшийся триумф обезоруживает триумфатора
Синявский Вадим

В современном мире трудно найти человека, который бы не слышал броских ярлыков одного из событий прошлого: «Ялтинский стовор», «Ялтинские соглашения», «Рузвельтовская погода». И совсем уж мало ученых – историков, философов и политологов, которые бы, ведя разговор о глобальных событиях XX века, хотя бы не упоминали о Крымской (Ялтинской) конференции 1945 г. И это совершенно оправдано. Ведь Ялтинские переговоры привели к структурному изменению баланса сил в политическом пространстве мира, перекроили границы многих государств Азии и Европы, привели к созданию Организации Объединенных Наций (ООН). Безусловно, влияние этого события вполне отчетливо прослеживается, и по сей день, от использования права «Вето» до дипломатических консультаций между РФ и Японией вокруг некоторых островов Курильской гряды. Любой историк и политолог легко проведет десятки логических цепочек протянутых от ЯК к сегодняшним геополитическим реалиям, причем в результате такой работы они окажутся завязанными в тугой узел современных военно-политических и социально-экономических конфликтов.

Но кроме этой очевидности имеет место быть и очевидность иного плана: в настоящее время следует признать, что «Ялтинская конференция», это – событие прошлого. И как любое прошлое оно объективно, предметно – исчезло из физического пространства. Как активная реальность она,

ЯК, не существует, а творцы этой реальности, как физические тела, вне сомнения, уже не функционируют, да и некогда возглавляемые ими политические институты кардинально трансформировались в иное качество. Единственное, что существует в дне сегодняшнем из практик прошлого – это руины понятий, концептов, смыслов, которые мы можем раскапывать подобно археологам, извлекающим из-под тонн земли отдельные артефакты, и *конструируя* на их основе модели прошлой реальности. Но раз за разом мы оказываемся в ситуации, когда этот очевидный факт наталкивается как со стороны лидеров НАТО (желание похоронить Ялтинскую конференцию), так и со стороны ряда официальных лиц России (рано хоронить Ялтинскую конференцию), на ситуацию вечно живого настоящего, по реестру которого, проходит Ялта-45. Впрочем, стоит отметить, что ЯК занимает особую позицию в этом реестре. Оказывается ее, ЯК, надо либо похоронить (а до этого желательно ликвидировать, что и делалось в годы всех крупных юбилеев ЯК политиками и историками Запада с завидной регулярностью), либо обезопасить (вывести из комы, дать оправиться после болезни, восстановить в формате «Ялты-2», перезагрузить).

Такая исключительная живучесть «Ялтинских смыслов», их исключительная роль в играх власти – беспрецедентна. По сути, ЯК и процессы, связанные с ней, выступают как великолепная лаборатория изучения специфики власти в XX веке, причем обращение к событиям, происходившим на Южном берегу Крыма в феврале 1945 года, сохраняет актуальность не только с позиций сугубо научных, но и актуальность с точки зрения вопросов геополитических. Очень четко данная мысль была высвечена в обращении участников круглого стола «Ялта 1945–2018: исторический опыт и новые вызовы», среди которых большую часть занимали именно политически значимые персоны: «Сформированный в Ялте

миропорядок не идеален, не всегда обеспечивал справедливый исход внешнеполитических процессов, но *он делал мировую политику предсказуемой и позволил избежать глобального столкновения мировых держав, которого человечество могло бы не пережить.*

Опыт творцов «Ялтинского мира» особенно актуален сегодня (курсив – мой О.К.). Для ситуации, в которой сейчас оказался мир, характерны дефицит стабильности, отсутствие системного диалога между представителями современных мировых центров силы. Это вызывает большую тревогу, поскольку с каждым днем набирает силу новое абсолютное зло, угрожающее всему человечеству, – мировой терроризм. На наших глазах он переходит в новое качество: от подпольных сетевых структур – к попыткам создания террористических государств. Помимо этого существует целый ряд глобальных проблем, бросающих вызов человечеству и требующих всеобщего объединения для нахождения путей их решения.

Глобальные угрозы *требуют новой консолидации и коалиции ведущих держав, вокруг которых могло бы сплотиться всё мировое сообщество (курсив – мой О.К.).* Не изнуряющая борьба за мировую гегемонию, а согласованная работа по преодолению глобальных вызовов должна стать основой международной политики. *И опыт Ялтинской конференции 1945 года доказывает, что такая политика возможна (курсив – мой О.К.).*

Однако построение такой политики, создание эффективной системы будущего мироустройства без участия России невозможно. *Россию нельзя победить, заставить или игнорировать. Этому учит нас опыт всего XX века (курсив – мой О.К.), такова и современная политическая реальность» [Обращение, 2018].*

Причины столь феноменальной живучести Ялтинской конференции, не окончившейся до сих пор (с философской

точки зрения, да и с геополитической, по-видимому, тоже) кроются в природе власти. Последняя, как реальность никогда не существует в настоящем, она располагается либо в будущем, либо в прошлом¹. В данном смысле власть это всегда мертвое прошлое. Она не имеет жизненных сил и не может проходить по реестру живого, динамичного, открытого. Власть и бытие власти это мертвое прошлое, которое получает псевдожизнь во властном процессе настоящего. *Власть получает иллюзорную жизнь исключительно в нашем ситуационном понимании: что она власть есть такое и где «Я» есть в этом властном пространстве.* Это мертвые клетки, которые Человек с усилием забрасывает в будущее. И когда будущее приходит, то процесс нашего осмысления, понимания, восприятия власти становится прошлым, мертвым прошлым власти. Процесс власти превращается в мертвую статику истинного бытия власти, которую в следующее мгновение мы гальванизируем ради сиюминутных интересов.

Вот этот самый процесс гальванизации на протяжении 1945-1991 годов прекрасно явлен на примере дискурсов Ялтинской конференции. Он представляет собой исключительную по своей важности лабораторию механизмов диффузии псевдожизни власти в конструкторы социума, ис-

¹ Женщина, Верховный правитель России, государство, член ОБСЕ, товарищ Швондер – все они попадают в поле власти только с того момента, когда осознают себя включенными в процесс власти, когда вступают в игру «Господин и Раб», либо в более мягкой форме в отношении «Господства и Подчинения». Но процесс власти не может начаться спонтанно с неуловимого мгновения настоящего, он всегда начинается когда-то (прошлое) и завершается когда-то (будущее). Будущее при этом всегда крайне смутно, но вот прошлое, как источник власти, всегда открыто участнику власти. Другое дело, как фиксируется это когда-то (прошлое). Тут может иметь место понимание, сформированное участником власти самостоятельно, а может быть и эмоциональный настрой навязанный извне.

кусства, человека и т.п. После 1991 года бытие тела универсалии власти «ЯК» подвергается трансформации, но, как показала вышеприведенная обширная цитата, отнюдь не исчезает.

В главах книги показаны конкретные механизмы, при помощи которых власть воспроизводит себя в форматы псевдожизни. Подчеркну, что подобная, говоря словами М. Фуко, стратегия понимания исчезнувшего прошлого была характерна как для СССР, так и для его визави. Бывшие Союзники по антигитлеровской коалиции стали использовать две весьма разные стратегии наделения Ялты-45 статусом псевдожизни. Американцы пошли по пути создания цикла мистификаций, ярко выраженного мистического треша. И создав такой образ, стали с ним же яростно бороться. Классическое название из цикла американского наследия постижения Ялты-45, выглядит примерно так «The Ghosts of Yalta Still Haunt the World»² [Ebeling, 2015]. Советская власть, в отличие от англо-американской, пошла по иному пути. Она стала выстраивать восприятие ЯК как существенной основы своей советской историософии, она ушла от исторического или историографического описания Ялтинских событий, направив свои основные усилия на создание монументального строения историософского бытия, без прошлого и будущего, с вечно длящимся настоящим.

В первой главе я выделил пять волн, характерных для формирования стратегий понимания Ялты. Пять волн, в которых группируются точки дифракции, точки эквивалентности и сцеплений определенной систематизации³: в

² Призраки Ялты все еще преследуют Мир.

³ Данные термины в значительной мере условны, да и сам М. Фуко весьма свободно обходился с «железной непротиворечивостью» в своих текстах. В моем исследовании методология, изложенная в «Археологии гуманитарного знания», явилась не столько инструкцией, сколько ориентиром для отбора и систематизации фактов ЯК, с последующим

диапазоне от собственно Ялтинской конференции до такого понятия как справедливость. Волны сохраняют свою актуальность в качестве процесса, характерного для планетарного восприятия ЯК. Что касается фрагмента, связанного с советской властью, то, конечно, волны-этапности тут выглядят несколько по-другому и имеют свой колорит, подобно тому, как процесс наката волны характерен для всего океана, стремящегося смыть некий берег, но для локального участка острова Гуам – этот процесс имеет свои особенности. В данном случае имеют место быть разные воплощенные процессы, объединенные одной сутью.

Первым этапом инкорпорации исторического события в историософскую структуру событийности следует признать краткий этап февраля-марта 1945 г. Основную роль в ее формировании задали журналисты и эффектные речи на политических мероприятиях США, Великобритании, СССР. В подавляющей массе это создание архетипов справедливости, взаимопонимания и уверенности в будущем как ключевых эмоций «Рузвельтовской погоды» в мировой политике. Причем данные усилия были характерны как для Запада, так и для СССР. Изюминкой этапа было массовое включение искусства в формирование идеальных образов: это и фильмы, и газетные фельетоны, и даже почтовые конверты [Шевченко, Пигулева, 2013]. Жесткий идеологический отпор был получен лишь со стороны Берлина – «Ялтинский меморандум Риббентропа» и Токио (ряд едких сатир центральной прессы Японской империи). В это время формировалось тело универсалии, основные фразеологические обороты, выстраивались субуниверсалии властной реаль-

их переводом в форму выводов, более приемлемых, нежели уникальный авторский язык французского мыслителя. Однако в полной мере оценить проделанную в монографии работу возможно, только учтя факт опоры моей методологии на творчество М. Фуко. Опоры, но никак не ограничивая себя его текстами.

ности; в осмысление и восприятие событий власти вовлеклись миллионы человек.

Второй этап – время войн мемуаров второстепенных участников конференции. Это время 40-70-ых годов XX века. Основная задача – создание цельного монолитного образа Ялты для Запада и фрагментарного, но слепящего и яркого контура для граждан СССР. Цельный образ Запада – это Ялта-зло, Ялта-поражение, Ялта-пролог Фултона, Ялта-предательство. Для советских граждан – Ялта – позитив, мудрость, честность, справедливость в поступках советской делегации. При этом легкое (прекрасно видимое) лукавство и шантаж со стороны так называемых союзников. Эти цели достигались цитированием мемуаров У. Черчилля, Г. Гарримана, А. Идена, Ч. Боллена, У. Легги, публикацией мемуаров Э. Рузвельта, Р. Шервуда, Н. Кузнецова, А. Громыко, И. Майского и т.д. Основной прием – формирование абсолютного чувства доверия к непосредственным свидетелям событий и публикуемым сборникам документов. Крайне активно использовалась технология выраженная в по следующей схеме:

1. Эмоциональный окрас факта.
2. Пример отрицания решения Ялты в современной автору политической реальности Запада при помощи двух-трех (иногда четырех-пяти) логических переходов.
3. Создается доказательная база макрособытия (например, польского вопроса) при помощи микроистории (например, нервного поведения Черчилля за столом переговоров).
4. Эмоциональный окрас факта-2, как закрепления заложенного образа в пункте 1.

Таким образом, собственно жесткий исторический текст подменялся искусной риторикой, жонглированием официальными документами, заигрыванием с беллетристикой при обилии ссылок на историю повседневности и бытового опи-

сательного краеведения, без существенного анализа причин явления и хода его исторического осуществления. Последние, впрочем, все-таки присутствовали, но в специализированных изданиях, малоизвестных, и редко читаемых не специалистами. К тому же, таких текстов было ничтожно мало, и они тонули в основных публикациях, описанных выше.

Это стало настоящим триумфом власти. Начавшееся распадаться в начале 50-ых годов, тело универсалии было восстановлено, реанимировано и наделено всеми атрибутами властной псевдожизни. Более того, ЯК в эти годы служит мощным оружием, инструментом для игр на поле власти между СССР и его противниками по Холодной войне. Создается иллюзия, воспринимаемая как реальность, о вечном настоящем ЯК. Она актуализируется во время юбилеев, во время политических переговоров, в рамках реакции на выход очередных мистических триллеров о ЯК со стороны американских экспертов.

Третий этап – 80-90-ые годы – массивированный наплыв научной и псевдонаучной литературы. Сохраняется цель идеологической борьбы, но доказательная база доверия переносится в раздел «чистой» науки. (На этом этапе активно включаются резервы научного познания, в т.ч. и структурно-семантические, узко филологические штудии текстов договоров, пунктуации, смысловые игры при сравнительном анализе русских и английских документов, правда происходит это уже на сломе Советского Союза [Черевко, 1992]). Огромная роль в обосновании выводов сводится к бескомпромиссному уверению абсолютной правдивости источников автора. Критический анализ отсутствует и подменяется императивными утверждениями, закрытыми броней авторитета автора. Одновременно в этом этапе власть теряет статус псевдожизни и начинает стремительно уходить в область научной эмпирики, дипломатических анекдотов, формальных лозунгов. Со стороны Запада усиливают-

ся кличи к искоренению Ялты, к ее похоронам, избавлению от призраков Крымской конференции.

Резюмируя итоги развития трех этапов, следует вывести следующее заключение: советский историософский каркас универсалии власти ЯК уместается в двух принципах: правда/ложь (частичная правда всегда предпочтительней лжи, частичной лжи или абсолютной правды) и всеохватность (попытка в одной, пусть и небольшой публикации поднять все аспекты ЯК). Они основополагающие, стержневые конструкции. На этих двух вертикалях наматываются узлы четырех черт:

1. Крымская конференция это историософское событие, имеющее начало, но не имеющее завершения.
2. Ключевыми для абсолютизации события являются общие принципы проведения ялтинской встречи, а не юридические формулы, именно мудрость, а не соответствующим образом оформленные документы – основа для осознания значимости Ялты. Ялтинская конференция это надежда и мечта. При этом такая надежда и мечта, которая, раз воплотившись, продолжает бытийствовать и поныне. После 1945 г. она никогда не достигала абсолютности своего существования в эмпирическом мире, но ее почти мессианское воплощение, как круги на воде от брошенного камня, продолжают жить и поныне. Начиная с 70-ых годов, активизируется надежда на новое пришествие Ялты, появление новой точки бифуркации общепланетной истории, надежды, которые к началу 80-ых все более тускнеют и постепенно исчезают. Нового пришествия не будет, но мечта и тоска по бывшему остается, как остается понимание зависимости всех сегодняшних геополитических событий от ялтинского диалога 1945 г.
3. Крымская (Ялтинская) конференция 1945 г. это событие, которое касается всех, любой житель СССР

и стран Восточной Европы сопричастен к нему. Историософия ЯК строится как система личной значимости события для каждого.

4. Отсутствие продолжительной серии публикаций (за исключением Л.Я. Гибианского) или авторов, целенаправленно занимавшихся ЯК. Как правило, автор пишет одну-две работы по Ялте и более к ней не возвращается. По сути, ЯК это поле великолепных профессионалов в международных отношениях ВОВ и мажорных дилетантов в собственно ЯК.

Четвертый этап – начало века XXI. Ранее Ялта выступала как системообразующий долгосрочный фактор идеологической системы. Но уже в 90-ые годы стало очевидным, что она не может выступать как система организации массового политического сознания. Стали проявляться «шараханья» смыслов: от полного отрицания результатов конференции (польский вариант) и сентиментальных образов дипломатического форума (больное сердце Рузвельта, алкоголизм Черчилля), до фанфарных текстов о полной политической победе советской дипломатии в феврале 1945 г... Зачастую в одном и том же труде (монографии, учебнике) на разных страницах уживались эти разнообразнейшие смыслы. Исторические школы Запада, России и Украины перестали различаться по идеологическому признаку. Вновь активизировалась журналистика с весьма острым, но узким подходом к проблеме Ялты. Масштабность и всеохватность стали фактом историографии прошлого. В Украине возрастает система закапсулирования смыслов в украинском сегменте проблемы, в РФ восстанавливаются историософские схемы СССР, но не в классических образцах, а значительно модернизированных и измененных, но в них еще можно увидеть прежнюю историософскую реальность. Представлялось, что ЯК действительно отошла в прошлое, но события 2014 года вновь возродили ее тело со

всеми советскими и американскими субуниверсалиями к жизни.

Ныне в РФ предпринята широкая компания по публикации целого спектра «технической» документации о Ялте [К 70-летию, 2015], насыщенных пикантными дипломатическими подробностями (понятными лишь экспертам) и яркими страницами бытовых сцен пребывания английской и американской делегации в Крыму. Последняя широкая компания была осуществлена в октябре 2017 года публикацией: «Зачистить все в радиусе 20 километров и выставить три кольца НКВД: секретный документ о подготовке к Ялтинской конференции» [Легейдо, 2017]⁴.

Все это приводит к мнению, что в настоящее время речь идет о историософской переоценке идеологического статуса Ялты и формирования новой платформы мнений, пускай, и в очень неуклюжем виде (смотри главу семь). Причем собственно борьба за политические смыслы не прекращается, просто сместились акценты и ключевые концептуальные акторы смыслов.

⁴ Информация, изложенная в данном документе, была известна и ранее. Но как в этом случае, так и в ряде иных, впервые на суд читателей представляются оригиналы документов, что повышает эмоциональный уровень восприятия данных и значительно сокращает пространство между «Своим» и «Чужим» (а зачастую и снимает это противоречие). Ведь ситуация, когда историческое событие воспринимается, как «Чужое» внешнее по отношению к читателю – характерна при отсутствии оригинал-источников этой самой ситуации. При их же наличии велика вероятность включения читателем излагаемого исторического события в сферу личного, почти интимного, одним словом «Своего» пространства.

ПРИЛОЖЕНИЯ
Тексты политиков, публицистов,
писателей, общественных деятелей
и организаций, посвященных
Ялтинской конференции 1945-2018 гг.

Из послания Ф. Рузвельта – И. Сталину
(получено 13 февраля).

«Покидая гостеприимные берега Советского Союза, я желаю еще раз сказать Вам, как глубоко я благодарен за многие любезности, которые Вы оказали мне, когда я был Вашим гостем в Крыму. Я уезжаю весьма ободренным результатом совещания между Вами, Премьер-Министром и мной. Народы мира, я уверен, будут рассматривать достижения этого совещания не только с одобрением, но и как действительную гарантию того, что наши три великие нации могут сотрудничать в мире также хорошо, как и в войне» [*Крымская конференция, 2006, с. 205*].

Из послания У. Черчилля – И. Сталину от 17 февраля
1945 года (получено 18 февраля).

«От имени Правительства Его Величества выражаю Вам горячую благодарность за гостеприимство и дружеский прием, оказанные британской делегации на Крымской конференции. На нас произвело глубокое впечатление большое искусство организации и импровизации, благодаря которым конференция протекала в такой приятной и располагающей обстановке, и мы все храним самые счастливые воспоминания о ней. К этому я должен добавить личное выражение моей благодарности и признательности. Ни од-

на из предыдущих встреч не показала с такой ясностью тех результатов, которые могут быть достигнуты, когда главы трех правительств встречаются друг с другом с твердым намерением смело встретить трудности и преодолеть их. Вы сами сказали, что сотрудничество было бы более трудным, если бы не существовало объединяющих уз борьбы с общим врагом. Я исполнен решимости, так же как Президент и Вы, как я уверен, не допустить после победы ослабления столь прочно установившихся уз дружбы и сотрудничества. Я молюсь о даровании Вам долгой

жизни, чтобы Вы могли направлять судьбы Вашей страны, которая под Вашим руководством показала все свое величие, и шлю Вам свои наилучшие пожелания и искреннюю благодарность» [*Крымская конференция, 2006, с. 206*].

Из послания И. Сталина – У. Черчиллю от 20 февраля
1945 года.

«Получил Ваше послание от 18 февраля. Очень рад, что Вы остались довольны условиями в Крыму». [*Крымская конференция, 2006, с. 206*]

Белов Василий
Привычное дело.
(1966г.)

«...Значит, оне в те поры собранье – комитет проводили, что да как решали, как войну завершить и как дальше делу быть. Ну, это дело такое, все время за столом не высидишь, пошли отдохнуть, в палисаде и скамеечки крашенные для их приготовлены. Сидят оне, отдыхают, перекур вроде. И разговорились, друг мой, насчет Гитлера. А что, робята, говорят, ежели бы нам сейчас этого Гитлера сюда залучить, чего мы с ним, сукой, сделали? Какую ему, подлюге, казнь постановили?

Федор переставил ведро с окуном, покашлял.

– Да. Англичей – Черчилль, значит, говорит, что надо бы его, вражину, поставить перед всем народом да на перекладине и повесить, как в старину вешали, чтобы неповадно другим было. «А вы, – спрашивает, – вы, господин американской Рузвельт, как думаете?» Рузвельт это подумал и отвечает, что нечего с Гитлером и канитель разводиться. Пулю в лоб, да и дело с концом, чем скорее, тем лучше. Да. Доходит, значит, очередь нашему русскому Сталину говорить. Так и так, а вы как, Иосиф Виссарьевич? Сталин трубку, значит, набил и говорит: «А вот что, товарищи, я сам это дело не буду решать, а давайте мы у часового вон спросим. Позвать, – говорит, – сюда советского часового». А часового на посту стоял в кустиках. Значит, охранял начальство. Прибежал, доложил по уставу. Так и так, товарищ Сталин, прибыл боец такой-то. По стойке «смирно» встал, ждет, чего дальше будет. «Чего ты, братец, – спрашивают, – чего бы с Гитлером сделал, ежели бы он сейчас в наших руках был?» Солдатик говорит, что надо сперва этого Гитлера изловить, а потом бы уж говорить. «Ну, а все ж таки, ежели бы он пойман был», – спрашивают. «А я бы, – говорит, – вот что сделал. Я бы, – говорит, – первым делом взял кочергу от печки». – «Ну?» – спрашивают. «Вторым делом, – говорит, – я бы эту кочергу на огне докрасна накалил». – «Ну?» – «Ну, а потом бы и сунул эту кочергу прямо Гитлеру в задницу. Только холодным концом сунул бы». – «Это почему, – вожди-то спрашивают, – холодным?» – «А это, – говорит, – чтобы союзники не вытащили»¹.

Сиполс В. Я. Чельшев И. А.
Крымская конференция. 1945 год.
(1984 г.)

«Реакционные американские публицисты вспомнили о Крымской конференции в связи с событиями в Польше

¹ http://www.e-reading.club/chapter.php/105308/14/Belov_-_Privychnoe_delo._Rasskazy.html

в начале 80-х годов. Это было составной частью предпринятого США похода против социалистической Польши, преследовавшего цель ликвидировать в ней социализм, восстановить капиталистический строй и вновь превратить Польшу в антисоветский форпост империализма. В связи с этим была развернута критика решений Крымской конференции относительно создания польского временного правительства национального единства. В ФРГ снова подняли вопрос о западных границах Польши, стали раздаваться реваншистские призывы. Советский Союз энергично защищал интересы Польши на Крымской конференции. Он оказал польскому народу большую помощь в восстановлении экономики страны, разрушенной войной, в становлении новой, социалистической Польши. Польская Народная Республика является членом содружества социалистических государств, которые оказывают ей полную поддержку. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии было твердо заявлено: «...социалистическую Польшу, братскую Польшу мы в беде не оставим и в обиду не дадим!»²?

Естественно, что между государствами, принадлежащими к различным социальным системам, существовали и существуют, определенные противоречия, в том числе идеологические. «Мы исходим из того, что историческое соревнование двух общественных систем, борьба идей — явление вполне закономерное, вытекающее из самого факта существования социализма и капитализма, — подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов. — Но мы решительно против того, чтобы это историческое противоборство направлялось к свертыванию мирного сотрудничества и тем более переводилось в плоскость ядерной войны».

Устранить угрозу новой мировой войны, предотвратить ядерную катастрофу, нависшую над человечеством, сохра-

нить мир — нет сейчас более важной задачи для всех народов. Предложения Советского Союза и других стран социалистического содружества по сокращению ядерных и других вооружений, по укреплению безопасности в Европе и во всем мире отчетливо свидетельствуют о глубоком стремлении социалистических государств к миру.

Однако этот миролюбивый курс стран социализма встречает ожесточенное сопротивление со стороны империалистических сил, в первую очередь Соединенных Штатов Америки, правящие круги которых не оставили мысль о том, чтобы путем безудержного наращивания вооружений добиться военного превосходства над СССР, попытаться сокрушить его силой. На этот опасный путь американская администрация настойчиво толкает и своих западноевропейских союзников, вынуждая их во имя «атлантической солидарности» предоставлять свои территории для размещения американских ядерных ракет. Военные стратеги из Пентагона готовы подвергнуть европейских членов НАТО серьезному риску, подрывающему их безопасность и во много раз усиливающему угрозу ядерной войны в Европе.

Советское правительство в своем заявлении от 28 мая 1983 г. подчеркнуло: «Долг всех государств — найти решение неотложных задач ограничения и сокращения вооружений, прежде всего ядерных, вернуться на путь разрядки — политической и военной. Этого требуют интересы всех народов и государств, независимо от того, в каком географическом районе мира, в условиях какой социально-экономической системы они живут, к какой политической группировке или течению они относятся»¹².

Советское правительство бережно относится к положительному опыту сотрудничества между государствами, накопленному в период второй мировой войны и в годы разрядки, считая, что полезные уроки истории надо поставить на службу современности.

В годы минувшей войны во имя достижения общей задачи — разгрома агрессивного блока фашистских держав — было налажено политическое и военное сотрудничество СССР, США и Великобритании. Безусловно, и в годы войны между тремя державами существовали противоречия, различия в подходах к решению международных проблем. Но главное состояло в том, что в ходе дипломатических переговоров, иногда после острых дискуссий, стороны находили компромиссные решения и тем самым обеспечивали единство Объединенных наций в войне. В этом отношении Крымская конференция служит наглядным примером. «Дух Ялты», как принято говорить в западноевропейской публицистике, мог бы служить и ныне для налаживания отношений между государствами различных общественных систем на принципах мирного сосуществования и поиска взаимоприемлемых решений тех вопросов, от которых зависит судьба мира». [Сиполс, Чельшиев 1984, с. 76-77]

Ronald Reagan (1985)

«Forty years ago this week, the leaders of the United States, Great Britain, and the Soviet Union met at Yalta, to confer on the approaching end of World War II and on the outlines of the postwar world. The agreements they reached, including the Declaration on Liberated Europe, committed all three governments to the reconstruction of a democratic continent.

Since that time, Yalta has had a double meaning. It recalls an episode of cooperation between the Soviet Union and free nations, in a great common cause. But it also recalls the reasons that this cooperation could not continue—the Soviet promises that were not kept, the elections that were not held, the two halves of Europe that have remained apart.

Why is Yalta important today? Not because we in the West want to reopen old disputes over boundaries; far from it. The

reason Yalta remains important is that the freedom of Europe is unfinished business. Those who claim the issue is boundaries or territory are hoping that the real issues—democracy and independence—will somehow go away. They will not..

There is one boundary which Yalta symbolizes that can never be made legitimate, and that is the dividing line between freedom and repression. I do not hesitate to say that we wish to undo this boundary. In so doing, we seek no military advantage for ourselves or for the Western alliance. We do not deny any nation's legitimate interest in security. But protecting the security of one nation by robbing another of its national independence and national traditions is not legitimate. In the long run, it is not even secure.

Long after Yalta, this much remains clear: The most significant way of making all Europe more secure is to make it more free. Our 40-year pledge is to the goal of a restored community of free European nations. To this work we recommit ourselves today». [*Regan, 1985*]

Волков Ф. Д.

**За кулисами второй мировой войны
(1985 г.)**

«...окружение нынешнего президента США Рейгана, по словам английской газеты «Гардиан», ищет всяческие «возможности перечеркнуть Ялту». Воинствующие милитаристы США, Англии пытаются объявить «крестовый поход» против ялтинских решений, Заключительного акта Общеευропейского совещания по безопасности и сотрудничества, подписанного 1 августа 1975 г. в Хельсинки, не выполнять решений мадридской встречи, зафиксированных в Итоговом документе в сентябре 1983 г. Они торпедировали в ноябре 1983 г. переговоры в Женеве по вопросам ограничения и сокращения ядерных вооружений, стремятся подорвать Устав ООН. Силы агрессии и милитаризма могут быть остановлены, как они были остановлены 40 лет

тому назад усилиями народов антигитлеровской коалиции» [*Волков, 1985, с. 233*]».

**Bush G.
(2005)**

«...As we mark a victory of six days ago -- six decades ago, we are mindful of a paradox. For much of Germany, defeat led to freedom. For much of Eastern and Central Europe, victory brought the iron rule of another empire. V-E Day marked the end of fascism, but it did not end oppression. The agreement at Yalta followed in the unjust tradition of Munich and the Molotov-Ribbentrop Pact. Once again, when powerful governments negotiated, the freedom of small nations was somehow expendable. Yet this attempt to sacrifice freedom for the sake of stability left a continent divided and unstable. The captivity of millions in Central and Eastern Europe will be remembered as one of the greatest wrongs of history.

The end of World War II raised unavoidable questions for my country: Had we fought and sacrificed only to achieve the permanent division of Europe into armed camps? Or did the cause of freedom and the rights of nations require more of us? Eventually, America and our strong allies made a decision: We would not be content with the liberation of half of Europe -- and we would not forget our friends behind an Iron Curtain. We defended the freedom of Greece and Turkey, and airlifted supplies to Berlin, and broadcast the message of liberty by radio. We spoke up for dissenters, and challenged an empire to tear down a hated wall. Eventually, communism began to collapse under external pressure, and under the weight of its own contradictions. And we set the vision of a Europe whole, free, and at peace -- so dictators could no longer rise up and feed ancient grievances, and conflict would not be repeated again and again.

In these decades of struggle and purpose, the Baltic peoples kept a long vigil of suffering and hope. Though you lived in isolation, you were not alone. The United States refused to

recognize your occupation by an empire. The flags of free Latvia, Estonia, and Lithuania -- illegal at home -- flew proudly over diplomatic missions in the United States. And when you joined hands in protest and the empire fell away, the legacy of Yalta was finally buried, once and for all. The security and freedom of the Baltic nations is now more than a noble aspiration; it is the binding pledge of the alliance we share. The defense of your freedom -- in defense of your freedom you will never stand alone...»²

**Greenberg D.
(2005)**

«...After World War I, the political right in Germany developed a myth called the “stab in the back” theory to explain its people’s defeat. Though military leaders had helped negotiate the war’s end, they fixed blame on civilian leaders—especially Jews, socialists, and liberals—for “betraying” the brave German fighting men. This nasty piece of propaganda was later picked up by Hitler and the Nazis to stoke the populist resentment that fueled their rise to power.

America has had its own “stab in the back” myths. Last year, George W. Bush endorsed a revanchist view of the Vietnam War: that our political leaders undermined our military and denied us victory. Now, on his Baltic tour, he has endorsed a similar view of the Yalta accords, that great bugaboo of the old right.

Bush stopped short of accusing Franklin D. Roosevelt and Winston Churchill of outright perfidy, but his words recalled those of hardcore FDR- and Truman-haters circa 1945. “The agreement at Yalta followed in the unjust tradition of Munich and the Molotov-Ribbentrop pact. Once again, when powerful governments negotiated, the freedom of small nations was

² <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2005/05/20050507-8.html>

somehow expendable. Yet this attempt to sacrifice freedom for the sake of stability left a continent divided and unstable. The captivity of millions in Central and Eastern Europe will be remembered as one of the greatest wrongs of history.”

Bush’s cavalier invocations of history for political purposes are not surprising. But for an American president to dredge up ugly old canards about Yalta stretches the boundaries of decency and should draw reprimands (and not only from Arthur M. Schlesinger Jr.)...»³

**В.В. Путин
(2013)**

«...Россия сама развивалась на основе многообразия, гармонии и балансов, привносила такой баланс и в окружающий мир. Хочу напомнить, что и Венский конгресс 1815 года, и ялтинские соглашения 1945 года, принятые при очень активной роли России, обеспечили долгий мир. Сила России, сила победителя в эти поворотные моменты проявлялась в благородстве и справедливости. И давайте вспомним Версаль, заключённый без участия России. Многие специалисты, и я с ними абсолютно согласен, считают, что именно в Версале были заложены корни будущей Второй мировой войны. Потому что Версальский договор был несправедлив по отношению к немецкому народу и накладывал на него такие ограничения, с которыми он в нормальном режиме справиться не мог, на столетие вперёд это было ясно...»⁴

**В.В. Путин
(2015г.)**

«...70-летний юбилей Организации Объединённых Наций – хороший повод обратиться и к истории, и пого-

³ http://www.slate.com/articles/news_and_politics/history_lesson/2005/05/know_thy_allies.html

⁴ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>

ворить о нашем общем будущем. В 1945 году страны, разгромившие нацизм, объединили усилия, чтобы заложить прочные основы послевоенного мироустройства.

Напомню, что ключевые решения о принципах взаимодействия государств, решения о создании ООН принимались в нашей стране на Ялтинской встрече лидеров антигитлеровской коалиции. Ялтинская система была действительно выстрадана, оплачена жизнью десятков миллионов людей, двумя мировыми войнами, которые прокатились по планете в XX веке, и, будем объективны, она помогла человечеству пройти через бурные, порой драматические события последних семи десятилетий, уберегла мир от масштабных потрясений...»⁵

Андреас Маурер

**председатель фракции левых в городском совете города
Квакенбрюк (земля Нижняя Саксония)
(2018 г.)**

«Сейчас, после парламентских выборов, в бундестаг вошло больше депутатов от партий, выступающих за сотрудничество с Россией, и теперь есть возможность кардинально изменить политику нашей страны. Моя партия, я сам и все мы, народные дипломаты, будем работать над тем, чтобы повернуть политический вектор наших правительств в сторону диалога с Москвой. Именно здесь, в Ялте, история показала, как надо решать проблемы, — давайте устроим еще одну Ялтинскую конференцию и все между собой решим. Это наше предложение, народных дипломатов»⁶

⁵ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385>

⁶ <https://crimea-news.com/politics/2017/10/10/332118.html>

**Обращение участников круглого стола
«Ялта 1945–2018: исторический опыт и новые вызовы»
(2018 г.)**

«Мы, участники круглого стола «Ялта 1945–2018: исторический опыт и новые вызовы», обращаемся к мировой общественности из Ливадии, где ровно 73 года назад были заложены основы послевоенного миропорядка. Здесь, на Южном берегу Крыма, руководители ведущих держав стран антигитлеровской коалиции сумели преодолеть идеологические разногласия, предубеждения и амбиции и объединиться для борьбы с абсолютным злом – национал-социализмом и фашизмом. Победа над общим врагом и принципиальные договоренности, достигнутые в Ялте, позволили державам антигитлеровской коалиции заложить основы сосуществования на многие десятки лет.

Сформированный в Ялте миропорядок не идеален, не всегда обеспечивал справедливый исход внешнеполитических процессов, но он делал мировую политику предсказуемой и позволил избежать глобального столкновения мировых держав, которого человечество могло бы не пережить.

Опыт творцов «Ялтинского мира» особенно актуален сегодня. Для ситуации, в которой сейчас оказался мир, характерны дефицит стабильности, отсутствие системного диалога между представителями современных мировых центров силы. Это вызывает большую тревогу, поскольку с каждым днем набирает силу новое абсолютное зло, угрожающее всему человечеству, – мировой терроризм. На наших глазах он переходит в новое качество: от подпольных сетевых структур – к попыткам создания террористических государств. Помимо этого, существует целый ряд глобальных проблем, бросающих вызов человечеству и требующих всеобщего объединения для нахождения путей их решения.

Глобальные угрозы требуют новой консолидации и коалиции ведущих держав, вокруг которых могло бы сплотить-

ся всё мировое сообщество. Не изнуряющая борьба за мировую гегемонию, а согласованная работа по преодолению глобальных вызовов должна стать основой международной политики. И опыт Ялтинской конференции 1945 года доказывает, что такая политика возможна.

Однако построение такой политики, создание эффективной системы будущего мироустройства без участия России невозможно. Россию нельзя победить, заставить или игнорировать. Этому учит нас опыт всего XX века, такова и современная политическая реальность.

Реализация крымчанами своего права на самоопределение, восстановление исторической справедливости, основанная на закреплённых в уставе ООН принципах международного права, стала поводом для организации недальновидными и безответственными политиками Запада беспрецедентного давления как на Республику Крым, так и на Российскую Федерацию в целом. Однако Россию невозможно сломить санкциями, информационными антироссийскими кампаниями, дискриминацией, как всего государства, так и его граждан. К сожалению, это обычная практика наших оппонентов. Она бесперспективна, она никуда не ведёт, как никуда не ведёт и практика переписывания истории.

Мы – за историческую правду, в том числе и неудобную, жестокую, разрушающую комфортные мифы, основанные на псевдоистории. На лжи ничего фундаментального построить нельзя. Каждый народ мира имеет право на свою историческую память, но основываться она должна на реальных событиях прошлого, а не на мифах, призванных возвеличить один народ за счёт других, обосновать его исключительность. Слишком высокую цену вынуждено платить человечество за подобные манипуляции с общественным сознанием.

Мы – за бережное отношение к исторической памяти нашего народа, народа-победителя и освободителя. Любое

циничное вторжение в нашу память о событиях Великой Отечественной войны мы вправе расценивать как агрессию, аналогичную вооружённому вторжению на нашу территорию.

Мы – за поиск формулы взаимодействия, когда каждое государство, каждый народ имеют свой голос, который уважают и к которому прислушиваются.

Призываем мировое сообщество добиваться от политических лидеров своих стран осуществления честной, ответственной и дальновидной политики, основанной на продуманном подходе к своим действиям, стремлении к справедливости и искоренению двойных стандартов, сотрудничестве и взаимопонимании.

Именно такая политика позволит защитить современный мир и его будущее от глобальных угроз и будет основой всеобщей безопасности, благополучия и процветания человечества.

Российская Федерация, Республика Крым, Ялта, Ливадия
9 февраля 2018 года» [*Обращение, 2018*]

ЛИТЕРАТУРА

- Агамбен, 2011 – *Агамбен Д.* НОМО SACER Суверенная власть и голая жизнь / пер. с ит. – Москва : Европа, 2011. – 256 с.
- Агишева, 2016 – *Агишева И. Ю.* И. Сталин, У. Черчилль, Ф. Рузвельт. Последняя встреча (материалы Крымской (Ялтинской) конференции 1945 года в фондах Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя) // Ялта 45: уроки истории. Крым в истории международных отношений в XIX–XXI вв. : материалы науч. конф. (Крым, Ялта, Ливадийский дворцово-парковый музей-заповедник, 25–26 февр. 2016 г.). Ялта, 2016. – С. 5–16.
- Акулов, 1993 – *Акулов М. Р.* Восстановительные работы в Крыму в 1944–1945 годы // Отечественная история. – 1993. – № 1. – С. 182–190.
- Андреева, 1980 – *Андреева Е.* Жертвы Ялты // Новый журнал. – 1980. – № 139. – С. 274–279.
- Антошин, 2016 – *Антошин А. В.* Возвращаясь к временам Александра Благословенного? Место СССР в Ялтинско-Потсдамской системе международных отношений в оценках публицистов парижской газеты «Русские новости» // 70 лет Ялтинской конференции стран антигитлеровской коалиции : материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 24 дек. 2015 г.) / [науч. ред. В. И. Михайленко]. – Екатеринбург, 2016. – С. 11–16.
- Астапова, 2017 – *Астапова О.* Истоки сакрализации власти. Священная власть в древних царствах Египта, Месопотамии, Израиля. – Москва : РИПОЛ классик, 2017. – 490 с.
- Афиани, 2016 – *Афиани В. Ю.* Проблемы репараций на ялтинской конференции. По документам личного фонда И. М. Майского в архиве РАН // Вестник архивиста. – 2016. – № 1. – С. 111–121.
- Ахтамзян, 1985 – *Ахтамзян А.* Соглашения непреходящего значения // Международная жизнь. – 1985. – № 2. – С. 58–67.

- Ахтамзян, 1985-А – *Ахтамзян А. А.* Решения Крымской конференции и проблема безопасности и сотрудничества государств с различными социальными системами // Ялтинская конференция 1945: уроки истории /АН СССР. Отд-ние истории ; Нац. ком-т историков СССР ; [редкол.: А. Н. Яковлев (отв. ред.), Л. В. Поздеева, Д. М. Проэктор и др.]. – Москва, 1985. – С. 112–121.
- Бабин, 1985 – *Бабин А. И.* Военные решения Крымской конференции // Ялтинская конференция 1945: уроки истории /АН СССР. Отд-ние истории ; Нац. ком-т историков СССР ; [редкол.: А. Н. Яковлев (отв. ред.), Л. В. Поздеева, Д. М. Проэктор и др.]. – Москва, 1985. – С. 39–50.
- Бабичев, 1990 – *Бабичев Г.* Ялта, февраль 45-го: воспоминания очевидца // Крымский Комсомолец. – 1990. – 10 февр. – С. 6–7.
- Багров, 1985 – *Багров Н. В.* На Крымской земле // Ялтинская конференция 1945: уроки истории /АН СССР. Отд-ние истории; Нац. ком-т историков СССР ; [редкол.: А. Н. Яковлев (отв. ред.), Л. В. Поздеева, Д. М. Проэктор и др.]. – Москва, 1985. – С. 18–22.
- Бартынский, 1959 – *Бартынский С.* Ялтинская конференция // Дипломатия периода второй мировой войны: Международные конференции 1941–1945. – Москва, 1959. – С. 277–315.
- Басов, 1987 – *Басов А. В.* Крым в Великой Отечественной войне. – Москва : Наука, 1987. – 340 с.
- Башарин, 1988 – *Башарин С.* Помните, мичман? // Советский Крым. – 1988. – 9 мая. – С. 4.
- Белецкий, 1987 – *Белецкий В. Н.* Потсдам 1945. История и современность. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Междунар. отношения, 1987. – 344 с.
- Бережков, 1972 – *Бережков В. М.* Годы дипломатической службы. – Москва : Междунар. отношения, 1972. – 368 с.
- Бережков, 1975 – *Бережков В. М.* Ялтинские решения и современность // Новое время. – 1975. – № 5. – С. 18–21.
- Бережков, 1985 – *Бережков В. М.* Ялтинские решения и их противники // США. Экономика. Политика. Идеология. – 1985. – № 2. – С. 48–61.

- Бережков, 1987 – *Бережков В. М.* Страницы дипломатической истории. – Москва : Междунар. отношения, 1987. – 616 с.
- Берия, 1994 – Берия С. Л. Мой отец – Лаврентий Берия. – Москва : Современник, 1994. – 432 с.
- Библиографический справочник, 2006 – Библиографический справочник научной деятельности сотрудников Ливадийского дворца-музея. – Симферополь : Крым, 2006. – 96 с.
- Бирнс, 2006 – *Бирнс Дж. Ф.* Дорога в Ялту и крымская конференция / пер. с англ. Е. Н. Дорошенко // Крымская конференция 1945 года в воспоминаниях и документах / сост. Е. Дорошенко, О. Шамрин. – Симферополь : ИД «Крым», 2006. – С. 106–109.
- Блинцов, 2016 – *Блинцов Д. А.* Глава британской военной миссии в СССР контр-адмирал Э. Р. Арчер // Ялта 45: уроки истории. Крым в истории международных отношений в XIX–XXI вв. : материалы науч. конф. (Крым, Ялта, Ливадийский дворцово-парковый музей-заповедник, 25-26 февр. 2016 г.). – Ялта, 2016. – С. 26–42.
- Бодрийяр, 2017 – *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. – Москва : ПОСТУМ, 2017. – 320 с.
- Большевистское знамя, 1945 – *Большевистское знамя.* – 1945. – 15 февр.
- Бонцевич, 2013 – *Бонцевич Н. Н.* Репрезентация Ялтинской конференции на страницах прессы Генри Люса // Крымская конференция 1945 г.: актуальные вопросы истории, права, социологии, политологии, культурологии, философии : материалы науч. конф. (Симферополь, 23-27 апр. 2013г.) / под общ. ред. Шевченко О. К. – Симферополь, 2013. – С. 83–88. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://krim-konference.at.ua/load/teksty/stati_tezisy_zametki/yalta_conference_1945_actual_issues_of_history_law_studies_political_science_culture_studies_and_philosophy/10-1-0-31 – Загл. с экрана. – 14.07.2017.
- Борисов, 1983 – *Борисов А. Ю.* СССР и США: союзники в годы войны (1941–1945). – Москва : Междунар. отношения, 1983. – 288 с.
- Борисов, 1985 – *Борисов А. Ю.* Исторические договоренности // Вопросы истории. – 1985. – № 5. – С. 22–45.

- Борисов, 1985-А – *Борисов А. Ю.* Незыблемые договоренности: (к 40-летию Ялтинской и Потсдамской конференций). – Москва : Знание, 1985. – 64 с.
- Борисов, 1985-Б – *Борисов А. Ю.* Проблема экономического сотрудничества СССР и США в период Крымской конференции // Ялтинская конференция 1945: уроки истории /АН СССР. Отд-ние истории ; Нац. ком-т историков СССР ; [редкол.: А. Н. Яковлев (отв. ред.), Л. В. Поздеева, Д. М. Проэктор и др.]. – Москва, 1985. – С. 146–147.
- Булгаков С.* Свет не вечерний: созерцания и умозрения. – Санкт-Петербург : Азбука, 2017. – 672 с.
- Ван Дейк, 2015 – *Ван Дейк Т. А.* Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Амадова. – Москва : УРСС, 2015. – 352 с.
- Васильев, 1978 – *Васильев В.* По поводу одной фальшивки // Международная жизнь. – 1978. – № 8. – С. 45–59.
- Васюк, 1984 – Васюк Л. Полпред страны Советов // Советский Крым. – 1984. – 7 дек.
- Васюк, 1985 – *Васюк Л.* Зависели судьбы мира // Советский Крым. – 1985. – февр. – С. 2.
- Великая Победа, 2015 – *Великая Победа* : в 15 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. – Москва : МГИМО– Университет, 2015. – Т. 14 : Умиротворение Европы. – 364 с.
- Веденеєв, Лисенко 2010 – *Веденеєв Д. В.* Україна у другій світовій війні: деякі питання теорії, методології й суспільних рефлексій / Д. В. Веденеєв, О. Є. Лисенко // Український історичний журнал. – 2010. – № 3. – С. 4–29.
- Великая Отечественная, 2015 – *Великая Отечественная*: К 70-летию народного подвига : материалы междунар. науч. конф. «ЯЛТА-45. Крымская конференция 1945 г. в контексте “острых” вопросов окончания Второй мировой войны и начала войны “холодной”» (Симферополь-Москва, 18-19 марта 2015 г.) / отв. ред. Е. И. Пивовар ; сост. И. А. Анфертьев. – Москва : РГГУ, 2015. – 715 с

- Величко, 2016 – *Величко А. М.* Библейская философия права и власти /Алексей Величко, протоиерей Тимофей Фетисов. – Москва : Вече, 2016. – 192 с.
- Видясова, 1979 – *Видясова Л.* Крымская конференция руководителей СССР, США и Великобритании: 1945 г. // Международная жизнь. – 1979. – № 10. – С. 106–116.
- Віднянський, 2005 – *Віднянський С. В.* Ялта 1945: погляд на значення та уроки Кримської конференції з нагоди її 60-річчя // Міжнародні зв'язки України: наук. пошуки і знахідки. – Київ, 2005. – Вип. 14. – С. 20–28.
- Віднянський, 2010 – *Віднянський С. В.* Стан, проблеми та перспективи досліджень зі всесвітньої історії в Україні // Український історичний журнал. – 2010. – № 5. – С. 166–179.
- Внешняя политика, 1947 – *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны.* Документы и материалы : в 3 т. Т. 3 : 1945 г. – Москва : Гос. изд-во полит. лит., 1947. – 791 с.
- Внешняя политика, 1947-А – *Внешняя политика СССР.* Сборник документов : в 5 т. Т. 5 : Июнь 1941 г. сентябрь 1945 г. – Москва : Изд-во Высш. Парт. шк., 1947. – 835 с.
- Войтович, 1985 – *Войтович С. Д.* Борьба Белорусской ССР за реализацию решений Ялты и Потсдама // Ялтинская конференция 1945: уроки истории /АН СССР. Отд-ние истории ; Нац. ком-т историков СССР ; [редкол.: А. Н. Яковлев (отв. ред.), Л. В. Поздеева, Д. М. Проэктор и др.]. – Москва, 1985. – С. 148–149.
- Волков, 1971 – *Волков Ф. Д.* На пути к миру // Курортная газета – 1971. – 7, 10 авг.
- Волков, 1985 – *Волков Ф. Д.* За кулисами второй мировой войны. – Москва : Мысль, 1985. – 304 с.
- Волков, 1985-А – *Волков Ф. Д.* Коалиция государств и народов // Ялтинская конференция 1945: уроки истории /АН СССР. Отд-ние истории ; Нац. ком-т историков СССР ; [редкол.: А. Н. Яковлев (отв. ред.), Л. В. Поздеева, Д. М. Проэктор и др.]. – Москва, 1985. – С. 149–151.
- Генеральный секретарь, 1945 – *Генеральный секретарь ППС Матушевский о решениях Крымской Конференции по польскому вопросу* // Красный Крым. – 1945. – 18 февр. – С. 4.

- Гибянский, 1976 – *Гибянский Л. Я.* Проблемы Юго-Восточной Европы на Крымской и Потсдамской конференциях (февр.-авг. 1945 г.) // Проблемы истории и культуры. – Москва, 1976. – С. 167–178.
- Гибянский, 1981 – *Гибянский Л. Я.* Подготовка Крымской конференции и позиция СССР, Англии и США в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии // Советское славяноведение. – 1981. – № 4. – С. 15–28.
- Гибянский, 1981-А – *Гибянский Л. Я.* Позиция СССР, Англии и США в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии накануне Крымской конференции // Советское славяноведение. – 1981. – № 3. – С. 14–28.
- Гибянский, 1982 – *Гибянский Л. Я.* Вопрос о Болгарии, Румынии и Венгрии на Крымской конференции // Советское славяноведение. – 1982. – № 2. – С. 9–22.
- Гибянский, 2004 – *Гибянский Л. Я.* Исследования политики СССР в Восточной Европе в конце Второй Мировой Войны и в первые послевоенные годы // Вопросы истории. – 2004. – № 6. – С. 148–160.
- Громыко, 1988 – *Громыко А. А.* Памятное. Кн. 1. – Москва : Политиздат, 1988. – 479 с.
- Громыко, 1990 – *Громыко А. А.* Памятное. Кн. 1. – 2-е изд., доп. – Москва : Политиздат, 1990. – 512 с.
- Гуркович, 1995 – *Гуркович В. Н.* 1945 год: свидетель мирового события // Крымская правда. – 1995. – 7 февр. – С. 3.
- Гуркович, 1995-А – *Гуркович В. Н.* Крымская конференция 1945 года. – Симферополь : Таврия, 1995. – 48 с.
- Гусев, 1970 – *Гусев Ф.* По поводу воспоминаний А. Гарримана и Ч. Болена // Международная жизнь. – 1970. – № 4. – С. 126–127.
- Данте, 1999 – *Данте А.* Монархия / пер. с итал. В. П. Зубова. – Москва : КАНОН-пресс-Ц, 1999. – 192 с.
- Дашевский, 1945 – *Дашевский С.* В чем состоит соглашение маршала Тито с Шубашичем // Сталинское Знамя. – 1945. – 27 февр. – С. 4.
- Деборин, 1958 – *Деборин Г. А.* Крымская конференция // Вторая Мировая война : военно-политический очерк. – Москва, 1958. – С. 322–340.

- Девятков, Жилиев, Кайкова, 2011 – *Девятков С.* Жаркий Январь. Как обеспечивалась безопасность проведения Ялтинской (Крымской) конференции в 1945 году /С. Девятков, В. Жилиев, О. Кайкова // ФСБ. За и против. – 2011. – № 1 (12). – С. 40–45.
- Дорофеев, 1955 – *Дорофеев С. И.* Осуществление Ялтинских и Потсдамских соглашений о демократизации Германии в восточной ее части в 1945-1949 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Дорофеев С. И. – Москва, 1955. – 22 с.
- Дорошенко, 1999 – *Дорошенко Е. Н.* Вопрос об Иране, на крымской конференции проблема вывода войск, нефтяные концессии // Ливадийский дворец-музей – 1994-1999 : сб. науч. тр. – Севастополь, 1999. – С. 237–248.
- Достоевский, 1957 – *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений : в 10 т. Т. 7 : Бесы. – Москва : Художественная лит., 1957. – 759 с.
- Егорова, 1985 – *Егорова Н. И.* Оценка Крымской конференции в современных американских концепциях происхождения «холодной войны» // Ялтинская конференция 1945: уроки истории /АН СССР. Отд-ние истории ; Нац. ком-т историков СССР ; [редкол.: А. Н. Яковлев (отв. ред.), Л. В. Поздеева, Д. М. Проэктор и др.]. – Москва, 1985. – С. 151–152.
- Ежов, 1985 – *Ежов В.* Ялтинские соглашения: домыслы и факты // Молодой коммунист. – 1985. – № 2. – С. 94–101.
- Ерусалимский, 1945 – *Ерусалимский А. С.* Крымская конференция : Стенограмма публичной лекции. – Москва : Правда, 1945. – 26 с.
- Єфіменко, Кареліна – *Єфіменко Г. В.* Исторична місія Кримської (Ялтинської) конференції 4-11 лютого 1945 року: каталог виставки Національна історична бібліотека України / Г. В. Єфіменко, С. Ю. Кареліна [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://dibu.elau.org/page.php?id=99> – Загл. с экрана. – 15.05.2015.
- Желтогов, 2013 – *Желтов В. В.* Теория власти. – 3-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2013. – 584 с.
- Жувенель, 2011 – *Жувенель Б. де.* Власть. Естественная история ее возрастания / пер. с фр. А. В. Матешук, В. П. Гайдамак. – Москва : ИРИСЭН, Мысль, 2011. – 546 с.
- За высокий урожай, 1945 – *За высокий Урожай.* – 1945. – 15 февр.

- Зайцева, 2012 – *Зайцева Н.В.* Историософия как социокультурный и когнитивный феномен // Вестник СамГУ. – 2012. – № 2\2 (93). – С. 165 – 169.
- Зайцева, 2013 – *Зайцева Н.В.* Философия истории: взаимосвязь онтологических и гносеологических аспектов. – Самара : Офорт, 2013. – 374 с.
- Захаров, 2016 – *Захаров Г. Е.* Тема власти в латинском тринитарном богословии IV в. // Божественная власть, церковная иерархия и духовный авторитет в раннехристианской латинской традиции : сб. науч. работ. – Москва, 2016. – С. 4–13.
- Иванов, 2010 – *Иванов В. Б.* Уинстон Черчилль в Балаклаве // Иванов В. Б. Балаклава. 2500 лет: от Одиссея и Дианы до наших дней. – Севастополь, 2010. – С. 425–429.
- Ивашин, 1951 – *Ивашин И. Ф.* Крымская конференция и ее решения // Международные отношения и военная политика СССР на заключительном этапе Второй Мировой войны. – Москва, 1951. – С. 5–12.
- Известия, 1945 – *Известия.* – 1945. – 14 февр.
- Известия, 1945-А – *Известия.* – 1945. – 12 февр.
- Известия, 1946 – *Известия.* – 1946. – 12 февр.
- Известия, 1947 – *Известия.* – 1947. – 18 марта.
- Иоанн (Снычев), 1995 – *Иоанн (Снычев), митрополит.* Русь соборная. Очерки христианской государственности. – Санкт-Петербург : Царское дело, 1995. – 249 с.
- Исаев, 2002 – *Исаев И.А.* Politika hermetica: скрытые аспекты власти. – Москва : Юристъ, 2002 – 575 с.
- Исаков, 2013 – *Исаков А. Н.* Ялтинская конференция: парадоксы исторического суждения // Крымская конференция 1945 г.: актуальные вопросы истории, права, социологии, политологии, культурологи, философии: материалы междунар. науч. конф. Ялта-45/13 (Симферополь, 23-27 апр. 2013 г.) / под общей ред. Шевченко О. К. – Симферополь : Электронное изд-во К.О.Ш., 2013. – С. 63–65.
- Искусство власти, 2007 – *Искусство власти.* Сборник в честь профессора Н. А. Хачатурян. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. – 512 с.

- Исторические решения, 1945 – *Исторические решения Крымской конференции* // Красный Крым. – 1945. – 14 февр. – С. 1.
- Исторические решения, 1945-А – *Исторические решения Крымской конференции* // Правда. – 13 февр. – 1945 г. – С. 1.
- К 70-летию, 2015 – *К 70-летию Крымской (Ялтинской) конференции глав СССР, США и Великобритании*. Документы Архива внешней политики Российской Федерации МИД России/ Историко Документальный Департамент МИД России [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://idd.mid.ru/-/altinskaa-konferencia?inheritRedirect=false> – Загл. с экрана. – 15.02.2018.
- Канинская, 2015 – *Канинская Г. Н.* Крымская (ялтинская) конференция: 70 лет назад (по материалам советской прессы) // Вестник Ярославского гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. – 2015. – № 4 (34). – С. 5–12.
- Керченский рабочий, 1945 – *Керченский рабочий*. – 1945. – 16 февр.
- Киричевский, 1968-*Киричевский А.* Ялта. Февраль. 1945: из записок кинооператора // Литературная газета. – 1968. – 24 янв. – С. 13–14.
- Кировец, 1945 – *Кировец*. – 1945. – 18 февр.
- Кирпичникова, 2009 – *Кирпичникова М. В.* Антигитлеровская коалиция в сознании советских людей в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 (на материалах Северо-Запада СССР): дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Кирпичникова М. В. – Санкт-Петербург, 2009. – 197 с.
- Киссинджер, 1997 – *Киссинджер Г.* Дипломатия / пер. с англ. В.В. Львова. – Москва : Ладомир, 1997. – 848 с.
- Киссинджер, 2017 – *Киссинджер Г.* Мировой порядок / пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова. – Москва : Изд-во АСТ, 2017. – 512 с.
- Клименко, 1945 – *Клименко.* Решения конференции трех союзных держав вызвали огромный подъем // Сталинское Знамя. – 1945. – 14 февр. – № 25 (804). – С. 1.
- Коваль, 1985 – *Коваль М. В.* Крымская конференция и участие Украинской ССР в решении вопросов послевоенного устройства мира // Ялтинская конференция 1945: уроки истории /АН

- СССР. Отд-ние истории ; Нац. ком-т историков СССР ; [редкол.: А. Н. Яковлев (отв. ред.), Л. В. Поздева, Д. М. Проэктор и др.]. – Москва, 1985. – С. 152–154.
- Кокурин, 1993 – *Кокурин А. И.* «О специальных мероприятиях по Крыму»: прием, размещение и охрана участников Крымской конференции 1945 года // Исторический архив. – 1993. – № 5. – С. 116–131.
- Колдомасов, 2010 – *Колдомасов И. О.* Образ союзников по антигитлеровской коалиции в представлениях советского общества 1941-1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Колдомасов И. О. – Магнитогорск, 2010. – 278 с.
- Конференция, 1945 – *Конференция руководителей трех союзных держав – Советского Союза, Соединенных штатов Америки и Великобритании* // Победа. – 1945. – 9 февр. – С. 1.
- Королев, 1945 – *Королев Н. Д.* Восточная Пруссия и Северная Германия – Бывшие славянские земли // Сталинское знамя. – 1945. – 9 февр. – С. 1.
- Королюк, 1973 – *Королюк Л. М.* Крымская конференция представителей СССР, США и Англии (1945 год) и некоторые проблемы послевоенного мирного урегулирования : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 1973. – 28 с.
- Коротченко, 2018 – *Коротченко Ю. М.* Валюативные модели социального: герои и ценности. – Москва : Вузовский учебник ; ИНФРА-М, 2018. – 153 с.
- Кошкин, 2003 – *Кошкин А.* Ялтинская конференция и Япония // Азия и Африка сегодня. – 2003. – № 4. – С. 62–70.
- Красный Крым, 1945- *Красный Крым*. – 1945. – 13 февр.
- Киричевский, 1969 – *Киричевский А.* Ялта. Февраль. 1945: из записок кинооператора // Литературная газета. – 1968. – 24 янв. – С. 13–14.
- Крымская и Потсдамская конференции, 1965 – *Крымская и Потсдамская конференции руководителей трех великих держав*. [Документы Крымской конференции] // Междунар. жизнь. – 1965. – № 6. – С. 142–160.
- Крымская и Потсдамская конференции, 1965-А – *Крымская и Потсдамская конференции руководителей трех великих дер-*

- жав. [Документы Крымской конференции] // *Международная жизнь*. – 1965. – № 7. – С. 153–160.
- Крымская и Потсдамская конференции, 1965-Б – *Крымская и Потсдамская конференции руководителей трех великих держав*. [Документы Крымской конференции] // *Международная жизнь*. – 1965. – № 8. – С. 153–160.
- Крымская и Потсдамская конференции, 1965-В – *Крымская и Потсдамская конференции руководителей трех великих держав*. [Документы Крымской конференции] // *Международная жизнь*. – 1965. – № 9 – С. 185–192.
- Крымская конференция, 1965 – *Крымская конференция* // Советская историческая энциклопедия. – Москва, – 1965. – Т. 8. – С. 203–204.
- Крымская конференция, 2006 – *Крымская конференция 1945 года в воспоминаниях и документах* / сост. Е. Дорошенко, О. Шамрин. – Симферополь : Крым, 2006. – 208 с.
- Крымская конференция, 2013 – *Крымская конференция 1945 г.: актуальные вопросы истории, права, социологии, политологии, культурологи, философии* : материалы науч. конф. (Симферополь, 23-27 апреля 2013г.) / под общ. ред. Шевченко О. К. – Симферополь : Электронное изд-во «К.О.Ш.», 2013. – 152 с.
- Кудрясенко, 2010 – *Кудряченко А. И.* Ялтинська 1945 року конференція держав «великої трійки» і міжнародно-правові наслідки для України // *Ялтинская система и современный мировой порядок: материалы науч. конф.* (Ялта, 17-21 февр. 2010 г.) / под ред. С. В. Юрченко. – Симферополь, 2010. – С. 255–268.
- Кудряченко, 2005 – *Кудряченко А. И.* Ялтинська конференція: погляд через десятиліття // *Пам'ять століть*. – 2005. – №2. – С. 53–65.
- Кузнец, 1970 – *Кузнец Ю. Л.* От Ялты к Потсдаму и капитуляции Японии // *От Перл-Харбора до Потсдама. Очерк внешней политики США* / Ю. Л. Кузнец. – Москва, 1970. – С. 200–298.
- Кузнецов, 1965 – *Кузнецов Н. Г.* Страницы былого. Ялта – Потсдам (Из воспоминаний участника Крымской и Потсдамской конференции) // *Вопросы истории*. – 1965. – № 4. – С. 120–132.

- Кузнецов, 1970 – *Кузнецов Н. Г.* От Ялты до Потсдама. (Из воспоминаний о последних месяцах войны) // 9 мая 1945 года. – Москва, 1970. – С. 215–238.
- Кузнецов, 1970-А – *Кузнецов Н. Г.* От Ялты до Потсдама: воспоминания // *Литературная Грузия*. – 1970. – № 3. – С. 75–78.
- Кузнецов, 1970-Б – *Кузнецов Н. Г.* Ялта, февраль 1945 года. Из воспоминаний участника Крымской конференции // *Новое время*. – 1970. – № 6. – С. 24–28.
- Кузнецов, 1970-В – *Кузнецов Н. Г.* Ялта: 25 лет назад // *Курортная газета*. – 1970. – 4 февр.
- Кузнецов, 1975 – *Кузнецов Н.Г.* Курсом к победе. – Москва : Воениздат, 1975. – 512 с.
- Кулиш, 1971 – *Кулиш В. М.* Крымская конференция // *История второго фронта*. – Москва, 1971. – С. 561–586.
- Кульчицька, 2013 – *Кульчицька О. В.* Вступ УРСР до ООН як доленосне рішення Ялтинської конференції // *Культура народів Причорномор'я*. – 2013. – № 252. – С. 139–142.
- Курас, 2005 – *Курас І.* Ялта-45: деякі уроки в контексті сьогодення // *Історичний журнал*. – 2005. – № 2. – С. 4–10.
- Кутаков, 1985 – *Кутаков Л. Н.* Проблемы Дальнего Востока на Крымской конференции // *Ялтинская конференция 1945: уроки истории* /АН СССР. Отд-ние истории ; Нац. ком-т историков СССР ; [редкол.: А. Н. Яковлев (отв. ред.), Л. В. Поздеева, Д. М. Проэктор и др.]. – Москва, 1985. – С. 73–84.
- Лебедев, 1984 – *Лебедев А.* Дорогие реликвии // *Советский Крым*. – 1984. – 24 июля. – С. 4.
- Лебедева, 1985 – *Лебедева Н. С.* Крымская конференция и проблема безоговорочной капитуляции Германии // *Ялтинская конференция 1945: уроки истории* /АН СССР. Отд-ние истории ; Нац. ком-т историков СССР ; [редкол.: А. Н. Яковлев (отв. ред.), Л. В. Поздеева, Д. М. Проэктор и др.]. – Москва, 1985. – С. 155–157.
- Леги, 2006 – *Леги У. Д.* Воспоминания о крымской конференции / пер. с англ. Е. Дорошенко // *Крымская конференция 1945 года в воспоминаниях и документах* / сост.: Е. Дорошенко, О. Шамрин. – Симферополь : ИД «Крым», 2006. – С. 103–106.

- Легейдо, 2017 – *Легейдо Ю.* Зачистить все в радиусе 20 километров и выставить три кольца НКВД: секретный документ о подготовке к Ялтинской конференции / Телеканал «Звезда [Электронный ресурс] – Режим доступа : https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201710261246-6enb.htm – Загл. с экрана. – 12.02.2018.
- Ледяев, 2001 – *Ледяев В. Г.* Власть: концептуальный анализ. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 384 с.
- Лисенко, 2011 – *Лисенко О. Є.* Дослідження історії другої світової війни у сучасній Україні: основні тенденції та перспективи // Український історичний журнал. – 2011. – № 4. – С. 165–194.
- Лузянин, 1996 – *Лузянин С. Г.* Ялта и монгольский вопрос // Пятидесятилетие Великой Победы и Восток. – Москва, 1996. – С. 76–83.
- Майский, 1964 – *Майский И. М.* Воспоминания советского посла. Кн. 2. – Москва : Наука, 1964. – 539 с.
- Макуха, 1985 – *Макуха П.* Ливадия. Февраль 45-го // Советский Крым. – 1985. – 5 февр. – С. 2
- Мальков, 1985 – *Мальков В. Л.* Борьба двух тенденций во внешней политике США накануне Крымской конференции // Ялтинская конференция 1945: уроки истории /АН СССР. Отд-ние истории ; Нац. ком-т историков СССР ; [редкол.: А. Н. Яковлев (отв. ред.), Л. В. Поздеева, Д. М. Прозектор и др.]. – Москва, 1985. – С. 50 – 63.
- Мартынов, 2015 – *Мартынов А.* Ялтинский мир – наилучший из всех возможных // Известия. – 2015. – 31 июля.
- Мащенко, 2005 – *Мащенко А.* Петр Грищенко охранял Сталина, Рузвельта, Черчилля и Паулюса // Крымское время. – 2005. – 17 февр.
- Мердок, 2003 – *Мердок Дж. П.* Социальная структура : пер. с англ. В. Коротаева. – Москва : ОГИ, 2003. – 608 с.
- Миру необходима Ялта-2 – *Миру необходима Ялта-2?* // Мир 24. [Электронный ресурс]– Режим доступа : <http://mir24.tv/news/society/12030658> – Загл. с экрана. – 29.08.2015.

- Михайленко, 2010 – *Михайленко В. И.* Итальянские дипломатические документы 1945 года о советской внешней политике // Вестник МГИМО Университета. – 2010. – № 5. – С. 57–64.
- Михайленко, 2016 – *Михайленко В. И.* Ценностные основания Ялтинского и нового мирового порядка // 70 лет Ялтинской конференции стран антигитлеровской коалиции : материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 24 дек. 2015 г.) / [науч. ред. В. И. Михайленко]. – Екатеринбург, 2016. – С. 136–143.
- Міжнародне визнання – *Міжнародне визнання України суб'єктом Антигітлерівської коаліції в роки Другої світової війни: історичні та правові підстави* : стенограма круглого столу [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.memo.gov.ua/data/upload/publication/main/ua/970/1.doc>. – Загл. с экрана. – 18.10.2013.
- Назария, 2015 – *Назария С. М.* Оценки ялтинской конференции (1945 г.) в современной румынской историографии: реалистическое видение и мифы // Постсоветский материк. – 2015. – № 1 (5). – С. 115–124.
- Нарочницкая, 2010 – *Нарочницкая Н. А.* Ялтинская конференция 1945 года и современная геополитика // Ялта-45. Начертания нового мира / отв. ред. Н. А. Нарочницкая. – Москва, 2010. – С. 5–27.
- Наумов, Савойский, Шевченко, 2016 – *Наумов Е.А., Савойский А.Г., Шевченко О.К.* О концепции создания в Ялте «Музея истории Объединенных Наций» // Международный журнал. Устойчивое развитие: наука и практика. – 2016. – № 2 (17). – С. 1-8.
- Некрасов, 1984 – *Некрасов В.* Ялта – фундамент мира в Европе // Век и мир. – 1984. – № 11. – С. 11–16.
- Николаева, 1990 – *Николаева Т. М.* Универсалии // Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва, 1990. – Режим доступа : <http://tapemark.narod.ru/les/535c.html> – Загл. с экрана. – 20.03.2018.
- Новая философская энциклопедия, 2010 – *Новая философская энциклопедия.* Т. 4. – Москва : Мысль, 2010. – 736 с.

- Новиков, Новикова, 2011 – *Новиков В. Т. Феномен власти в классической и современной философии: сравнительный анализ / В.Т. Новиков, О. В. Новикова // Философия и социальные науки. – 2011. – № 3/4. – С. 40–45.*
- Обращение, 2018 – *Обращение участников круглого стола «Ялта 1945–2018: исторический опыт и новые вызовы» (09.02.2018) / Новости Крыма. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://crimea-news.com/politics/2018/02/09/373713.html> – Загл. с экрана. – 12.02.2018.*
- Олинский, Холендро 1945 – *Олинский М. По местам Крымской конференции / М. Олинский, Д. Холендро // Советский Крым : историко-краевед. и лит.-худож. сб. – 1945. – № 1. – С. 69–78.*
- Омельчук, 1997 – *Омельчук Д. В зоне особого внимания // Крымская газета. – 1997. – 7 февр.*
- Оранский, 2016 – *Оранский А. Н. «Рузвельтовская погода» в Ялте в феврале 1945 года // Ялта 45: уроки истории. Крым в истории международных отношений в XIX–XXI вв. : материалы науч. конф. (Крым, Ялта, Ливадийский дворцово-парковый музей-заповедник, 25-26 февр. 2016 г.). – Ялта, 2016. – С. 110–118.*
- Павленко, 1996 – *Павленко Ю. Последнее путешествие Рузвельта // Крымская газета. – 1996. – 22 мая. – С. 3.*
- Павлова, 2010 – *Павлова Т. Ф. Ялта – колыбель ООН. Библиографический список (к 65-летию Крымской конференции). – Севастополь, 2010. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://rudocs.exdat.com/download/docs-271304/271304.doc> – Загл. с экрана. – 14.07.2017.*
- Перепилица, 1975 – *Перепилица Г. Исторический форум. Сегодня исполняется 30 лет со дня открытия Крымской (Ялтинской) конференции глав правительств СССР, США и Великобритании // Курортная газета. – 1975. – 4 февр.*
- Переписка, 1957 – *Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. : в 2 т. – Москва : Госполитиздат, 1957.*
- Переписка, 1976 – *Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами*

- Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. : в 2 т. – Москва : Госполитиздат, 1976.*
- Печатнов, 2000 – *Печатнов В. О. Ялта кто виноват? Размышления американского дипломата // Россия XXI. – 2000. – № 2. – С. 124–139.*
- Печатнов, Магадеев, 2017 – *Печатнов В. О. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование в 2 т. Т. 2. / В. О. Печатнов, И. Э. Магадеев. – Москва : Просвещение, 2017. – 768 с.*
- Підберезних, 2011 – *Підберезних І. Є. Роль і значення Ялтинсько-Потсдамської системи міжнародних відносин // «Холодна війна» 1946-1991 рр. : матеріали наук. конф. (28 лютого 2011 р.) / під ред. М. С. Буряна. – Луганськ, 2011. – С. 107–112.*
- Победа, 1945 – *Победа. – 1945. – 11 февр.*
- Поздеева, 1985 – *Поздеева Л. В. Межсоюзнические отношения в период подготовки Крымской конференции // Ялтинская конференция 1945: уроки истории /АН СССР. Отд-ние истории ; Нац. ком-т историков СССР ; [редкол.: А. Н. Яковлев (отв. ред.), Л. В. Поздеева, Д. М. Проэктор и др.]. – Москва, 1985. – С. 92–103.*
- Позняков, 1985 – *Позняков В. В. Крымская конференция в оценке американских участников переговоров // Американский ежегодник. – 1985. – С. 179–187.*
- Полищук, 1985 – *Полищук А. Не повернуть историю вспять // Евпаторийская здравница. – 1985. – 12 февр. – С. 3.*
- Політична історія, 2003 – *Політична історія України ХХ століття. Т. 4 : Україна у другій світовій війні (1939-1945) / керівник тому В. І. Кучер. – Київ : Генеза, 2003. – 584 с.*
- Пономарев, 1970 – *Пономарев М. В интересах всего человечества. К 25-летию Крымской конференции // Красная звезда. – 1970. – 13 февр.*
- Пономарева, 1975 – *Пономарева Е. В. Ялта, 30 лет спустя // США. Экономика, политика, идеология. – 1975. – № 2. – С. 57–66.*
- Проэктор, 1985 – *Проэктор Д. М. Ялтинская конференция и германская проблема // Ялтинская конференция 1945: уроки истории /АН СССР. Отд-ние истории ; Нац. ком-т историков*

- СССР ; [редкол.: А. Н. Яковлев (отв. ред.), Л. В. Поздеева, Д. М. Проэктор и др.]. – Москва, 1985. – С. 63–72.
- Райский, 1979 – *Райский Н. С.* – Борьба СССР за выполнение решений Крымской конференции 1945 г. о Польше // Вопросы истории. – 1979. – № 7. – С. 22–36.
- Реутов, 1970 – *Реутов Г. Н.* Правда и вымысел о Тегеранской и Крымской конференциях // Правда и вымысел о второй мировой войне. – 2-изд. – Москва, 1970. – С. 212–234.
- Ржешевский, 1984 – *Ржешевский О. А.* Война и история: буржуазная историография США во Второй мировой войне. – 2-е изд., дополненное и перераб. – Москва : Мысль, 1984. – 333 с.
- Ржешевский, 1985 – *Ржешевский О. А.* Крымская конференция: буржуазная историография и современная идейно-политическая борьба // Ялтинская конференция 1945: уроки истории /АН СССР. Отд-ние истории ; Нац. ком-т историков СССР ; [редкол.: А. Н. Яковлев (отв. ред.), Л. В. Поздеева, Д. М. Проэктор и др.]. – Москва, 1985. – С. 135–145.
- Роцин, 1985 – *Роцин А. А.* Крымская конференция и послевоенное урегулирование// Ялтинская конференция 1945: уроки истории /АН СССР. Отд-ние истории ; Нац. ком-т историков СССР ; [редкол.: А. Н. Яковлев (отв. ред.), Л. В. Поздеева, Д. М. Проэктор и др.]. – Москва, 1985. – С. 104–111.
- Рузвельт, 1947 – *Рузвельт Э.* Его глазами / пер. с англ. А. Д. Гуревича, Д. Э. Куниной ; под ред. И. Е. Овадиса ; вступ. ст. С. К. Бушуева. – Москва : Иностранная литература, 1947. – 255 с.
- Рыхловский, 1984 – *Рыхловский Б.* Ялтинская конференция и современность // Международная жизнь. – 1984. – № 6. – С. 84–93.
- Сабуров, 1985 – *Сабуров В.* Задание особой важности // Москва. – 1985. – № 2. – С. 132–135.
- Сапронов, 2008 – *Сапронов П.А.* Власть: прошлое и будущее. – Москва : Институт экономических стратегий, 2008. – 248 с.
- Сартр, 2017 – *Сартр Ж. П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии : пер. с фр. В. И. Колядко. – Москва : АСТ, 2017. – 928 с.
- Сборник, 1955 – *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами.* Вып. XI. – Москва : Госполитиздат, 1955. – 200 с.

- Сванадзе, 1985 – *Сванадзе Л. Н.* Крымская конференция и политическая борьба в Великобритании // Ялтинская конференция 1945: уроки истории /АН СССР. Отд-ние истории ; Нац. ком-т историков СССР ; [редкол.: А. Н. Яковлев (отв. ред.), Л. В. Поздеева, Д. М. Проэктор и др.]. – Москва, 1985. – С. 157–159.
- Священное тело короля, 2006 – *Священное тело короля: ритуалы и мифология власти* : сборник статей / отв. ред. Хачатурян Н. А. – Москва : Наука, 2006. – 484 с.
- Севостьянов, 1985 – *Севостьянов П. П.* Историческое значение Крымской (Ялтинской) конференции 1945 г // Ялтинская конференция 1945: уроки истории /АН СССР. Отд-ние истории ; Нац. ком-т историков СССР ; [редкол.: А. Н. Яковлев (отв. ред.), Л. В. Поздеева, Д. М. Проэктор и др.]. – Москва, 1985. – С. 23–28.
- Севостьянов, Кынин, 1985 – *Севостьянов П. П.* Крымская (Ялтинская) конференция / П. П. Севостьянов, Г. П. Кынин // Новая и новейшая история. – 1985. – № 3. – С. 18–29.
- Секретная переписка, 1995 – *Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны.* – Москва : Терра, 1995. – 800 с.
- Симеон (Мазаев), 2017 – *Симеон (Мазаев), иеромонах.* Мужская философия. Быть настоящим мужчиной. – Москва : Данилов мужской монастырь, 2017. – 320 с.
- Симоненко, 1995 – *Симоненко Р. Г.* Сестри великої перемоги. Кримська (Ялтинська) й Берлінська (Потсдамська) конференції та Україна. – Київ, 1995. – 172 с.
- Синица, 1996 – *Синица Д. А.* Конец Ялтинской системы: аксиологический аспект // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы : материалы междунар. науч. симп. – Симферополь, 1996. – С. 147–151.
- Сиполс, 1985 – *Сиполс В. Я.* Защита Советским Союзом интересов Польши на Крымской конференции// Ялтинская конференция 1945: уроки истории /АН СССР. Отд-ние истории ; Нац. ком-т историков СССР ; [редкол.: А. Н. Яковлев (отв. ред.), Л. В. Поздеева, Д. М. Проэктор и др.]. – Москва, 1985. – С. 84–92.
- Сиполс, 1985-А – *Сиполс В.Я.* На пути к великой Победе. Советская дипломатия в 1941—1945 гг. – Москва : изд-во пол. лит., 1985. – 495 с.

- Сиполс, 1986 – *Сиполс В. Я.* Защита Советским Союзом интересов Народной Польши на Крымской и Берлинской конференциях 1945 года // История СССР. – 1986. – № 3. май – июнь. – С. 21–38.
- Сиполс, Чельшев 1984 – *Сиполс В. Я.* Крымская конференция, 1945 год / В. Я. Сиполс, И. А. Чельшев. – Москва : Междунар. отношения, 1984. – 93 с.
- Славин, 1962 – *Славин И. М.* Борьба Советского Союза за выполнение крымских решений о Польше // Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР. – Москва, 1961. – Т. 22. – С. 3 – 24.
- Славинский, 1996 – *Славинский Б. Н.* Ялтинская конференция и проблема «северных территорий». – Москва : Новина, 1996. – 221 с.
- Советский Союз, 1979- *Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.* Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4-11 февр. 1945 г.). Т. 4 : сб. док. / гл. ред. А. А. Громыко. – Москва : Политиздат, 1979. – 326 с.
- Советский Союз, 1984 – *Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.* : в 6 т. Т 4 : сб. док. / гл. ред. А. А. Громыко. – Москва : Изд-во политической лит., 1984. – 302 с.
- Советский Союз, 1984-А – *Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.* : в 6 т. Т. 1 : сб. док. / гл. ред. А. А. Громыко. – Москва : Изд-во политической лит., 1984. – 384 с.
- Сомов, 2010 – *Сомов М. В.* Современные информационные технологии в музейной сфере // Социально-политические и культурные проблемы современности : материалы III Междунар. науч.-теоретич. конф. – Симферополь, 2010. – С. 679–682.
- Сосинский, 1970 – *Сосинский С. Б.* Акция «Аргонавт» (Крымская конференция и её оценка в США). – Москва : Междунар. отношения, 1970. – 129 с.
- Сталинский путь, 1945 – *Сталинский путь.* – 1945. – 20 февр.
- Сталинское знамя, 1945 – *Сталинское знамя.* – 1945. – 10 февр.
- Сталинское знамя, 1945-А – *Сталинское знамя.* – 1945. – 16 февр.

- Супрунюк, 1990 – *Супрунюк Г.* «Большая тройка»: Черчилль глазами англичанина : (К 45-летию Ялтинской конференции) // Советский Крым. – 1990. – 6 февр.
- Тегеран, 1967 – *Тегеран – Ялта – Потсдам* : сб. док. – Москва : Междунар. отношения, 1967. – 368 с.
- Тегеран, 1970 – *Тегеран – Ялта – Потсдам* : сб. док. – 2-е изд., дополн. – Москва : Междунар. отношения, 1970. – 416 с.
- Тимофеев, 2015 – *Тимофеев А. Ю.* Балканы в контексте ялтинской конференции. Планы и перспективы // 1945 год: формирование основ послевоенного мироустройства : сб. материалов Всероссийской науч. конф., посвящённой 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Киров : Радуга-ПРЕСС, – 2015. – С. 70–94.
- Толмачев, 1966 – *Толмачев П.* Тегеран, Ялта, Потсдам и современность // Международная жизнь. – 1966. – № 12. – С. 103–111.
- Тригуб, 2012 – *Тригуб О. П.* Ялтинська конференція 1945 р. на сторінках радянської преси (на матеріалах газети «Известия») // Наукові праці [Чорноморського державного університету ім. Петра Могили]. Сер. Історія. – 2012. – Т. 180, Вип. 168. – 110–113. [Електронний ресурс] – Режим доступа : http://nbuv.gov.ua/UJRN/Npchdui_2012_180_168_22 – Загл. с экрана. – 14.07.2017.
- Трудящиеся нашего района, 1945 – *Трудящиеся нашего района горячо приветствуют исторические решения Крымской конференции* // Красное Знамя. – 1945. – 18 февр. – № 1. – С. 1.
- Туляков, 2004 – *Туляков Ю. Т.* К 60-летию Ялтинской конференции. Время раскрывать секреты // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 52, Т. 1. – С. 60–62.
- Уортман, 2002 – *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. – Москва : ОГИ, 2002. – 608 с.
- Усачев, 1985 – *Усачев И. Г.* Роль Крымской конференции в создании ООН // Ялтинская конференция 1945: уроки истории / АН СССР. Отд-ние истории ; Нац. ком-т историков СССР ; [редкол.: А. Н. Яковлев (отв. ред.), Л. В. Поздеева, Д. М. Проэктор и др.]. – Москва, 1985. – С. 122–134.
- Ушаков, 1985 – *Ушаков Н. А.* Международно-правовые аспекты решений Крымской конференции // Ялтинская конференция

- 1945: уроки истории /АН СССР. Отд-ние истории ; Нац. ком-т историков СССР ; [редкол.: А. Н. Яковлев (отв. ред.), Л. В. Поздеева, Д. М. Проэктор и др.]. – Москва, 1985. – С. 159–162.
- Фадеева, 2001 – *Фадеева И. Л.* Концепция власти на Ближнем Востоке. Средневековье и новое время. – Москва : Восточная литература РАН, 2001. – 285 с.
- Феодосийцы, 1945 – *Феодосийцы горячо приветствуют исторические решения Крымской конференции* // Победа. – 1945. – 18 февр. – № 22 (2741). – С. 1.
- Филлитова, 1985 – *Филлитов А. М.* Версия о «нарушениях» СССР ялтинских решений в современной буржуазной историографии (критический анализ) // Ялтинская конференция 1945: уроки истории /АН СССР. Отд-ние истории ; Нац. ком-т историков СССР ; [редкол.: А. Н. Яковлев (отв. ред.), Л. В. Поздеева, Д. М. Проэктор и др.]. – Москва, 1985. – С. 162–164.
- Формування ялтинсько-потсдамської системи – *Формування ялтинсько-потсдамської системи міжнародних відносин і доля України* : стенограма круглого столу [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.memory.gov.ua/ua/publication/content/1282.htm>. – Загл. с экрана. – 18.10.2013.
- Фуки, 1990 – *Фуки А.* Эта святая земля: Черчилль в Севастополе в 1945 году // Советский Крым. – 1990. – 13 сент.
- Фуко, 2002 – *Фуко М.* Интеллектуалы и власть (1972) // Интеллектуалы и власть : избр. полит. ст., выступления и интервью / пер. с фр. В. П. Визгин и Б. М. Скуратова. – Москва, 2002. – С. 66–80.
- Фуко, 2004 – *Фуко М.* Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой. – Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия, 2004. – 416 с.
- Фуко, 2010 – *Фуко М.* Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьякова. – Санкт-Петербург : Наука, 2010. – 449 с.
- Фуко, 2011 – *Фуко М.* Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году / пер. с фр. Н.В. Сулова, А.В. Шестакова, В.Ю. Быстрова. – Санкт-Петербург : Наука, 2011. – 544 с.

- Халипов, 2002 – *Халипов В. Ф.* Наука о власти. Кратология : учебное пособие. – Москва : ОСЬ-89, 2002. – 448 с.
- Харламов, 1945 – *Харламов М.* Упрочение и расширение фронта противогерманской коалиции // Сталинское Знамя. – 1945. – 18 февр. – С. 2.
- Хачатурян, 2008 – *Хачатурян Н. А.* Власть и общество в западной Европе в средние века. – Москва : Наука, 2008. – 313 с.
- Хворостяный, 1985 – *Хворостяный И. М.* Основные направления фальсификации участия Украинской ССР в ООН// Ялтинская конференция 1945: уроки истории /АН СССР. Отд-ние истории ; Нац. ком-т историков СССР ; [редкол.: А. Н. Яковлев (отв. ред.), Л. В. Поздеева, Д. М. Проэктор и др.]. – Москва, 1985. – С. 164–166.
- Холендро, 1945 – *Холендро Д.* Здесь происходила Крымская конференция / Д. Холендро, М. Олинский // Красный Крым. – 1945. – 23 марта. – С. 3.
- Христофоров, 2013 – *Христофоров В.* Операция «Долина» // Родина. – 2013. – № 5. – С. 112–116.
- Цатурова, 2002 – *Цатурова С. К.* Офицеры власти: Парижский Парламент в первой трети XV века. – Москва : Логос, 2002. – 384 с.
- Червеко, 1992 – *Червеко К. Е.* Территориально-пограничные вопросы в отношениях России и СССР с Японией : дисс. ... д-ра ист. наук / Червеко К. Е. – Москва, 1992. – 394 с.
- Черчилль, 1991 – *Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. 3 / пер. с англ. – Москва : Военное изд-во, 1991. – 704 с.
- Шамрин, 2005 – *Шамрин О. А.* Арденнская операция и ее влияние на позиции союзников на Крымской конференции // Историческое наследие Крыма. – 2005. – № 9. – С. 9–11.
- Шамрин, 2005-А – *Шамрин О. А.* Крымская конференция 1945 года: итоги изучения советской и британской политики // Дипломатия Великой Победы: итоги исследований и уроки для формирования новой системы международных отношений : материалы науч. конф. (Ялта, 6 мая 2005г.) : сб. науч. ст. / под ред. С. В. Юрченко. – Симферополь, 2005 – С. 5–11.
- Шамрин, 2010 – *Шамрин О.А.* Крымская конференция 1945 года в современной историографии Украины и России // «Ялтинская

- система и современный мировой порядок: проблемы глобальной и региональной безопасности : материалы междунар. науч. конф. (Ялта. 17-21 февр. 2010 г.) / под ред. С. В. Юрченко. – Симферополь, 2010. – С. 293–297.
- Шантырь, 1974 – *Шантырь С.* Ялта, февраль 1945-го // Курортная газета. – 1974. – 9 февр. – С. 4.
- Шантырь, 1979 – *Шантырь С.* Документы Крымской встречи // Советский Крым. – 1979. – 9 мая.
- Шантырь, 1985 – *Шантырь С.* Провал операции «Абвер-Юга» // Крымские каникулы. – Симферополь, 1985. – Кн. 2. – С. 61–64.
- Шевченко, 2010 – *Шевченко О. К.* «Границы Ялты» социокультурный срез Силезии, присоединенной к Польше в 1945 г. // «Ялтинская система» и современный мировой порядок : материалы науч. конф. (Ялта, 17-21 фев. 2010 г.). – Симферополь, 2010. – С. 286–292.
- Шевченко, 2012 – *Шевченко О. К.* «Польский вопрос» на Крымской конференции 1945 г. (по материалам диссертационного фонда РГБ) // Культура народов Причерноморья. – 2012. – № 243. – С. 100–104.
- Шевченко, 2012-А – *Шевченко О. К.* Парадоксы восприятия Крымской конференции 1945 г. в ментальном поле культуры (историографический эксперимент) // Мистецтво і наука третього тисячоліття : матеріали наук. конф. (3-4 листоп. 2012). – Симферополь, 2012. – С. 66–69.
- Шевченко, 2012-Б – *Шевченко О. К.* Историография крымской конференции 1945 г. в Интернет-пространстве // Таврійські студії. – 2012. – № 3. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://kukiit.ru/docs/ts/no3/5.pdf>. – Загл. с экрана. – 14.07.2017.
- Шевченко, 2013 – *Шевченко О. К.* Кримська (Ялтинська) конференція 1945 р. в українському гуманітарному знанні // Дні науки філософського факультету – 2013 : матеріали міжнар. наук. конф. (Київ, 16-17 квіт. 2013). – Київ, 2013. – Ч. 8. – С. 244–246.
- Шевченко, 2013-А – *Шевченко О. К.* Кримська (Ялтинська) конференція в Українській історіографії 1991-2013 рр. : аналітичний огляд // Історичні записки : зб. наук. праць. – 2013. – Вип. 39. – С. 214–222.

- Шевченко, 2013-Б – *Шевченко О. К.* Крымская пресса февраля 1945 г. как источник по истории крымской (ялтинской) конференции // Всесвітня історія та актуальні проблеми міжнародних відносин : стат. та матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (Луганськ, 9–10 квіт. 2013 р.) / під ред. М. С. Бурьяна. – Луганськ, 2013. – С. 415–419.
- Шевченко, 2013-В – *Шевченко О. К.* Ресурси наукового архіву Лівадійського палацу-музею і Кримська конференція 1945 року: історіографічна розвідка // Вісник Львівського ун-ту. Сер. Міжнародні відносини. – 2013. – Вип. 33. – С. 47–54.
- Шевченко, 2013-Г – *Шевченко О. К.* Средняя Азия и Дальний Восток на Крымской конференции 1945 г. в диссертационных штудиях РФ // Проблемы джерелознавства, історіографії та історії Сходу : матеріали міжнар. наук. конф. присвяченої 90-річчю з дня народження проф. Вольфа Менделевича Бейліса (Луганськ, 15-16 мая 2013). – Луганськ, 2013. – С. 246–251.
- Шевченко, 2013-Д – *Шевченко О. К.* 1945-1974 гг. как период формирования советской историографии Ялтинской конференции // Культура народов Причерноморья. – 2013. – № 254. – С. 174–177.
- Шевченко, 2013-Е – *Шевченко О. К.* Ялтинская конференция 1945 г.: в гносеологическом поле философии // Культура народов Причерноморья. – 2013. – № 259. – С. 195–199.
- Шевченко, 2014 – *Шевченко О. К.* О структуре русскоязычной документальной базы по Крымской (Ялтинской) конференции 1945 г. // Культура народов Причерноморья. – 2014. – № 266. – С. 120–125.
- Шевченко, 2014-А – *Шевченко О. К.* Клиометрия и ялтинская конференция 1945 г. (к вопросу о методологии философии истории) // Культура народов Причерноморья. – 2014. – № 275. – С. 191–194.
- Шевченко, 2015 – *Шевченко О. К.* К вопросу о базовых параметрах квантированной историографии ялтинской конференции 1991-2014 гг. // Гуманитарные науки. – 2015. – № 2. – С. 81–88.
- Шевченко, 2015-А – *Шевченко О. К.* Публикация источников по Ялте-45: квантированный анализ печатных материалов рос-

- сийской федерации и Украины в 1991-2014 гг. // Вестник архивиста. – 2015. – № 4. – С. 142–153.
- Шевченко, 2015-Б – *Шевченко О.К.* Историческая судьба Русинов и вопрос об ООН на Крымской конференции 1945 г. (к вопросу об исторической методологии) // Русин. – 2015. – № 2. – С. 174–188.
- Шевченко, 2015-В – *Шевченко О.К.* Археология власти: Восточная Галичина в этнических дискурсах Ялтинской конференции // Русин. – 2015. – №4. – С. 168–184.
- Шевченко, 2016 – *Шевченко О. К.* Теории власти, которых еще нет (об открытом и закрытом знании в современной науке) // Журнал «Самиздат». [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://samlib.ru/comment/s/shewchenko_o_k/vlast?&COOK_CHECK=1 – Загл. с экрана. – 08.01.2018.
- Шевченко, 2016-А – *Шевченко О.К.* «Япония» и «Польша» как точки дискурсов Крымской конференции 1945 г. (к вопросу о гносеологических возможностях философии власти) // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего : сборник науч. стат. всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Нижевартовск, 13–15 октября 2016 г.). – Нижевартовск : изд-во НВГУ, 2016. – С. 204–209.
- Шевченко, 2017 – *Шевченко О.К.* Осмысление кризиса 1939-1941 гг. в дипломатических дискурсах 1945 года // К 75-летию начала Великой Отечественной войны: На грани катастрофы : материалы междунар. науч. конф. (Москва, 22-23 июня 2016г.) / Сост. Ю.А. Никифоров, Д.В. Суржик. – Брянск : ООО ИД “Историческое сознание”, 2017. – Ч.1. – С. 272–280
- Шевченко, Пигулева, 2013 – *Шевченко О. К.* Крымская конференция 1945 г. на почтовых конвертах и марках XX века / О. К. Шевченко, А. П. Пигулева // Культура народов Причерноморья. – 2013. – № 246. – С. 110–113.
- Шервуд, 1958 – *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца : в 2 т. Т. 2. – Москва : Изд-во иностранной лит., 1958. – 679 с.
- Юдина, 2005 – *Юдина Л. Д.* Саки – «ворота» Крымской конференции. 1945. – Симферополь : Магистр, 2005. – 48 с.

- Юрченко, 1999 – *Юрченко С. В.* «Большая Тройка» и другие официальные лица: Крымская конференция 1945 года в портретах ее участников. – Севастополь : Мир, 1999. – 150 с.
- Юрченко, 2000 – *Юрченко С. В.* Сталин, Рузвельт, Черчилль на Ялтинской конференции 1945 года: три подхода к войне и миру. – Севастополь : Мир, 2000. – 128 с.
- Юрченко, 2003 – *Юрченко С. В.* Гриф секретности снят: охрана Ялтинской конференции 1945 года. – Севастополь : Мир, 2003. – 178 с.
- Юрченко, 2005 – *Юрченко С. В.* Исторические события и память поколений: к 60-летию Ялтинской конференции // Историческое наследие Крыма. – 2005. – № 9. – С. 6–8.
- Юрченко, 2005-А – *Юрченко С. В.* Ялтинская конференция 1945 года: хроника создания нового мира. – Симферополь : Крым, 2005. – 340 с.
- Юрченко, 2005-Б – *Юрченко С. В.* Ялтинская конференция 1945 года глазами исследователей // Историческое наследие Крыма. – 2005. – № 10. – С. 7–8.
- Юрченко, 2010 – *Юрченко С. В.* Ялтинская конференция 1945 года: принципы переговоров, значение и уроки // Вестн. Московского ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. – 2010. – № 1. – С. 114–130.
- Юрченко, 2016 – *Юрченко С. В.* Исторический контекст, значение и уроки Ялтинской конференции 1945 г. // Вестник архивиста. – 2016. – № 1. – С. 203–237.
- Языкович, 1985 – *Языкович Э. Ф.* Решения Ялтинской конференции и внешнеполитическая деятельность Белорусской ССР // Ялтинская конференция 1945: уроки истории /АН СССР. Отд-ние истории ; Нац. ком-т историков СССР ; [редкол.: А. Н. Яковлев (отв. ред.), Л. В. Поздеева, Д. М. Проэктор и др.]. – Москва, 1985. – С. 166–168.
- Яковлев, 1945 – *Яковлев Л.* Международный обзор // Красный Крым. – 1945. – 20 февр. – С. 2.
- Яковлев, 1985 – *Яковлев А. Н.* Ялтинская конференция: уроки истории и современность // Ялтинская конференция 1945: уроки истории /АН СССР. Отд-ние истории ; Нац. ком-т исто-

- риков СССР ; [редкол.: А. Н. Яковлев (отв. ред.), Л. В. Поздеева, Д. М. Проэктор и др.]. – Москва, 1985. – С. 5–17.
- Ялта. Потсдам, 2006 – *Ялта. Потсдам. Вторая мировая война* : материалы трех «круглых столов», посвященных 60-летию Великой Победы. – Москва : РГСУ, 2006. – 191 с.
- Ялта-2 – *ЯЛТА-2*. Русское зло подняло голову. После Минска Путин пойдет дальше. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.kavkazcenter.com/russ/content/2015/02/13/108033/yalta> – Загл. с экрана. – 20.02.2016.
- Ялта-45, 2010 – *Ялта-45*. Начертания нового мира / отв. ред. Н. А. Нарочницкая. – Москва : Вече, 2010. – 288 с.
- Ялта-45, 2016 – *Ялта 45: уроки истории*. Крым в истории международных отношений в XIX–XXI вв. : материалы науч. конф. (Крым, Ялта, Ливадийский дворцово-парковый музей-заповедник, 25-26 февр. 2016 г.). – Севастополь : РИБЕСТ, 2016. – 185 с.
- Ялтинская (Крымская) конференция, 2005 – *Ялтинская (Крымская) конференция лидеров СССР, Великобритании, США 1945 г. Взгляд 60 лет спустя* : материалы круглого стола. – Москва : Научная книга, 2005. – 75 с.
- Ялтинская конференция, 1985 – *Ялтинская конференция 1945: уроки истории* / АН СССР. Отд-ние истории ; Нац. ком-т историков СССР ; [редкол.: А. Н. Яковлев (отв. ред.), Л. В. Поздеева, Д. М. Проэктор и др.]. – Москва : Наука, 1985. – 192 с.
- 70 лет, 2015 – *70 лет Ялтинской конференции стран антигитлеровской коалиции* : материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 24 дек. 2015 г.) / науч. ред. В. И. Михайленко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 245 с.
- «Argonaut», 1945 – «Argonaut» Record of Military and Political Proceedings at Malta and in the Crimea (Yalta) 1945 [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C4209179> – Загл. с экрана. – 23.02.2018.
- Christopher D. O’Sullivan – Christopher D. O’Sullivan. Sumner Welles, Postwar Planning, and the Quest for a New World Order, 1937-1943. [Электронный ресурс]– Режим доступа : <http://www.gutenberg-e.org/osc01/frames/fosc07.html> – Загл. с экрана. – 14.07.2017.

- Clemans, 1970 – Clemans D. Yalta. – New York: Oxford University Press, 1970. – 468 p.
- Drugi Powszechny 1938 – Drugi Powszechny spis Ludnosci z dn. 9.XII 1931 r. Mieszkania i gospodarstva domowe ludnosc Polska. Warszawa : nakladem gtownego urzedu statystycznego, 1938. – 73 s.
- Ebeling , 2015 – Ebeling R. The Ghosts of Yalta Still Haunt the World / The Heartland Institute. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://blog.heartland.org/2015/02/the-ghosts-of-yalta-still-haunt-the-world/> – Загл. с экрана. – 12.02.2018.
- Foreign Relations 1955 – Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta. 1945. Washington : United States Government Printing Office, 1955. – 1032 p.
- Harbutt , 2010 – Harbutt Fraser J. Yalta 1945: Europe and America at the Crossroads. – New York : Cambridge University Press, 2010. – 438 p.
- Jones, 2008 – Jones H. Crucible of power: a history of American foreign relations from 1897 / Second Edition. – New York : PlymouthRowman & Littlefield Publishers, 2008. – 640 p.
- Kuter, 1955 – Kuter L. Airman at Yalta. – New York ; Duell ; Boston : Little, Brown, 1955. – 180 p.
- La conferencia – 1985 – La conferencia de Yalta 1945. Lecciones de la historia / Alexandr Yákovlev. – Moscow : Editorial de la APN, 1985. – 102 с.
- Regan, 1985 – Reagan R. “Statement on the 40th Anniversary of the Yalta Conference,” February 5, 1985. Online by Gerhard Peters and John T. Woolley, The American Presidency Project. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=37947> – Загл. с экрана. – 12.02. 2018.
- Russell, 1986 – Russell D. Buhitte. Decisions at Yalta. An Appraisal of Summit Diplomacy. – Wilmington : Scholarly Resources, 1986. – 156 p.
- Shevchenko, 2013 – Shevchenko O. K. Yalta-45: Ukrainian science historiographic realia in globalization and universalism era // Science and Education a New Dimension. Humanities and Social Science. – I(2). – Issue: 12, 2013. – P. 39–42.

- Shevchenko, 2013-A – Shevchenko O. «Yalta affair» of the soviet man with the West in the 1945 // Yalta Conference, 1945: actual issues of history, law studies, political science, culture studies and philosophy : materials scientific conference (Simferopol, 3-27 April, 2013) / edited by Oleg K. Shevchenko. – Simferopol, 2013. – P. 138–143. [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://krim-kofeence.at.ua/load/teksty/stati_tezisy_zametki/yalta_conference_1945_actual_issues_of_history_law_studies_political_science_culture_studies_and_philosophy/10-1-0-31 – Загл. с экрана. – 14.07.2017.
- Solga, 2009 – Solga Raymond. Historiography of the Yalta Conference // The United States, 1920-1945. – June 24, 2009. [Электронный ресурс] – Режим доступа : https://www.academia.edu/8947272/Historiography_of_the_Yalta_Conference – Загл. с экрана. – 19.07.2017.
- Stettinius, 1949 – Stettinius E. Roosevelt and the Russians, The Yalta Conference. – Garden City, New York : Doubleday, 1949. – 367 p.
- The Argonaut Conference, 2017 – The Argonaut Conference. – Washington, D.C. : United States Government Printing Office, 2017. – 354 p.
- The Meaning of Yalta, 1956 – The Meaning of Yalta, Big Ythree Diplomacy and the New Balance of Power. – Louisiana State University Press, 1956. – 239 p.
- The national Security Archive – The national Security Archive. The George Washington University [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://nsarchive.gwu.edu/coldwar/documents/index.html> – Загл. с экрана. – 07.03.2018.
- Uribe , 2017 – Uribe S. Frontier Road Power, History, and the Everyday State in the Colombian Amazon. – Published John Wiley & Sons Ltd, 2017 – 280 p.
- Wittmer, 1961 – Wittmer F. The Yalta Betrayal. Data on the Decline and Fall of Franklin Delano Roosevelt / Third Edition. – Caldwell: he Caxton Printers, Ltd., 1961. – 157 p.

SUMMARY

Oleg Shevchenko

The Triumph of Power (the Soviet Historiosophy of Yalta Conference)

Monograph

Yalta Conference of 1945 is the last international forum with the participation of the leading countries of the United Nations in the pre-nuclear era. With its end, not only the next round of diplomatic relations between the countries of the Anti-Hitler Coalition ended, but the stock of Old World diplomacy completely exhausted itself. The same world, which was forging in Westphalia in 1648, vividly manifested itself in Paris in 1814, 1856 and 1919.

Yalta Conference of 1945 marked the end of total European hegemony and raised the issue of uniting diverse countries on different continents into a single organization. An organization that combines the solution of economic, political, social, military and police problems. A neat sounding of this issue at previous meetings of the heads of the Big Three ended in Yalta with the elaboration of specific documents that provided technical details for the implementation of this idea.

It was no longer a matter of declarations, though of a strategic nature, but completely unnecessary for implementation, but about the practical nuances of the work of the emerging United Nations. It was Yalta-45 that became the axis around which the postwar world began to spin. Yalta-45 laid numerous minefields for future political players on the planet Earth: the right of veto of the members of the UN Security Council, the new borders

between Poland and Germany, territorial increments of the USSR in the Far East at the expense of Japan, the principles of political arrangement of post-war Eastern Europe, The United Nations as theoretically independent players of the USSR and BSSR.

The list could be continued on many pages. One thing is clear, the foundations of a new world order were formed in Yalta. And on the eve of the emergence of a nuclear factor in world politics. Potsdam only confirmed the Yalta agreements and rigidly marked those minefields that in February 1945 looked more like an idea of the leaders of the Big Three, and in the summer of the same year they became a factor with which diplomats of different levels had already to work. And the nuclear “Cudgel for Russian guys” in no way changed the vector of the geopolitical express launched in February 1945 in a non-nuclear era at the end of the Westphalian-Versailles world order system.

Let us designate the foundations of the world order, which since 1945 have become the new norm for the world community.

First, it is a factor of time. The creators of the Yalta coordinate system have repeatedly stressed that they create a temporary structure whose purpose is to eliminate the possibility of war in Europe for at least 50 years. This was said by one of the creators of the “Yalta coordinate system” – F.D. Roosevelt, February 6, 1945 during a plenary session in the Great Hall of the Livadia Palace dedicated to the future UN. A little later, J. Stalin, having entered into a harsh polemic with W. Churchill, cited as an argument in favor of his point of view, Roosevelt’s phrase about 50 years of peace and security, making it clear that he fully shared the American president’s vision of the problem. Churchill said nothing, that, to admit, he did extremely reluctantly and seldom. And two days later, on February 8, 1945, at a diplomatic dinner at the Yusupov Palace (Koreiz village), he stated his point of view in the form of a toast in his expressive manner: “I must say that never before in the whole war, gloomy periods, I did not feel as much responsibility as I do at this conference. Now, for the reasons

pointed out by the marshal, we understand that we have reached the top of the hill and the open country stretches before us. Let’s not minimize the difficulties. In the past, peoples, comrades-in-arms, in the course of 5-10 years after the war, dispersed in different directions. Millions of workers moved, therefore, in a vicious circle, falling into the abyss and then rising again only because of their own victims. Now we have the opportunity to avoid the mistakes of previous generations and to ensure lasting peace. People crave peace and joy. Will the families reunite? Will the warrior return home? Will the destroyed houses be restored? Will the worker see his house? The defense of our country is a valiant business, but we still have great challenges ahead of us. We are to realize the dream of the poor so that they can live in peace, protected by our invincible might from aggression and evil. I lay my hopes on the wonderful president of the United States and on Marshal Stalin, in whom we will find peacekeepers and who, having smashed the enemy, lead us to fight against poverty, unrest, chaos, oppression. I hope for this and on behalf of England I declare that we will not lag behind in our efforts. We will unreservedly support your efforts. Marshal talked about the future. It is most important. Otherwise, the oceans of blood will be vain and scolded. I proclaim a toast for the bright, sunlight of the victorious world. “ In all this vivid speech, a philosophically and literally gifted British gentleman marked the usual limit of peace efforts after the great wars – 5-10 years. He clearly wanted and made efforts in Yalta, so that this line was overcome, but as an experienced schemer and insidious representative of the parliamentary democracy of Britain refused to talk about the upper framework of the world. However, all his speech was tied to the generation of the last war and the one that was born directly during this war or immediately after it. Thus, Churchill made it clear that he was counting on one or two generations of the world, which fully corresponds to the lapidary accuracy of the forecast of F. Roosevelt and J. Stalin. No one dreamed of

eternity or centuries. Secondly, it is a factor of the United Nations. Yalta conference was held under the sign of the unification of free nations (including the USSR!) On a single playground. At different stages of the negotiation process, this site was called in different ways: both the United Nations and the Organization of International Security are not important. It was about the global representation of nations in the established world political club. For the first time in the history of the planet, the key players of the planetary organization were to become the countries of the East and Latin America. Moreover in the “Major League” on an equal footing with the right of veto for the first time invited to China and the Soviet Union (three months after the start of the “UN” project in Yalta, on another continent, in San Francisco, was convened by the United Nations Conference on an international organization with the participation of representatives of 50 states representing 80 percent of the inhabitants of the planet Earth). Nobody will ever forget that without the Yalta meeting of the Big Three, and without a concerted effort to build such a complex organization of the United Nations, the idea would get a dwarf exist in the format of the diplomatic “misunderstandings” – the League of Nations, which not only contributed to the world but undermined it.

Third, the factor of boundaries. In Yalta, new borders were established in Europe and Asia. Borders, which to this day remain relevant for both countries that have retained their statehood, as well as those that are successors to the no longer existing powers. Political regimes changed, social structure changed, separate regions merged and disintegrated, internal borders changed, but external borders remained unshakable since 1945. These are such countries as the USSR (at the moment the Yalta borders are the external borders of Ukraine, Belarus and the Russian Federation), Poland, the Federal Republic of Germany, Japan. Questions are discussed about the Yugoslav-Austrian and Yugoslav-Italian border. The questions on the status of Iran and Mongolia have

been clarified. As a result of the Yalta meeting, the borders in Europe and Asia have been substantially transformed, and with the change in the state ownership of the territories, more than 5 million people have emigrated from their Lesser Motherland to their Greater Motherland. Just as many people changed their citizenship, and their children and grandchildren changed their language, culture, practiced inter-ethnic marriages and dissolved into a new national environment.

Fourthly, the idea of dominating individual world outlook socio-economic and political systems in certain territories was fixed. That is, clear spheres of influence were formed in Europe and Asia (Africa, Latin America, the Near and Middle East, with the exception of certain clearly localized territories, were left without a rigid binding to a particular system). It is precisely the spread of Soviet influence through the communist paradigm from Austria to Mongolia (including the support of a number of powerful anti-government organizations in the Near and Middle East, active participation, virtually domination of the Chinese issue) that was the most controversial part of the results of the Yalta peace in the Western establishment. It is the creation of the USSR security belt from friendly and loyal countries that still causes the main criticism of both our domestic ultra liberals and the majority of Western politicians from the Right to the Left inclusive.

The four factors presented were global whales, on which the Yalta world held. In 1991, one of the creators of this world of the USSR ceased to exist. It is symbolic that this happened 46 years after Yalta meetings. At the same time, its sphere of influence collapsed – the fourth pillar of the Yalta world grid of coordinates.

The dissolution of Czechoslovakia, the unification of Germany, struck a blow at the spirit of Yalta agreements (enshrined in the serious international Helsinki Treaty on the inviolability of borders in Europe), but did not in principle contradict the letters signed in Yalta. The third pillar was thoroughly shaken and

morally discredited. A series of Yugoslav wars in 1991-1999. The second pillar – the international security system – has already been questioned. The aggressive, predatory war of NATO forces in violation of the UN Charter (Iraq – 2003-2011, Libya), as well as the distortions of the UN resolution (Libya – 2011), finally discredited the idea of the International Organization for Security. The second pillar has not yet collapsed, but has already collapsed.

50 years after Yalta meetings, the world built by the diplomatic genius of the Big Three collapsed. In fact, some fragments remained of him, which by their size and beauty create an imitation of life, but no matter how serious a role they play. Now a new world order is being formed, which is formed by dynamic and minimally bureaucratic regional superstructures: NATO, EU, SCO, BRICS, EEMP. This is a new world with different rules of the game. The more unusual and piquant was to watch on the eve of the 70th anniversary of Yalta Conference mass statements about the need to create Yalta-2. On the importance and necessity of an authoritative international forum on the creation of new rules of the game in the changed geopolitical continuum. The excitement was extremely high both on the part of the publicists and on the part of the politicians ... But no matter how serious historical or political studies are devoted to the analysis of what all the same admires or oppresses, it still was not.

Since the beginning of the 2000s, at least in the Russian-speaking world, there has not been published any solid monograph or sensible popular scientific publication dedicated to the Crimean (Yalta) conference of 1945. In the majority (the absolute majority!) of scientific articles published on the eve of the jubilee of scientific articles, images created in the era of the Soviet Union were exploited, the main references were made to documents published in the Soviet Union, they referred to theoretical works either published in the Soviet Union or those that merely retold development published in the

same Soviet Union. And this is despite the fact that no one has conducted a full-fledged analysis created by Soviet experts on Yalta conference ... except for the Soviet experts themselves and published in the Soviet Union. The materials were used, the facts were taken into account, theories were adopted by everyone from bloggers to ministers, from students to academics, and there was no understanding of what was being taken, for what or how it was created. At least the author does not know in this plan any specialized work more short abstracts or mournful-ceremonial article for the next anniversary.

Taking into account the role of the Soviet not even historiography, but the complex of historical, philosophical and political (with serious elements of political technology and diplomatic blackmail) developments in Yalta conference, understanding and realizing the influence that they exert not only on cabinet scientists but also on existing politicians to expose system analysis of the history of event Yalta-45 development.

The above chapters will deal not so much with Yalta Conference itself as a historical event, as with the system of using the remnants of this event (photographs, documents, memories and others) in the Soviet Union in a serious competitive struggle for geopolitical dominance in the years of the Cold War. It should be noted that this process was in parallel with the same efforts of Anglo-Saxon intellectuals to use Yalta-45 in their no less mercenary political games. Sometimes these worlds intersected and were subjected to mutual condemnation and discredit, and, as far as we can judge, Soviet experts knew the work of their counterparts on the other side of the Iron Curtain much better than the Anglo-American professors' works of Soviet specialists. But this is the topic of a separate paragraph, which, if the author's circumstances permit, will be expanded into a separate book.

This book consists of seven chapters. The first chapter is purely methodological. Its goal is to introduce the reader into the author's intention, to acquaint him, with the author's hypotheses,

postulates and axioms, to master the author's vocabulary and the viewpoint of the stated problems. In the second chapter, the key concepts for Soviet historiography (as well as political science, philosophy, ethnography, journalism, etc.) are dashed out with ideas, concepts and techniques that have always been created within the framework of a specific project related to international activity or an ideology correction. In the third chapter, the influence of the geopolitical factor on the formation of the historiosophy of Yalta conference is traced. In the fourth chapter, a detailed source study of Soviet experts on Yalta-45 was elaborated, the stages of its formation and the specifics of the publication were specified. In the fifth chapter, the technology of creating the necessary power of the Yalta image is thoroughly and thoroughly opened. The sixth chapter is devoted to the great role of Crimean journalism in the work on the Yalta world. In 1945, Crimean journalism played a serious role in diplomatic games, in the 70s it often published iconic "Yalta texts" before their appearance in the Great Books. Numerous participants of Yalta Conference in the 80s were eager to give their memories. And given that in the 70-80th years, up to 10-11 million tourists (including foreign ones) arrived in Crimea in a year, the impact of the Crimean press on creating Yalta-45 image is difficult to overestimate. In the seventh chapter, the influence of historiosophical concepts of Soviet scientists on the specific work of Russian and Ukrainian specialists in 1991-2013 is schematically traced.

Basic Ideas.

"Yalta Conference" is an event of the past. And like any past, it has objectively disappeared in physical space. As an active reality it does not exist, the creators of this reality as physical bodies no doubt function, and the political institutions they lead are radically transformed into a different quality. The only thing that exists in today's day from the practices of the past is

the ruins of concepts, concepts, meanings that we can unearth as archaeologists, extracting from the tons of earth individual artifacts and DESIGN based on them the models of the past reality. But time after time we find ourselves in a situation where this obvious fact encounters both from Washington (the desire to bury Yalta conference) and from a number of officials (too early to bury Yalta conference) to the situation of an eternally living present, on the register of which passes Yalta-45. Who either needs to be buried (and before that it is desirable to liquidate, which was done in the years of all major Jubilee celebrations by politicians and historians of the West with an enviable regularity), or secure (withdraw from a coma, recover after ailment, restore in Yalta-2 format, restart).

Such exceptional vitality of the Yalta senses, their exceptional role in the games of power, is unprecedented. In fact, the Yakutia and the processes associated with it act as a magnificent laboratory for studying the specifics of power in the twentieth century, and the appeal to the events that took place on the southern coast of the Crimea in February 1945 remain relevant not only from the purely scientific point of view, but also from the point of view of geopolitical issues.

This idea was highlighted very clearly in the appeal of the participants of the round table "Yalta 1945-2018: Historical Experience and New Challenges" (the Russian Federation, Yalta, Livadia, 2018), among which the most politically significant persons were: "The world order formed in Yalta is not ideal, did not always ensure a fair outcome of foreign policy processes, but he made the world policy predictable and avoided a global clash of world powers that humanity could not survive. The experience of the creators of the Yalta world is especially relevant today (*italics supplied*). For the situation in which the world is now, there is a lack of stability, a lack of a systematic dialogue between representatives of modern world centers of power. This is of great concern, since with each passing day a new absolute

evil, threatening all of humanity, is gaining momentum – world terrorism. Before our very eyes, it is moving into a new quality: from underground network structures to attempts to create terrorist states. In addition, there are a number of global problems that challenge humanity and require universal unification to find solutions to them.

Global threats require a new consolidation and a coalition of leading powers around which the whole world community could unite (*italics supplied*). Not a debilitating struggle for world hegemony, but a concerted effort to overcome global challenges must become the basis of international politics. And the experience of Yalta Conference of 1945 proves that such a policy is possible (*italics supplied*). However, the construction of such a policy, the creation of an effective system of the future world order without the participation of Russia is impossible. Russia cannot be defeated, forced or ignored. This experience teaches us the experience of the whole XX century (*italics supplied*), so is modern political reality.”

The reasons for the phenomenal vitality of Yalta Conference (from the philosophical point of view, and even from the geopolitical, apparently, too), which has not yet ended, lie in the nature of power. The latter, like reality, never exists at present; it is located either in the future or in the past. In this sense, power is always a dead past. It has no vitality and cannot pass through the register of the living, dynamic, open. Power and the existence of power are a dead past, which receives a pseudo-life in the power process of the present. She gets an illusory life in our purely situational understanding, that there is power and where I am in this power. These are the dead cells that Man puts into the future with an effort. And when this future comes, the process of our comprehension, understanding, perception of power becomes the past, the dead past of power. The process of power is transformed into a dead statics of the true existence of power, which in the next moment we are galvanizing for the

sake of momentary interests. This very process of galvanization throughout 1945-1991 is perfectly illustrated by the example of the discourses of Yalta Conference. It is an exceptionally important laboratory for the mechanisms of diffusion of pseudo-life of power in the constructs of society, art, man, etc. After 1991, Yalta Conference and its being as a universal of power undergo a transformation, but, as the above extensive quotation showed, they do not disappear at all.

The chapters of the book show the specific mechanisms by which power reproduces itself in the formats of pseudo-life. I emphasize that this, in the words of M. Foucault, the strategy of understanding the disappeared past was typical both for the USSR and for its counterpart. Former Allies on the anti-Hitler coalition began to use two very different strategies to empower Yalta-45 with the status of a pseudo-life. The Americans followed the path of creating a cycle of mystifications, a pronounced mystical trash. And having created such an image, they began to fight him fiercely. The classic name from the cycle of the American heritage of understanding Yalta-45, looks something like “The Ghosts of Yalta Still Haunt the World”. Soviet power, unlike the Anglo-American, went on a different path. She began to build the perception of Yalta Conference as an essential basis of her Soviet historiography, she left the historical or historiographic description of the Yalta events, directing her main efforts to create a monumental structure of historiographical existence without a past and a future with an everlasting present.

In the first chapter, we identified five waves characteristic for the formation of strategies for understanding Yalta. Five waves in which the points of diffraction are grouped, equivalence points and cohesions of a certain ordering. In the range from the actual Yalta conference to such a concept as justice. They remain relevant as a process characteristic of the planetary perception of Yalta conference. As for the fragment associated with the Soviet power, then, of course, the waves of stage here look somewhat different

and have their own color, just as the process of wave breaking is typical for the whole ocean trying to wash off a certain shore, but for the local part of the island of Guam this process has their own characteristics. These are different embodied processes, united by one essence. The first stage in the incorporation of the historical event into the historiosophical structure of events is the short stage of February-March 1945. Journalists and spectacular speeches at political events of the USA, Great Britain, and the USSR set the main role in its formation. In overwhelming mass, this is the creation of archetypes of justice, mutual understanding and confidence in the future as the key emotions of Roosevelt Weather in world politics. And these efforts were typical for both the West and the USSR.

The highlight of the stage was the massive inclusion of art in the formation of ideal images: these are films, newspaper feuilletons, and even postal envelopes. A tough ideological rebuff was received only from Berlin – the Yalta Memorandum of Ribbentrop and Tokyo (a series of caustic satires of the central press of the Japanese Empire). At that time, the body of universalism was formed, the main phraseological turns were formed, subuniversals of imperious reality were built, millions of people were involved in the comprehension and perception of the events of power. The second stage is the time of war of the memoirs of the secondary participants of the conference. This is the time of the 40-70s of the 20th century. The main task is to create a solid monolithic image of Yalta for the West and a fragmentary but blinding and bright outline for the citizens of the USSR. The whole image of the West is Yalta-evil, Yalta-defeat, Yalta-prologue of Fulton, Yalta-betrayal. For Soviet citizens, Yalta is positive, wise, honest, fair in the actions of the Soviet delegation. At the same time, light (perfectly visible) cunning, blackmail from the so-called allies. These goals were achieved by citing the memoirs of W. Churchill, H. Harriman, A. Eden, C. Ballen, W. Leggy, the publication of memoirs by E. Roosevelt, R.

Sherwood, N. Kuznetsov, A. Gromyko, I. Maisky, etc. The main method is the formation of an absolute sense of trust in direct witnesses of events and published collections of documents. Extremely active was the reception, which can be expressed according to the following scheme:

1. Emotional color of fact.
2. An example of the negative reflection of Yalta's decision in the modern author of political reality with the help of two or three (sometimes four or five logical transitions).
3. Evidence base of macro events (for example, the Polish question) with the help of microhistory (for example, Churchill's nervous behavior at the negotiating table).
4. Emotional color of fact-2, as the fixation of the embedded image in paragraph 1.

Thus, the hard historical text itself was replaced by skillful rhetoric and juggling of official documents of the paper with an abundance of references to the history of everyday life and everyday descriptive study of local lore, without a significant analysis of the causes of the phenomenon and the course of its historical implementation. The latter were also present, but in specialized editions, little known and rarely read by specialists. In addition, they were negligible, and they were drowned in the main publications described above. It was a real triumph of power. The universal body, which began to disintegrate in the early 1950s, was restored, reanimated and endowed with all the attributes of an imperious pseudo-life. Moreover, in these years the Yakut is a powerful weapon, an instrument for playing on the power field between the USSR and its opponents in the Cold War. An illusion is created, perceived as a reality about the eternal real Yalta Conference. It is updated during the anniversaries, during political negotiations, as part of the reaction to the release of regular mystical thrillers about the Yak by the American experts. The third stage is the 80th-90th, a massive influx of scientific and pseudo-scientific literature. The goal of ideological struggle

remains, but the evidence base of trust is transferred to the section of “pure” science. At this stage, the reserves of scientific knowledge are actively included, incl. and structurally-semantic, narrowly philological studies of texts of treaties, punctuation, semantic games in the comparative analysis of Russian and English documents, although it is already at the break of the Soviet Union. An enormous role in the rationale is reduced to an uncompromising assurance of the absolute truthfulness of the author’s sources. Critical analysis is absent and is replaced by imperative statements, closed armor of author’s authority. At this stage, the government loses the status of pseudo-life and rapidly goes to the field of scientific empiricism, diplomatic jokes, formal slogans. From the West, cliches are strengthening to eradicate Yalta, to her funeral, to get rid of the ghosts of the Crimean Conference. The fourth stage is the beginning of the 21st century. Previously, Yalta acted as a system-forming long-term factor of the ideological system. But already in the 90’s it became obvious that it can not act as a system for organizing mass political consciousness. There began to appear a “shuffle” of meanings: from complete denial (the Polish version), to sentimental images (the sick heart of Roosevelt, Churchill’s alcoholism), the political victory of Soviet diplomacy ... Often in one and the same work (monograph, textbook), these diverse meanings. The historical schools of the West, Russia and Ukraine have ceased to differ on ideological grounds. Journalism with a very sharp but narrow approach to the problem of Yalta again became more active. The scale and all-embracing became the fact of the historiography of the past. In Ukraine, the system of encapsulation of meanings in the Ukrainian segment of the problem is growing, the historiosophical schemes of the USSR are being restored in the Russian Federation, but not in classical samples, but significantly modernized and modified, but one can still see the former historiosophical reality in them. It seemed that the Yak really was a thing of the past, but the events of

2014 again revived the body of its universal with all Soviet and American subuniversals to life. In the Russian Federation, a broad company has been undertaken to publish a whole range of “technical” documentation about Yalta, saturated with piquant diplomatic details (understandable only by experts) and vivid pages of everyday scenes of the stay of the British and American delegations in the Crimea. The last broad company was carried out in October 2017 with the publication: “Clean everything within a radius of 20 kilometers and expose three NKVD rings: a secret document on preparations for Yalta conference.” All this leads to the view that at present we are talking about a historiosophical reassessment of the ideological status of Yalta and the formation of a new platform of opinions. And the actual struggle for political meanings does not stop, the accents and key conceptual factors of meanings have simply shifted.

Author’s information

Oleg Shevchenko. Master of history (2003), Ph.D. (2007), Associate Professor (2015). He has published more than 70 scientific works in the journals of Russia, Ukraine, Belarus, and Hungary. The author of two monographs devoted to the power and philosophy of history. Lives and works in Crimea. Sphere of scientific interests: philosophy of power, philosophy of history, social philosophy, history of Yalta conference and the Yalta world.

My site: <http://shevchenko.mya5.ru/>

Email: skilur80@mail.ru

ResearcherID: B-8971-2018

Scopus Author ID: 56704564600

Orcid: 0000-0002-1362-2875

научное издание

Шевченко Олег Константинович

**Триумф власти
(советская историософия
Ялтинской конференции)**

Монография

Подписано в печать 01.09.2018.
Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 15,0
Бумага офсетная.
Тираж 500 экз.

БРОО «ЦИОГНИС»
г. Брянск, ул. Дуки, д. 65, офис 318
тел.: +7(999)221-14-02

Напечатано в Филиале «Чеховский печатный двор» ОАО
«Первая образцовая типография»
г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1
тел.: +7 (495)502-52-23